

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Итальянский поход Карла VIII и последствия его для Франции

«Намъреваясь обозрѣть исторію и результаты итальянскаго похода Карла VIII, я долженъ напередъ объяснить, какія соображенія побудили меня избрать эту тему для своего труда, и какимъ образомъ думаю я воспользоваться значительнымъ матеріаломъ, находящимся въ моемъ распоряженіи...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василій Григорьевич
Авсеєнко**

**Итальянскій похідъ Карла
VIII и послѣдствія его для
Франціи**

*Очеркъ внутренняго
состоянія Италіи временъ
возрожденія, и вліянія
итальянской культуры на
Францію*

Намъреваясь обозрѣть исторію и результаты итальянскаго похода Карла VIII, я долженъ напередъ объяснить, какія соображенія побудили меня избрать эту тему для своего труда, и какимъ образомъ думаю я воспользоваться значительнымъ матеріаломъ, находящимся въ моемъ распоряженіи.

Политическая и военная сторона похода Карла VIII въ Неаполь очень мало важна и представляетъ мало фактовъ, заслуживающихъ вниманіе; но это дурно рассчитанное и вполнѣ неудавшееся предпріятіе важно для насъ въ другомъ отношеніи. Какъ прологъ французско-итальянскихъ войнъ, безспорно представляющихъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій переходнаго времени, оно имѣетъ обширное значеніе въ исторіи европейской цивилизаціи. Здѣсь французская нація, въ умственномъ, художественномъ и экономическомъ быту которой ясно обозначались еще слѣды средневѣковой эпохи, встрѣтилась лицомъ къ лицу съ итальянской культурой, находившейся тогда въ полномъ цвѣту возрожденія; здѣсь наблюда-

емъ мы столкновение двухъ различныхъ цивилизацій, столкновение, довершившее внутреннее перерождение Франціи, начатое хитрою политикою Людовика XI; здѣсь мы имѣемъ возможность наблюдать также, какими послѣдствіями отразилось на французскомъ народѣ вліяніе глубокой нравственной порчи, которою страдала Италія временъ возрожденія.

Сообразно всему сказанному, политическія и военныя событія, которыми ознаменовался итальянскій походъ Карла VIII, отойдутъ на второй планъ въ моемъ изложеніи. Я не буду также распространяться о нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросахъ, преимущественно интересующихъ Французскихъ историковъ, напр. вопроса о томъ, вѣнчался ли Карль VIII императорскою короною, и дѣйствительно ли уступилъ ему Андрей Палеологъ византійскій престолъ. Всѣ мелочи, имѣющія совершенно частное, спеціальное значеніе, войдутъ въ мой разсказъ только въ томъ случаѣ, если съ ними связаны болѣе важныя и вліятельныя событія разсматриваемой эпохи, или если онѣ ярко

характеризуютъ степень умственнаго и экономическаго развитія того или другаго народа. Преимущественное вниманіе будетъ обращено мною на политическое, умственно-художественное и нравственное состояніе Италіи въ концѣ XV столѣтія, на внутреннее содержаніе и характеръ итальянской цивилизаціи временъ возрожденія. Слѣдя за французами въ ихъ неаполитанскомъ походѣ, я буду не столько излагать, что они дѣлали, сколько, что они видѣли, чему были свидѣтелями, и въ особенности, что перенесли они на собственную почву. Французы и Франція явятся исключительнымъ предметомъ наблюденія только въ заключеніи моего труда. Здѣсь я постараюсь сгруппировать въ одномъ очеркѣ сумму преобразованій, внесенныхъ въ умственный, художественный и политическій бытъ Франціи итальянскимъ вліяніемъ, и прослѣжу въ краткомъ обзорѣни дальнѣйшее развитіе итальянской культуры на Французской почвѣ до временъ Катерины Медичи.

Что касается до источниковъ, которыми я пользовался при составленіи этой

монографіи, то они распадаются на три группы. Къ первой относятся офіціальные акты и документи, въ довольно значительномъ числѣ находящіеся въ приложеніяхъ къ мемуарамъ Коммина (изданіе аббата Lenglet du Fresnoy, съ первоначальнаго изданія Godefroy, 1747 г. 4 тома in 4), также въ приложеніяхъ (*pieces justificatives*) къ нѣкоторымъ новѣйшимъ монографіямъ, и въ драгоценной коллекціи Cimber'a; *Archives curieuses de l'histoire de France*.

Ко второй группѣ относятся хроники, мемуары, реляціи, дневники, большею частью принадлежащіа современникамъ и очевидцамъ итальянскаго похода Карла VIII, и заключающія въ себѣ обширный запасъ свѣдѣній о событіяхъ разсматриваемой мною эпохи. Изъ источниковъ этого разряда, особенно вниманія заслуживаютъ мемуары Коммина, лѣтопись Гвиччардини; дневникъ Бурхарда, честнаго и наблюдательнаго церемоніймейстера двора Александра VI, и стихотворная поэма де-Виня (*Vergier d'honneur*), съ особенною подробностью описывающая походъ Карла VIII изъ Рима въ

Неаполь и обратный путь его во Францію. Наконецъ, третью группу составляютъ изслѣдованія и монографіи новѣйшихъ историковъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ: Michelet, въ своемъ Renaissance обзрѣвающей вліяніе итальянской культуры на Францію, Gordon (Vie du pape Alexandre VI, пер. съ англ.), описывающей дѣла римской куріи въ первый періодъ францужско-итальянскихъ войнъ и особенно важный потому, что онъ пользовался въ рукописи интереснымъ дневникомъ Бурхарда, до сихъ поръ нигдѣ не изданнымъ вполне; William Roscoe (Leben des Lorenzo Medici и Vie et pontificat de Leon X, то и другое перев. съ англ.), въ послѣднемъ своемъ сочиненіи служащей продолженіемъ Гордону и важный по богатству собраннаго имъ матеріала и по приложеніямъ въ концѣ каждаго тома, гдѣ онъ впервые обнаруговалъ много замѣчательныхъ документовъ; Sismondi (Histoire des républiques d'Italie au moyen âge) Leo (Geschichte der italienischen Staaten), Kortum (Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit), въ болѣе или менѣе полныхъ очеркахъ

изображающіе внутреннее и внѣшнее состояніе Італіи въ концѣ XV вѣка, и мн. др. Изъ этого краткаго обзорѣнія источниковъ видно, что собранный мною матеріаль, при кажущемся съ перваго взгляда богатствѣ и разнообразіи, не вполне достаточенъ однакоже для выполненія одной изъ главныхъ задачъ, предположенныхъ мною въ этомъ трудѣ, — задачъ изобразить внутреннее перерожденіе Франціи, произведенное итальянскимъ вліяніемъ, прослѣдить развитіе итальянской культуры на французской почвѣ. Исторію культуры можно изучать самостоятельно только по литературнымъ и художественнымъ памятникамъ, изъ которыхъ первые часто недоступны по своей рѣдкости, а вторые требуютъ ознакомленія съ ними на мѣстѣ. Этимъ извиняется въ нѣкоторой степени неполнота послѣдней части моего труда, такъ какъ здѣсь почти единственными руководителями служили мнѣ извѣстный трудъ Мишле: *Histoire de France*, и роскошное изданіе Поля Лакруа; *Moyen âge et Renaissance* [1].

Въ половинѣ XV вѣка, замѣтная пустота об-

разовалась въ жизни европейскаго общества. Въ эту эпоху, всѣ главнѣйшіе факторы средневѣковой исторіи приходятъ въ состояніе изнеможенія и безсилія. "Всѣ великія, міровыя идеи, нашедшія свое осуществленіе въ средне-вѣковой жизни, потеряли наконецъ нравственное обаяніе, которымъ такъ долго были облечены онѣ въ глазахъ западныхъ народовъ. Папство и имперія, два противуположные угла зданія, въ которое сложилась средневѣковая эпоха, истощили свои средства въ вѣковой взаимной борьбѣ и въ борьбѣ съ новыми идеями, проникавшими во всѣ слои западнаго общества. Крестовые походы, ереси средневѣковыхъ раціоналистовъ, авиньонское плѣненіе папъ, великій расколъ, вселенскіе соборы, все это одно за другимъ, словно систематически, потрясало папство, пока не разрушило въ конецъ его политическую силу. Что касается до католицизма, то онъ былъ такъ тѣсно связанъ съ папствомъ, что паденіе одного неминуемо должно было поколебать авторитетъ другаго. Католическій догматъ оставался еще въ силѣ тамъ, куда не

проникла ни одна изъ многочисленныхъ средневѣковыхъ ересей, но то политическое значеніе, которое было связано съ католицизмомъ въ средніе вѣка, было имъ утрачено, и утрачено невозвратно. Основной принципъ средневѣковой эпохи, единство, всемірная централизація, всюду долженъ былъ уступить мѣсто идеѣ національной самобытности, особенности. Стремленіе къ которой подъ конецъ среднихъ вѣковъ становится повсемѣстнымъ и преобладающимъ. Въ XV вѣкѣ, никого уже не могла соблазнить и увлечь стереотипная средневѣковая формула: "одинъ Богъ, одинъ папа, одинъ императоръ". Повсюду, изъ подъ коры католическаго и цезарскаго космополитизма, широкою струею пробивалась народная жизнь выяснялись и осмысливались народныя фізіономіи, опредѣлялись національные интересы. Развитие учреждений, обнимавшихъ своими притязаніями весь европейско-хрістіанскій міръ, остановилось; начался процессъ усиленнаго развитія національныхъ единицъ, мѣстной народной жизни. На развалинахъ императорской власти, на обломкахъ ея все-

ленскихъ притязаній, возвышается власть королевская, источникъ и сила которой коренятся въ элементъ народности, національной самобытности и особенности. Отовсюду возвышается протестъ противъ идеи всемірной монархіи, осуществить которую пытались папство и имперія. "Всемірная монархія, говоритъ одинъ французскій легистъ XIV вѣка, есть дѣло несправедливости и насилія; оно противно волѣ Божіей, раздѣлившей владычество надъ міромъ между королями, герцогами и князьями." [2] «Власть императора ничтожна, говоритъ Эней Сильвій, обращаясь къ нѣмецкимъ князьямъ. Вы повинуетесь ей на сколько хотите, а хотите вы какъ можно менѣе; каждый думаетъ только о своихъ выгодахъ. Христіанскій міръ представляетъ тѣло безъ головы. Папу и императора окружаютъ блескъ ихъ высокихъ достоинствъ; но это только блѣднѣющіе призраки; они не имѣютъ силу повелѣвать, и никто имъ не повинуется. Каждая страна управляется своимъ государемъ, и каждый государь имѣетъ свои интересы» [3]. То, что говоритъ Эней Сильвій о Германіи, относится въ равной мѣрѣ ко всему

европейско-христiанскому мiру. Во второй половинѣ XV вѣка повсюду, отъ Атлантическаго океана до Волги, наблюденiе историка представляются аналогическiя явленiя: вездѣ монархическое, мѣстно-централизованное, государственное начало торжествуетъ надъ обломками старины и захватываетъ въ свои руки регулированье народною жизнью. Во Францiи, Людовикъ XI наноситъ рѣшительный ударъ Феодализму и основываетъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ троновъ въ мiрѣ; въ Англiи, королевская власть, въ лицѣ Генриха VII, выходитъ торжествующею изъ внутренней неурядицы, произведенной распрями бѣлой и алой розъ и вѣковыми войнами съ Францiей; въ Испанiи, Фердинандъ и Изабелла соединенiемъ королевствъ Кастильскаго и Арагонскаго и изгнанiемъ Мавровъ довершаютъ зданiе національнаго единства, и на этой прочной опорѣ основываютъ торжество монархическаго принципа. Въ Германiи, тяготѣнiе частей къ центру замѣтно ослабѣваетъ, и идея имперiи замѣняется идеею земства, народно-федеративной союзности, органомъ которой являют-

ся рейхстаги. Наконецъ, въ Россіи исчезаютъ остатки федеративно-вѣчевой старины, и Новгородъ Великій падаетъ подъ ударами умнѣйшаго изъ собирателей русской земли. Въ этомъ новомъ, движеніи, какъ и во всѣхъ вообще политическихъ переворотахъ западной Европы, инициатива и первенствующая роль принадлежитъ Франціи. Людовикъ XI представляетъ первый примѣръ короля централизатора, осторожно-хитраго и вмѣстѣ жестокаго собирателя своей земли, лучше всѣхъ предшествовавшихъ государей уясниваемаго себѣ задачу и средства королевской власти, и умнѣе и неуклоннѣе всѣхъ стремившагося къ достиженію сознанной имъ цѣли. Задача его была трудная: прежде, чѣмъ приступить къ ея выполненію, ему надлежало залѣчить тяжелья раны, которыми страдала страна, вынесшая на своихъ плечахъ стотридцатилѣтнюю внѣшнюю войну и вѣковой гнетъ феодализма. Страшную картину представляла Франція въ половинѣ XV вѣка. Опустошительная, вполне средневѣковая война покрыла ее развалинами. Города и села дымились отъ недавнихъ

пожарищъ; въ цѣлыхъ округахъ, казалось, жизнь вымерла; плодородныя поля превратились въ необитаемые пустыри; въ лѣсахъ и по дорогамъ бродили хищныя звѣри. Матеріальное благосостояніе народа, никогда не достигавшее высокаго уровня, теперь было въ конецъ разрушено. Земледѣліе и промышленность едва удовлетворяли насущнымъ потребностямъ страны. Гордое, праздное дворянство, неспособное ни къ труду, ни къ пожертвованіямъ, давило крестьянское сословіе всею тяжестью своихъ феодальныхъ правъ. Наемныя войска, одичавшія среди нескончаемыхъ войнъ, грабили страну и обременяли народъ налогами, необходимыми для ихъ содержанія.[4] Толпы бездомныхъ бродягъ (*routiers, ecorcheurs, retondeurs*) разбойничали днемъ и ночью по большимъ дорогамъ, врывались въ селенія, съ звѣрскою жестокостью мучили беззащитныхъ поселянъ и заставляли ихъ нести за ними въ ихъ притоны награбленную добычу.[5] Въ правительствѣ, въ администраціи, царствовалъ первобытный хаосъ. Феодальное начало упорно отстаивало свое существованіе и по-

лагало неодолимую преграду дѣятельности центральной власти. Дворянство вело непрерывную, открытую борьбу съ королемъ. Избалованные слишкомъ столѣтними войнами, привыкшіе къ бивачной жизни, французскіе дворяне не могли усидѣть спокойно по заключеніи мира; они возмущались при каждомъ удобномъ случаѣ, часто безъ всякой сознательной цѣли, единственно чтобъ чѣмънибудь наполнить праздную пустоту своей жизни. Въ послѣднюю половину царствованія Карла VII, не прошло ни одного года безъ того, чтобъ не вспыхнуло гдѣнибудь возстаніе. Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ лѣтописей. Въ 1439 году принцы крови и нѣкоторые вассалы подняли знамя бунта въ Блуа, и во главѣ возмущенія сталъ дофинъ, будущій Людовикъ XI; это возстаніе, которое народъ называлъ прагеріей (praguerie), потому что сопровождавшія его жестокости напоминали войны пражскихъ гусситовъ, продолжалось до 1442 года. Въ этомъ году герцоги Орлеанскій, Валансонскій, Бургундскій, Бретанскій, графъ Вандомъ и герцогъ Бур-

бонь взволновали провинцію Пуату, и для усмиренія ихъ потребовались чрезвычайныя усилія со стороны правительства. Въ слѣдующемъ году возмутился графъ Арманьякъ и завязалъ измѣнническія сношенія съ королями Англійскимъ, Кастильскимъ и Арагонскимъ.[6] Примѣрами подобныхъ возмущеній переполнены французскія лѣтописи XV вѣка. Феодалныя стихіи такъ прочно были укоренены на французской почвѣ, что Людовикъ XI, будучи еще дофиномъ, долженъ былъ употребить въ дѣло всю свою хитрость и энергію, всю силу своего характера, чтобъ прекратить междоусобныя распри феодаловъ въ своей вотчинѣ, провинціи Дофине, и при всемъ томъ, усилія его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Королевская власть была совершенно опутана феодалными узами; что могъ сдѣлать среди такихъ условій благонамѣренный, но слабый и безхарактерный Карль VIII? Этотъ молчаливый король съ угловатымъ черепомъ и неуклюжимъ туловищемъ, только два раза въ день принимавшій пищу, но три раза слушавшій объдню[7], бросался во всѣ сторо-

ны, издавалъ указы за указами, работалъ безъ отдыха, а дѣла все шли по прежнему. Да а что могъ онъ противопоставить феодальнымъ силамъ онъ, который не всегда имѣлъ достаточно денегъ, чтобъ купить себѣ пару сапоговъ?[8] Весь ежегодный государственный доходъ Франціи едва-едва простирался тогда до двухъ съ половиною милл. ливровъ, собственные домены Карла VII доставляли ему всего 500,000 ливровъ, что немногимъ превышало доходы богатыхъ феодальныхъ владѣльцевъ.[9] Какъ слабо было тогда вообще государственное начало передъ феодальными, видно изъ того поразительнаго факта, что король, казнившій смертью преступника изъ несвободнаго состоянія, платилъ за него выкупныя деньги вассалу, которому принадлежалъ казненный[10]. Ко всѣмъ этимъ безпорядкамъ слѣдуетъ присоединить еще глубокую деморализацію народа, выражавшуюся въ отсутствіи всякаго патріотическаго чувства, о чемъ свидѣлствуютъ непрерывныя дезертерства, измѣны, предательства. Народъ отвыкъ отъ труда, усыпилъ совѣсть; лѣность, бродяжничество, грязный развратъ

овладѣли нисшими классами. Таково было внутреннее состояніе Франціи, когда судьба ея изъ слабыхъ рукъ Карла VII перешла въ руки его злаго и умнаго сына. Людовика XI не устрасила трудность выпавшей на его долю задачи. Никогда еще дѣло обширной государственной реформы не находило себѣ такого способнаго исполнителя. Въ характерѣ Людовика XI соединялась осторожная, выжидательная хитрость нашего Ивана III съ подозрительною жестокостью Ивана Грознаго. Расчетливый, холодный, кровожадный Людовикъ XI былъ какъ будто созданъ для того, чтобъ затопить въ крови послѣдніе обломки феодализма. Натура въ высшей степени прозаическая, трезвая, онъ сталъ въ разрѣзъ съ преданіями своего вѣка, въ которыхъ слышались еще отголоски поэтической старины. Рыцарскій, романтическій, элементъ былъ совершенно чуждъ его характеру. Онъ презиралъ и ненавидѣлъ всякое проявленіе чувства; онъ презиралъ поэзію, искусство, презиралъ идеальную любовь къ женщинѣ, презиралъ великодушіе, состраданіе. Прекрасно образованный, начитанный, онъ глубоко прези-

ралъ науку, говоря о ней, что для людей умныхъ она бесполезна, а глупцовъ дѣлаетъ только напыщенными[11]. Въ вѣкъ, въ которомъ были еще живы и полны обаянія преданія рыцарской эпохи, онъ презиралъ турниры, поединки, пышные праздники; единственной забавой его была охота на дикихъ звѣрей, которой предавался онъ съ кровожаднымъ увлеченіемъ. Онъ пренебрегалъ шелкомъ и золотомъ; одежда его была самая простая и грубая. Онъ презиралъ и ненавидѣлъ дворянъ и окружилъ себя людьми изъ низкаго званія: самымъ приближеннымъ къ нему человекомъ былъ его бробръ Оливье, въ народѣ прозванный чертомъ. Систематически отрекаясь отъ всего, завѣщаннаго средневѣковою эпохою, кромѣ суевѣрной набожности, доходившей до Фетишизма, Людовикъ XI отрицалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и идеалъ благородства и чести, созданный и освященный рыцарствомъ. Его не могло связать никакое обѣщаніе, никакая клятва. Онъ нарушалъ ежеминутно данное слово, подкупалъ, поддѣлывалъ подписи и печати. Ничего не было для него святаго въ

человѣческой природѣ, ничего не уважалъ и не цѣнилъ онъ, кромѣ холоднаго, расчетливаго, эгоистическаго разума. Хитрость и вѣроломство считалъ онъ необходимыми элементами и высшимъ проявленіемъ государственной мудрости. Холодный разсудокъ, эманципированный отъ всѣхъ гуманныхъ инстинктовъ, былъ единственнымъ орудіемъ и единственной стихіей его политики. Жестокій отъ природы и по расчету, онъ поддерживалъ свою кровожадность подозрительностью, которою былъ зараженъ онъ подобно всѣмъ тиранамъ. Въ своемъ неприступномъ замкѣ, окруженномъ лѣсами и рвами, онъ подозрѣвалъ всѣхъ и каждого: подозрѣвалъ свою жену, своего сына, подозрѣвалъ вельможъ, духовныхъ, даже своихъ собственныхъ слугъ и шпіоновъ.

Таковъ былъ человѣкъ, задумавшій политически переродить Францію, и на развалинахъ Феодализма устроить свое собственное хозяйство. Съ высокимъ практическимъ тактомъ, съ осторожною, выжидательною хитростью устремился Людовикъ XI къ выполненію предпринятой имъ реформы. Шелъ ли онъ къ

этой цѣли вполнѣ сознательно, расчитанно, или только ловко пользовался обстоятельствами, во всякомъ случаѣ въ его дѣятельности нельзя не замѣтить единства плана и послѣдовательности. Онъ понялъ, что для того, чтобы свободно дѣйствовать, ему надо было прежде создать для себя прочную политическую власть, сосредоточить въ своихъ рукахъ правительственную диктатуру, раздробленную между феодальными единицами. И вотъ, онъ начинаетъ долгую, упорную борьбу съ феодализмомъ, борьбу безчестную, жестокую, въ которой нѣтъ мѣста состраданію и пощадѣ; холодный расчетъ руководитъ его планами, палачъ приводитъ ихъ въ исполненіе. Онъ не охотно прибѣгаетъ къ открытой силѣ; онъ больше любитъ дѣйствовать хитростью и вѣроломствомъ; мелкимъ плутомъ онъ является чаще, чѣмъ тираномъ. При встрѣчѣ съ препятствіемъ, прежде, чѣмъ ниспровергнуть его, онъ ищетъ, нельзя ли обойти его. Онъ часто безъ нужды проливаетъ кровь, но никогда безъ нужды не подвергаетъ себя опасности. Одна верховная идея управляетъ его политикою —

идея государства, сильной центральной власти. На осуществление этой идеи, на борьбу съ препонами, которыя противопоставило ей начало мѣстнаго самоуправленія, сословной, корпоративной или индивидуальной самобытности, Людовикъ XI потратилъ всѣ силы своего ума, всѣ средства своей коварной, гибкой, изворотливой натуры. Хитростью, обманомъ, обольщеніемъ, угрозою, онъ истощилъ и привелъ въ трепеть дворянъ, ревниво наблюдавшихъ до того времени за сохраненіемъ своихъ правъ и своей феодальной независимости. На богатыхъ, могущественныхъ вассаловъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями и значительною политическою силою, онъ обрушился всею тяжестью своей власти, не щадя даже близкихъ родственниковъ. Строптивый парижскій парламентъ и опасный по своимъ притязаніямъ университетъ онъ сдѣлалъ послушными орудіями своей воли. Папской юрисдикціи не придавалъ онъ никакого значенія и замѣщаль по своему произволу вакантныя епископства и аббатства. Огромныя подати [13], собираемыя имъ со всякаго подданнаго,

къ какому бы званію и состоянію тотъ ни принадлежалъ, дали ему средства содержать многочисленное наемное войско, на которое, въ случай надобности, онъ могъ съ увѣренностью опереться. Чтобы возвысить авторитетъ центральной власти, ему надо было вооружить ее строгимъ и неумолимымъ правосудіемъ; съ этою цѣлью, онъ пустилъ въ ходъ цѣлую систему страшныхъ, звѣрски мучительныхъ казней, которыя устрашили самыхъ закоснѣлыхъ злодѣевъ и очистили лѣса и дороги отъ разбойниковъ. Расширяя и устраивая такимъ образомъ свое хозяйство, онъ не упускалъ изъ виду и матеріальнаго возрожденія отвоеванной у феодализма страны, и цѣлымъ рядомъ административныхъ мѣръ старался возвысить земледѣліе, торговлю и промышленность. На все обращалъ онъ свой строгій, проницательный взглядъ, и во всемъ дѣйствовалъ съ неограниченнымъ самовластьемъ. Необъятная диктатура его захватывала даже предметы чисто отвлеченные, управлять которыми не рѣшалось еще ни одно правительство: такъ напр. силою своей королевской власти, онъ объявилъ споръ

реалистовъ съ номиналистами рѣшеннымъ, и разогналъ изъ парижскаго университета профессоровъ богословія, схоластическіе приемы которыхъ ему не нравились [14].

Такимъ образомъ, въ политической сферѣ, переходъ отъ старыхъ отношеній къ новымъ совершился. Цѣль, къ которой стремился Людовикъ XI, была достигнута: онъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ въ странѣ, раздѣленной до того времени между феодальными единицами. Франція возвысилась до цѣльнаго народнаго единства, сплотилась въ одну національность. Раздробленныя феодальныя силы слились въ одинъ широкій политическій резервуаръ; множество маленькихъ частныхъ правительствъ, раздѣлявшихъ въ средневѣковой Франціи королевскую миссію, были уничтожены, или приведены въ зависимое положеніе. Строгой государственной централизаціи, конечно, не далъ и не могъ дать Франціи Людовикъ XI, потому что подобныя реформы совершаются вѣками. Людовикъ XI ничего не создалъ и ничего не разрушилъ вполнѣ: съ одной стороны, организуя центральную власть, онъ не ор-

ганизоваль никакихъ дѣйствительныхъ гарантій, могущихъ обеспечить ея силу въ будущемъ, а съ другой, сословные и корпоративные элементы, съ которыми Людовикъ XI враждоваль всю свою жизнь, были имъ задушены, но не уничтожены: рано или поздно, они могли всплыть на поверхность. Централизаторамъ XVII вѣка предстояло еще много труда, чтобы укрѣпить окончательно государственные узы, завязанные Людовикомъ XI, и довершивъ формацію государства, осуществить на немъ знаменитый принципъ Людовика XIV, высшее выраженіе свѣтскаго абсолютизма: *l'etat, c'est moi*. Но при всемъ томъ, первый и самый трудный актъ перерожденія совершился при Людовикѣ XI: когда онъ умеръ, государства въ современномъ смыслѣ слова еще не существовало, но не существовало также и средневѣковаго феодализма.

Итакъ, Франція вышла политически обновленною изъ суровыхъ рукъ Людовика XI. Оставалось, обновить ее умственно и нравственно, сдѣлать ее участницею научнаго и художественнаго движенія, охватившаго въ

то время Италію, раздѣлить съ нею плоды завоеваній, совершенныхъ челоѵческой мыслью въ XV вѣкѣ. Надо было провести ее сквозь животворный процессъ возрожденія, гуманизировать, итальянизировать ее. Надо было, чтобъ французскій дворъ, сдѣлавшись проводникомъ возрожденной науки и искусства, озарилъ и освятилъ обновленное монархическое начало; чтобъ французское правительство, искусившись въ макиавелизмѣ, этой хитрой наукѣ итальянскаго деспотизма, открыло въ ней новый источникъ силы и новыя средства для продолженія великаго дѣла государственной централизаціи, начатаго Людовикомъ XI. Кто же сдѣлаетъ первые шаги на этомъ широкомъ поприщѣ?

Карлу VIII было тринадцать[15] лѣтъ, когда умеръ Людовикъ XI. Бѣдный ребенокъ приносилъ съ собою на тронъ очень мало надеждъ и много грустныхъ воспоминаній. Подозрительный отецъ, опасаясь потерять вліяніе на сына, умышленно пренебрегалъ его воспитаніемъ[16] и держалъ его въ удаленіи отъ общества[17]. Мать Карла, робкая, запуганная женщина, жившая въ уединеніи подѣ

строгимъ надзоромъ мужа[18], не могла имѣть на сына ни-какого вліянія. Безъ всякаго образованія, съ сбивчивыми, незрѣлыми понятіями, застѣнчивый, нерѣшительный, Карль VIII былъ притомъ очень некрасивъ собою. На его маленькомъ, неуклюжемъ туловищѣ помѣщалась голова такой несоразмѣрной величины, что Итальянцы прозвали его головастикомъ (cabezzusso)[19]. Большіе на выкатѣ глаза, огромный носъ съ горбомъ, плоскія губы, короткая шея и широкая грудь довершали его безобразіе[20]. При этой непривлекательной наружности, съ слабымъ умомъ, не обогащеннымъ ни знаніемъ, ни опытомъ, Карль VIII соединялъ нѣкоторое честолюбіе; но это было, по выраженію Роско, честолюбіе людей ограниченныхъ, которое, ослѣпленное блескомъ предпріятія, не хочетъ знать опасностей и не умѣетъ пользоваться результатами[21]. Мелочной и сластолюбивый, Карль VIII постоянно находился подъ вліяніемъ женщинъ, страсть къ которымъ доходила у него до самаго неблаговиднаго разврата и рано разрушила его здоровье[22]. Единственными качествами Карла, выкупав-

шими отчасти эти недостатки, была необыкновенная доброта, о которой съ увлеченіемъ говорить Комминъ[23], и какое то инстинктивное благоговѣніе къ книгамъ, столь собственное людямъ неученымъ и недалекимъ [24].

Съ такимъ королемъ на тронѣ Франція, обремененная богатою добычею, награбленною Людовикомъ XI, находилась въ опасномъ положеніи. Множество частныхъ и сословныхъ интересовъ, нарушенныхъ самовластіемъ Людовика XI, потребовало реставраціи. Принцы крови вельможи, корпораціи, всѣ въ одинъ голосъ требовали возвращенія ихъ имуществъ, конфискованныхъ въ предшествовавшее царствованіе; сосѣднія правительства также предъявляли свои требованія[25]. Казалось, Франція должна была разорвать себя на клочки, чтобъ удовлетворить всѣ эти притязанія, и отказаться отъ богатаго наслѣдія, завѣщаннаго Людовикомъ XI. Но два обстоятельства помогли Франціи выйдти изъ этого затруднительнаго положенія.

Во первыхъ, народъ стоялъ за политику Людовика XI, которая была тѣсно связана съ

его интересами. Аристократическая, Феодалная реакція, обнаружившаяся тотчасъ по вступленіи Карла VIII на престоль, и пытавшаяся сдѣлать своимъ органомъ государственные чины, не встрѣтила никакого сочувствія въ народныхъ массахъ; напротивъ, враждебное аристократіи расположеніе непривилегированныхъ классовъ высказалось очень громко на государственномъ сеймѣ 1484 года. Несоразмѣрныя притязанія и угрозы аристократовъ разбились объ упругую стойкость парламента и городовъ. Все, чего добилась аристократическая партія отъ государственныхъ чиновъ, состояло въ незначительной суммѣ денегъ, предложенной правительству, и въ согласіи парламента на казнь Оливье, брдобрѣя Людовика XI. Приобрѣтенія, сдѣланный королевской властью на счетъ Феодализма въ предшествовавшее царствованіе, остались неприкосновенными [26].

Вторую поддержку нашла Франція въ томъ обстоятельстве, что во главѣ правленія, за малолѣтствомъ Карла VIII, стала умная и энергическая сестра его Анна Божё. Дочь Лю-

довика XI, воспитанная въ его школѣ, одаренная холоднымъ, практическимъ, изворотливымъ умомъ, властолюбивая и рѣшительная, Анна Божё, подобно своей современницѣ, Изабеллѣ Кастильской, была создана для широкой политической дѣятельности и могла превосходно выполнить трудную роль, указанную ей обстоятельствами. Едва умеръ Людовикъ XI, она захватила въ свои руки регентство надъ малолѣтнимъ братомъ, отстранивъ отъ участія свою мать, искусно противопоставила неудовольствіе народныхъ массъ притязаніямъ аристократической партіи, и такъ ловко и рѣшительно дѣйствовала, что цѣлыя одиннадцать лѣтъ, до самаго похода Карла VIII въ Неаполь, безраздѣльно и неограниченно властвовала надъ молодымъ королемъ и завѣдывала дѣлами правленія. Государствомъ она управляла также легко, какъ своимъ мужемъ, безхарактернымъ герцогомъ Бурбономъ, раздѣлявшимъ съ нею номинально труды правленія. Съ необыкновеннымъ искусствомъ и изворотливостью предупредила она опасность, грозившую Франціи отъ такъ называемой "лиги общественнаго

блага", составившейся изъ вельможъ не-довольныхъ новымъ порядкомъ вещей. Лигеры призвали на помощь Ричарда III короля англійскаго; Анна Божё противопоставила ему Генриха Тюдора, который, ея помощью, овладѣлъ короной Англии. Но вскорѣ неблагодарный Генрихъ VII, соединившись съ Максимилианомъ, сыномъ императора Фридриха III, вторгнулся во Францію. Максимилианъ, кромѣ завоеванія сѣверо-восточныхъ провинцій, имѣлъ въ виду присоединить къ своимъ владѣніямъ Бретань, посредствомъ бра-ка съ Анною Бретанской. Но Анна Божё предупредила его и ввела три арміи въ провинцію, которой угрожало вторженіе, и устроила бракъ Анны Бретанской съ Карломъ VIII. Франція обогатилась новой провинціей, союзники отступили[27].

Свидѣтельства современниковъ очень бѣдны извѣстіями о первыхъ десяти годахъ царствованія Карла VIII[28]. Молодой король не принималъ участія въ дѣлахъ правленія, а политика Анны Божё, повидимому, была направлена исключительно къ сохраненію того порядка вещей, въ которомъ оставилъ

Францію Людовикъ XI. Но съ 1494: года положеніе дѣль измѣняется. вмѣсто дальнѣйшаго развитія новыхъ началъ, положенныхъ Людовикомъ XI въ основаніе внутренняго быта государства, Франція устремляется во внѣшнія предпріятія. Наступаетъ эпоха французско-итальянскихъ войнъ, которыя, будучи тѣсно связаны съ реформою Людовика XI, указываютъ начатому имъ движенію новую форму. Борьба монархическаго начала съ сословными и корпоративными стихіями, приведенная Людовикомъ XI къ исходу, благопріятному для центральной власти, прекращается. Побѣжденное въ этой борьбѣ феодальное начало перестаетъ быть значительнымъ факторомъ Французской исторіи; остатокъ неутомонныхъ феодальныхъ силъ пережившихъ критическую эпоху борьбы, находитъ исходъ въ итальянскихъ войнахъ. На поляхъ Форнуи, Равенны, Мариньяно королевская власть собираетъ обильную жатву съ феодализма. Цвѣтъ французскаго рыцарства падаетъ въ кровавыхъ битвахъ; храбрый, великодушный Баярдъ, послѣдній представитель средневѣковаго рыцарства, послѣдній

«chevalier sans peur et sans reproche», истекаетъ кровью въ битвѣ при Романьяно. Короли, не тревожимые болѣе безпокойными средневѣковыми стихіями, направляютъ свою дѣятельность въ другую сторону. Очарованные пышнымъ цвѣтомъ итальянской культуры, ослѣпленные идеей свѣтскаго абсолютизма, такъ широко и разнообразно развившейся на разорванной въ клочки итальянской почвѣ, они стремятся перенести въ предѣлы своего государства, итальянскую цивилизацію времявъ возрожденія. То, что коварствомъ, угрозою, грубою силою приобрѣлъ Людовикъ XI, они стремятся сохранить за собою силою нравственнаго вліянія. Ставъ во главѣ цивилизующаго движенія, они приобрѣтаютъ новый авторитетъ въ глазахъ народа: они являются передъ нимъ среди пышной придворной обстановки, окруженные всѣми тонкостями итальянскаго этикета. Легко понять, впрочемъ, что французскіе короли, устремляясь во внѣшнія предпріятія, не вполнѣ сознавали ихъ важность и значеніе и не во всемъ объемѣ предугадывали громадное разнообразіе ихъ ре-

зультатовъ Въ дѣйствительной жизни, причины и послѣдствія событій далеко не имѣють той преднамѣренной связи, какою соединяетъ ихъ историческій прагматизмъ. Внѣшняя политика Карла VIII, Людовика XII, и даже Франциска I, если исключить его войны за политическое равновѣсіе, была обусловлена рядомъ мелкихъ, частныхъ, разнородныхъ побужденій; но мы должны были указать на ея отдаленные результаты, чтобы вѣрнѣе оцѣнить историческое значеніе событій, разсмотрѣнію которыхъ посвященъ нашъ трудъ.

Ближайшею причиною французско-итальянскихъ войнъ была честолюбивая мысль, запавшая въ голову Карла VIII. Со времени завоеванія Неаполитанскаго королевства Карломъ Анжуйскимъ, братомъ Людовика Святого, французскіе короли не переставали заявлять на него свои притязанія. Іоанна II, послѣдняя королева Неаполитанская изъ дома Карла I (Анжуйскаго), умерла бездѣтною, завѣщавъ престоль герцогу Анжуйскому Рене; но вельможи Неаполитанскіе отказались присягнуть ему и призвали Альфонса V Арра-

гонскаго, владѣвшаго уже Сициліей. Рене, побѣжденный въ борьбѣ съ Альфонсомъ, но не отказавшійся отъ своихъ притязаній, завѣщаль королевство Неаполитанское своему племяннику, Карлу Анжуйскому, который въ свою очередь, умирая бездѣтнымъ, передавъ его Людовику XI. Занятый внутренними дѣлами и не любившій рисковать ради отдаленныхъ и сомнительныхъ предпріятій, Людовикъ XI не спѣшилъ воспользоваться своими правами въ Италіи; такимъ образомъ, по смерти его, Карль VIII оказался прямымъ наслѣдникомъ притязаній на Неаполитанское королевство, и едва достигнувъ совершеннолѣтія, рѣшился искать завоеваній за Альпами. На первыхъ порахъ, честолюбивый планъ его былъ встрѣченъ сильнымъ сопротивленіемъ со стороны однихъ, и восторженнымъ увлеченіемъ со стороны другихъ. Французскій дворъ представлялъ тогда двѣ партіи, постоянно враждовавшія между собою. Одна изъ нихъ, имѣвшая во главѣ Анну Божью, и состоявшая изъ старыхъ сподвижниковъ Людовика XI, воспитанныхъ въ его школѣ, заботилась исключительно о

сохраненіи порядка вещей, созданнаго предъидущимъ царствованіемъ, и враждебно относилась къ честолюбивымъ замысламъ Карла. Вторую партію составляли молодые любимцы Карла VIII, щеголеватые миньйоны съ распущенными нравами, о которыхъ иронически говоритъ одинъ современникъ:

*Pour assaillir un feminin donjon
Trop plus propres que dix aultres
milliers[29].*

Эти люди должны были сочувствовать отдаленному предпріятію, которое представляло имъ возможность окончательно овладѣть довѣріемъ короля и достигнуть почестей и славы; по свидѣтельству Гвиччардини[31], одни изъ нихъ, кромѣ того, были подкуплены Людовикомъ Сфорцой, другіе надѣялись получить помѣстья въ завоеванномъ королевствѣ. Руководимые этими побужденіями, миньйоны Карла употребляли всѣ усилія, чтобъ поддержать въ молодомъ королѣ его честолюбивые замыслы. Людовикъ Орлеанскій (будущій Людовикъ XII), стоявшій во главѣ придворной молодежи, старался пробудить въ Карлѣ

страсть къ военнымъ упражненіямъ, и съ этою цѣлью устроилъ пышные турниры въ Ліонѣ, гдѣ жилъ король. Рыцари, переодѣтые Греками, Римлянами, Маврами, Турками, украшенные гордыми девизами, выходили ежедневно на арену, окруженную блестящею публикою[32]. Вдохновеніе поэтовъ, симпатіи дамъ были направлены въ одну сторону, къ завоеванію Неаполя. То прибѣгая къ вліянію метрессъ молодаго короля, то дѣйствуя на его воображеніе чудесными разсказами о почестяхъ и славѣ, ожидавшихъ его въ этомъ предпріятіи[33], фавориты Карла воспламеняли его честолюбіе и увлекали его къ необдуманному походу. Скоро воображеніе молодаго короля разгорѣлось въ такой степени, что завоеваніе Неаполя не удовлетворяло уже его честолюбивыхъ стремленій: онъ предпринялъ намѣреніе изгнать Турокъ изъ Европы, овладѣть восточной имперіей, освободить св. землю изъ рукъ невѣрных[34]; въ этомъ обширномъ планѣ, завоеваніе Неаполя являлось только незначительнымъ эпизодомъ. Идея крестоваго похода еще разъ возродилась въ воображеніи французскаго народа; но это

была только минутная реакція противъ новаго порядка вещей, созданнаго ходомъ событій. Карль VIII, руководимый Брисонне и Вескомъ, успѣшилъ однако же обратить въ свою пользу это неожиданное обстоятельство: прикрываясь религіознымъ характеромъ предпріятія, онъ могъ успѣшнѣе помогать-ся субсидій отъ духовенства[35], волновать массы, возбуждать въ нихъ сочувствіе къ святому дѣлу. Ничто не было имъ упущено изъ виду, чтобъ склонить на свою сторону народныя симпатіи; заказаны были процессіи и публичныя моленія за успѣхъ, предпріятія; поручено было опытнымъ людямъ распускать подъ рукою слухи о томъ, что древнее пророчество предопредѣлило Карлу короны іерусалимскую и константинопольскую[36]. Появились въ печати памфлеты, заключавшіе въ себѣ предсказанія о несомнѣнныхъ успѣхахъ короля въ его святомъ предпріятіи. Въ одномъ изъ нихъ, Андрей де-Винь рассказываетъ пророческій сонъ, въ которомъ, между прочимъ, христіанство взываетъ къ Карлу: «не ты ли тотъ великодушный мститель, котораго обѣщала мнѣ Сивил-

ла, сказавъ, пятьсотъ лѣтъ назадъ, что меня вознесетъ на высочайшую ступень славы молодой король, по имени Карль, вѣнчаный на тринадцатомъ году своей жизни?»[37]. Новое немаловажное обстоятельство явилось содѣйствовать рѣшимости Карла: къ нему прибыли послы

Людовика Сфорцы, правившаго Миланомъ за малолѣтствомъ герцога Джіованни Галеаццо, и который, тревожимый властолюбивыми замыслами, не встрѣчавшими поддержки въ Италіи, рѣшился прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ. Въ длинной и напыщенной рѣчи, которую, можетъ быть въ изукрашенномъ видѣ, передаетъ на четырехъ страницахъ in 4 Гвиччардини[38], послы Людовика Сфорцы старались убѣдить Карла VIII въ чрезвычайной легкости, съ какою соединено было завоеваніе Неаполя, и воспламенить его воображеніе блистательными триумфами, ожидавшими его въ этомъ предпріятіи[39]. Противъ совокупной силы подобныхъ побужденій ничего не могли сдѣлать благоразумныя увѣщанія Анны Божё и старой придворной партіи. Умная дочь Людовика XI по-

нимала, что итальянскій походъ, общая, даже въ случаѣ удачи, только отдаленныя и сомнительныя выгоды для Франціи, въ то же время грозилъ существенною опасностью ея собственному положенію въ государствѣ. Легко было предвидѣть, что молодые любимцы Карла VIII, овладѣвъ особою короля, постараются упрочить при немъ свое вліяніе ко вреду противной партіи; что Карль VIII, изъ благодарности къ миньйонамъ, поддерживавшимъ его воинственное рѣшеніе и раздѣлявшими съ нимъ труды и опасности предпріятія, по возвращеніи изъ похода не откажетъ имъ въ своемъ довѣрїи; а въ такомъ случаѣ, участь Анны Божё и ея партіи не представляла ничего утѣшительнаго. Движимая подобными соображеніями, дальновидная правительница употребляла всѣ усилія, чтобъ отклонить Карла VIII отъ его легкомысленнаго предпріятія[40]. Нѣкоторое время, дѣйствительно, молодой король находился въ нерѣшимости: походъ то откладывали, то снова принимались за приготовленія[41]; но наконецъ вліяніе любимцевъ одержало верхъ надъ благоразумными

предостереженіями Анны Божё, и Карль VIII началъ дѣятельно готовиться къ походу. Съ Людовикомъ Сфорцой заключень былъ договоръ, по которому послѣдній обязывался дать Карлу свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія, снарядить для него на свой счетъ отрядъ изъ 500 человекъ, дозволить ему вооружить въ генуэзской гавани нужное число кораблей, и снабдить его, до выступленія изъ Франціи, 200,000 дукатовъ. Карль VIII, съ своей стороны, обязывался защищать оружіемъ герцогство миланское и поддерживать въ немъ правительство Людовика Сфорцы. Независимо отъ того, Карль VIII обязывался особымъ актомъ уступить Людовику, тотчасъ по завоеваніе Неаполя, княжество Тарентское [42]. Чтобъ добыть необходимыя денежныя средства, Карль VIII занялъ въ генуэзскомъ; банкѣ 100 т. дукатовъ, на весьма тягостныхъ условіяхъ [43]. Затѣмъ изданъ былъ манифестъ, которымъ Карль VIII объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что предпринимая завоеваніе Неаполя, онъ не намѣренъ оскорблять свободу и независимость Италіи, а стремится только освободить Неаполь отъ ига узурпатора.

При этомъ присовокуплялось, что немедленно по завершение итальянскаго похода, Карль VIII отправится на отыщеніе св. земли, оскверненной присутвіемъ невѣрныхъ [44]. Окончивъ всѣ эти приготовленія, Карль VIII принялъ личное начальство надъ войсками и выступилъ изъ предѣловъ Франціи.

* * *

«Италія была счастлива и безмятежна, пока война не нарушила ея покоя. Въ продолженіи тысячи лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ римская имперія, ослабленная порчею нравовъ, начала ниспадать съ той высоты, на какую вознесли ее ея счастье и ея геройскія добродѣтели, никогда Италія не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ 1490 году. Глубокій миръ царствовалъ во всѣхъ областяхъ ея; горы и долины были одинаково плодородны; богатая, хорошо населенная, и не признававшая ни-какого чужеземнаго владычества, она блистала щедрымъ великолѣпіемъ своихъ государей, красотой и многочисленностью, своихъ знаменитыхъ городовъ, величіемъ Рима, столицы вѣры. Науки и искусства процвѣтали въ нѣдрахъ ея;

у нея были тогда и великіе государственные люди, и искусные полководцы. Счастливая внутри, она пользовалась извнѣ уваженіемъ и удивленіемъ иностранцевъ»[45].

Такъ начинается Гвиччардини свое скорбное повѣствованіе объ "Итальянскихъ войнахъ". Оскорбленное чувство патріота, ѣдкая, полная раздраженнаго скептицизма насмѣшка надъ настоящимъ, и грустное сожалѣніе о прошломъ, характеризующія этого историка и проникающія въ каждую страницу его лѣтописи, формулируются въ этой скорбной фразѣ, которою онъ начинаетъ рассказъ о бѣдствіяхъ своей родины: "Италія была счастлива и безмятежна, пока война не нарушила ея покоя".

Въ чемъ же заключались это счастье, эта безмятежность Италіи, объ утратѣ которыхъ сожалѣетъ ея лѣтописецъ? Былъ ли это мертвый, стоячій покой, результатъ истощенія всѣхъ элементовъ борьбы и развитія, или мирное, спокойное процвѣтаніе, вызванное напряженіемъ жизненныхъ силъ? Въ чемъ заключается смыслъ той эпохи, въ которую Италія, прозябавшая въ теченіе тысячелѣтій,

шумно и радостно выступаетъ на поприще исторической дѣятельности, чтобы, пройдя во главѣ человѣчества пространство двухъ вѣковъ, снова на нѣсколько столѣтій погрузиться въ тяжелую дремоту? Въ чемъ, однимъ словомъ, заключается внутреннее содержаніе эпохи, которую исторія назвала великимъ именемъ возрожденія?

Мы знаемъ еще другую эпоху, болѣе близкую къ нашему времени, болѣе понятную нашему уму, и сохраняющую поразительное сходство съ той, о которой предстоитъ намъ рѣчь: это вѣкъ Людовика XV. Какъ ни далеко удалены эти эпохи едва отъ другой, но чрезъ пространство раздѣляющаго ихъ времени не трудно различить родственныя черты, подводящія ихъ подъ одинъ и тотъ же историческій типъ. Вѣкъ возрожденія умственное, художественное и политическое движеніе, которое въ концѣ XIV столѣтія, охватило средневѣковую Европу и призвало ее къ новой жизни, играетъ точно такую же роль относительно реформаціи, какую философское движеніе XVIII вѣка играетъ относительно революціи. И тамъ и здѣсь, мы наблюда-

даемъ аналогическое явленіе: революцію мысли противъ авторитета. Когда религіозные идеалы, повелѣвавшіе жизнью средневѣковаго общества, оказались несостоятельными для того, чтобъ продолжать регулировать всѣ отправления политической и умственной дѣятельности, тогда Макіавелли указалъ другой идеаль – идеаль, правда, не новый, находившійся уже въ государственной практикѣ, но не закрѣпленный еще наукою, не формулированный въ теоріи. Онъ далъ новый авторитетъ обществу – авторитетъ политическій, государственный, національный, и поставилъ его въ рѣзкую оппозицію авторитету духовному. Но Макіавелли былъ дурно понятъ новою Европою: изъ его ученія сдѣлали теорію, абсолютную въ пространствѣ и времени, тогда какъ онъ предлагалъ только принципы для своей эпохи, для своего народа. Торжество макіавеллизма, понятаго въ такомъ извращенномъ смыслѣ, скоро обнаружило его узкую односторонность, и потребность реакціи вызвала умственный и политическій переворотъ XVIII вѣка, который, такимъ образомъ,

является какъ бы заключительнымъ звѣномъ цѣлаго ряда событій, обнимающаго четыре столѣтія исторической жизни Европы.

Аналогія между этими двумя эпохами простирается еще далѣе. Мы безъ труда можемъ различить еще одну общую, характеристическую черту, которая роднитъ эти два вѣка, такъ далеко отстоящіе одинъ отъ другаго. Черта эта заключается въ томъ, что въ XV и въ XVIII столѣтіи, движеніе вѣка попало въ руки дѣятелей частныхъ, а не оффиціальныхъ, въ руки общества, а не правительства. Обновленіе началось снизу, а не сверху; вождями движенія явились литераторы и ученые, а не власть, противъ которой ополчился духъ времени. Авторитеты, съ которыми боролись реформаторы XV и XVIII вѣка, сохраняютъ во все продолженіе борьбы апатическое бездѣйствіе, или довольствуются крайне слабымъ, пассивнымъ сопротивленіемъ. Они не обнаруживаютъ никакого напряженія, никакой энергіи; имъ какъ будто нѣтъ дѣла до новыхъ идей, новыхъ требованій, проникающихъ во всѣ слои общества. Они не предпринимаютъ никакихъ своевременныхъ мѣръ

противъ враждебнаго имъ движенія; напротивъ, они готовы ему покровительствовать, и иногда даже сами поддаются силѣ общаго теченія. Они находятся въ томъ періодѣ исторической перезрѣлости, когда могущественныя прежде учрежденія, прійдя въ ветхость, теряютъ всякій нравственный авторитетъ и ни въ чемъ болѣе не находятъ поддержки для своего существованія, кромѣ злоупотребленія властью, готовою ускользнуть изъ ихъ рукъ. Сикстъ IV, Иннокентій VIII, Александръ VI, стоятъ точно въ такомъ же отношеніи къ эпохѣ возрожденія, въ какомъ регентъ Филиппъ и Людовикъ XV стоятъ къ умственно-политическому перевороту VIII вѣка: и тамъ и здѣсь, мы встрѣчаемъ нравственное убожество характеровъ, отсутствіе принциповъ, вялость воли убѣжденія, слабость, апатію, порочность. Въ послѣднемъ отношеніи, сравниваемая нами эпохи представляютъ нашему наблюденію еще одно аналогическое явленіе, въ равной степени любопытное и для историка и для психолога. Подъ этимъ явленіемъ мы разумѣемъ то изумительное паденіе нравственности, тотъ циническій развратъ, ко-

торые характеризуютъ названныя эпохи и идутъ рука объ руку съ побѣдоноснымъ движеніемъ разума. Въ эпоху возрожденія, въ вѣкъ Людовика XV, рядомъ съ самыми смѣлыми порывами мысли, съ самыми возвышенными стремленіями духа, мы встрѣчаемъ такія грубыя проявленія чувственной природы человѣка, примѣръ которыхъ можно встретить только въ лѣтописяхъ императорскаго Рима. Вѣкъ Петрарки и Макіавелли, вѣкъ Вольтера, Руссо, Монтескье, извѣстны въ исторіи какъ эпохи, наименѣе уважавшія добродѣтель и нравственность. Такія личности, какъ Александръ VI, Цезарь Борджія, Филиппъ Орлеанскій и Людовикъ XV невольно представляются нашему воображенію, какъ скоро заходитъ рѣчь о XV или XVIII столѣтіи. И этотъ публичный, оффиціальнѣйшій развратъ, это циническое презрѣніе къ принципамъ нравственности, охватываютъ не одну старую, отживающую половину общества: язва проникаетъ въ крѣпкіе, здоровые организмы, поражаетъ силы, полныя энергіи и напряженія. Итальянскіе гуманисты временъ возрожденія

и передовые дѣятели XVIII вѣка сами были заражены тою нравственною порчью, которая, на ихъ глазахъ, быстро разъядала организмъ стараго общества. Недозрѣлыми плодами цивилизаціи одинаково пользовались и люди новаго и люди стараго порядка.

Опасаясь уклониться слишкомъ далеко въ сторону, мы не станемъ продолжать нашей параллели. Указавъ на главнѣйшія аналогическія явленія, замѣчаемыя въ характеръ и направленіи двухъ эпохъ, связанныхъ однородностью типа, мы тѣмъ хотѣли только яснѣе изобразить историческое значеніе той изъ нихъ, къ которой относится предметъ настоящаго труда. Мы хотѣли показать, что эпоха возрожденія, рассматриваемая въ связи съ предшествовавшимъ ей періодомъ и съ событіями, непосредственно за нею слѣдовавшими, носитъ въ себѣ, въ одно и то же время, и осужденіе стараго, и программу новаго порядка; что она можетъ быть рассматриваема и какъ протестъ противъ тѣхъ началъ, которыми жило средневѣковое человѣчество, и какъ процессъ медленной приготовительной работы, въ которомъ на-

рождались и зрѣли идеи, разрѣшившія реформаціей. Теперь намъ слѣдуетъ обозрѣть главнѣйшія явленія переходнаго времени и тѣмъ уяснить, на сколько это будетъ возможно, духъ и характеръ этой блестящей, дышащей полнотою жизни и содержанія, эпохи.

Древній міръ, съ его широко-развитой цивилизаціей, съ его художественной религіей, съ его бессмертными памятниками науки и искусства, палъ подъ ударами варваровъ; но, умирая, онъ завѣщаль имъ богатое наслѣдіе. Оно заключалось въ неоцѣненныхъ сокровищахъ его духа, выработавшаго свое самостоятельное воззрѣніе на жизнь, на природу и на человѣка. Художественная миѳологія Олимпа, будучи лучшимъ произведеніемъ народнаго генія, въ свою очередь воспитала въ древнихъ Грекахъ тотъ тонкій, артистическій сенсуализмъ, умѣвшій примириться съ философіей и этикой, который служилъ характеристическимъ отличіемъ эллинской цивилизаціи. Онъ обнаружился, съ разныхъ сторонъ, и въ религіи, и въ искусствѣ древнихъ Грековъ. Въ представленіи Грека, пластическая красота

формы сливалась неразрывно съ невидимой и неосязаемой красотой духа, оживотворяющаго эту форму. Древній Грекъ не могъ совмѣстить въ своемъ умѣ независимаго представленія духа и плоти; то и другое существовало для него только въ одномъ цѣльномъ гармоническомъ сочетаніи. Эта отличительная черта эллинскаго искусства отразилась и въ религіозныхъ представленіяхъ Грековъ: они не выработали и не могли выработать никакой правильной дуалистической системы. При всей сложности ихъ религіознаго міросозерцанія, при всемъ обиліи миѳологическихъ образовъ, они умѣли сохранить въ своихъ вѣрованіяхъ характеръ художественной цѣльности и единства. Дуализмъ, любимѣйшая форма восточныхъ религій, остался чуждымъ эллинизму, потому что Грекъ не понималъ отдѣльнаго и независимаго существованія добра и зла ни въ человѣкѣ, ни въ природѣ. Въ эту богатую сокровищницу эллинизма, Римляне внесли мало новыхъ вкладовъ. При всемъ богатствѣ своихъ добрыхъ національныхъ качествъ, они были не способны къ широкому художе-

ственному развитію. Ихъ умъ, всегда счастливый въ области практической дѣятельности, былъ лишенъ самобытной творческой силы въ сферѣ искусства или отвлеченнаго мышленія. Поставленные лицомъ къ лицу съ греческой цивилизаціей, они приняли отъ нея только то, что обязано было своимъ происхожденіемъ жизненнымъ условіямъ, общимъ для Греціи и Рима: они приняли ея форму, ея сенсуализмъ, ея эпикурейскіе культы, однимъ словомъ ея грубую, чувственную сторону. Это обстоятельство не отнимаетъ, впрочемъ, у Римлянъ ихъ громадной заслуги передъ человѣчествомъ. Они выполнили далеко не мало важную долю своей исторической задачи, сохранивъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій духовное богатство Греціи и завѣщавъ новымъ народамъ то реальное, художественное возрѣніе на вселенную, тотъ роскошный, полный жизни и свѣжести, культъ природы, которые составляютъ отличительное достояніе древности. Передачь этой не суждено было совершиться непосредственно: между паденіемъ древняго міра и возрожденіемъ его духовнаго идеала

въ XV вѣкѣ, европейскіе народы пережили тысячелѣтій промежуточный періодъ, въ продолженіе котораго другіе идеалы, другія стремленія управляли ими. Средніе вѣка, съ высоты своихъ готическихъ башенъ, сурово и непривѣтливо смотрѣли на міръ: они уносились въ небеса, они презирали землю. Католическій риторизмъ гнушался земными благами; онъ проповѣдывалъ отреченіе плоти, постъ, молитву и страданіе. Земная жизнь, учили отцы церкви, ниспослана намъ въ наказаніе; тѣлесная оболочка – темница. Не веселиться и наслаждаться дарами Божьими пришли мы въ міръ, а для того, чтобъ самоотреченіемъ, страданіемъ и подвигами благочестія заслужить награду въ другой, загробной, таинственной жизни, которую христіанство опредѣляло только отрицательно, отсутствіемъ всего земнаго. То былъ таинственный міръ духовъ, незримыхъ, безплотныхъ, идеальное бытіе которыхъ непостижимо для смертнаго. Это отрѣшенное отъ плоти, враждебное всему земному, міросозерцаніе стояло въ рѣзкой противоположности съ преданіями классическаго міра. Древность

обожала красоту формы и гармонически сочетала съ ней красоту генія, она вся облекалась въ пластику, въ веселую, радужную оболочку; христіанство не признавало тѣлесной красоты оно цѣнило только возвышенную красоту добродѣтели. Древность боготворила природу, хотѣла жить, наслаждаться жизнью; христіанство отрывало человѣка отъ земли и уносило его на небо.

Таковы были противоположныя, враждебныя стихіи, столкнувшіяся лицомъ къ лицу въ эпоху возрожденія. Кто останется побѣдителемъ въ борьбѣ, возникшей между ними? или возможно для нихъ примиреніе? вмѣсто прямого отвѣта на этотъ вопросъ, рассмотримъ главныя стороны гуманистическаго движенія въ религіозномъ, политическомъ, умственномъ и художественномъ отношеніи.

I. Въ религіозной сферѣ, переходъ отъ старыхъ отношеній къ новымъ обнаружился двумя путями: во первыхъ, поколебался католическій догматъ и связанная съ нимъ система опеки надъ человѣческимъ разумомъ; и во вторыхъ, почти окончательно

рѣшенъ былъ вопросъ о политическомъ значеніи папства. Здѣсь мы рассмотримъ первую часть религіознаго переворота – реформу католическаго догмата, или, лучше сказать, тѣ явленія въ литературной жизни Европы, которыя приготовили эту реформу; вопроса же о политической роли папства мы коснемся позднѣе, когда будемъ говорить объ отношеніяхъ гуманистовъ къ государству и свѣтской власти. Оговоримся при этомъ, что въ нашихъ очеркахъ мы не будемъ ограничиваться тѣсными предѣлами 1494 года: мы постараемся представить общую картину Италіи XV вѣка, изобразить общій характеръ тогдашняго умственно-художественнаго и политическаго движенія. Первые дѣятели возрожденія – Данте, Петрарка, Боккаччіо, не обнаружили въ своихъ воззрѣніяхъ ничего, враждебнаго средневѣковому православію. Сознавая злоупотребленія римской куріи, порицая личный характеръ папъ или высшихъ чиновъ духовной іерархіи, они не заявляли никакихъ притязаній на религіозную реформу. Истины откровенной религіи были для нихъ дороже и неприкосновеннее афоризмо-

въ древнихъ мыслителей. Съ этой стороны, они не только являются чуждыми всякаго поступанія впередъ, но даже съ замѣчательнымъ упорствомъ отстаиваютъ преданія средневѣковой эпохи. Петрарка съ негодованіемъ говоритъ объ аверроистахъ, скептически относившихся къ христіанству. Когда одинъ изъ послѣдователей этой школы явился къ Петраркѣ и въ разговорѣ съ нимъ признался, что не вѣритъ библіи, раздраженный поэтъ схватилъ его за полу платья и вытолкалъ за дверь[46]. Восторженный поклонникъ Цицерона и Платона, весь погруженный въ классическія студіи, поэтъ любви и другъ Коло ди Ріенцо, Петрарка не поддастся обаянію античнаго матеріализма; суровая преданность христіанству осилила въ немъ благоговѣніе къ мыслителямъ Греціи и Рима. Самый послѣдній изъ вѣрующихъ, говорилъ онъ, несравненно выше Платона, Аристотеля и Цицерона, со всею ихъ мудростью; Цицеронъ, по его убѣжденію, непременно сдѣлался бы христіаниномъ, еслибъ жилъ послѣ новой эры[47]. Въ 1327 году, когда крестовые походы готовы уже были отойти въ область далека-

го прошедшаго, и вся Европа оставалась равнодушною къ великой средневѣковой идеѣ, Петрарка въ пламенныхъ канцонахъ призывалъ христіанскій міръ къ борьбѣ съ невѣрными[48]. Боккаччіо горько сожалѣлъ о своихъ юношескихъ произведеніяхъ, оскорбительныхъ для строгой христіанской морали, и уничтожилъ бы ихъ непременно, еслибъ они не были уже распространены по всей Италіи[49]. Траверсари былъ ревностный папистъ; онъ не могъ примириться съ идеей вселенскаго собора, какъ независимаго церковнаго органа, и называлъ Базель не иначе, какъ новымъ Вавилономъ[50]. То же, еще въ большей степени, можно сказать объ Антонинѣ, архіепископѣ флорентинскомъ[51]. Самъ Петрарка не рѣшался осудить въ чемъ нибудь папу, и во всѣхъ злоупотребленіяхъ римской куріи обвинялъ кардиналовъ[52]. Изъ этихъ отрывочныхъ фактовъ не слѣдуетъ, впрочемъ, заключать, чтобы враждебное средневѣковому католицизму направленіе слишкомъ медленно проникало въ жизнь и литературу западнаго общества. Самое то обстоятельство, что не только приверженцы

преданія, но и передовые дѣятели возрожденія находили нужнымъ противодѣйствовать новымъ идеямъ, вызваннымъ знакомствомъ съ классическою древностью, обнаруживаетъ уже, какая серьезная опасность грозила съ этой стороны. «Я чувствую, какъ Юліанъ возстаетъ изъ преисподней»[53] пророчески восклицалъ Петрарка, предвидя возобновленіе грозной борьбы, которую умирающее язычество вело съ христіанствомъ въ IV вѣкѣ. Борьба началась, какъ скоро гуманисты составили себѣ прочное положеніе при дворахъ итальянскихъ государей и съ большей энергіей принялись за изученіе памятниковъ классической древности.

Лоренцо Валла, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и вліятельныхъ дѣятелей временъ возрожденія, найдя пріютъ и покровительство при дворѣ Альфонса неаполитанскаго, который въ глубокой старости проникнулся любовью къ гуманистическимъ студіямъ[54], незамедлилъ завязать ожесточенную полемику съ духовенствомъ. Въ его твореніяхъ впервые во всей силѣ развивается античный

сенсуализмъ, противопологаемый имъ христіанскому ригоризму. Онъ принимаетъ за исходную точку философіи возвращеніе къ естественному, природному быту, освобожденному отъ всякихъ религіозныхъ стѣсненій. Онъ стремится воскресить античный культъ природы, съ которымъ было связано свободное отношеніе половъ. Онъ возстаетъ противъ обѣтовъ цѣломудрія, называя ихъ неисполнимыми и противными природѣ. «Если мы родились, говоритъ Валла, по закону природы, то тотъ же законъ повелѣваетъ и намъ самимъ быть производителными.» Исходя отъ этого воззрѣнія, онъ стремится облагородить чувственность, какъ установленіе натуры, и почти возводитъ ее въ высшій принципъ человѣческой нравственности[55]. Съ этой стороны, онъ является самымъ опаснымъ противникомъ христіанства и христіанской морали. Дѣйствуя не во имя лишь свободы разума, но также въ интересъ чувственной, легко воспламеняющейся природы чловѣка, онъ призываетъ на помощь не мудрецовъ Греціи и Рима, а самый духъ, самый смыслъ древности, или, лучше ска-

зять, то, въ чемъ наиболѣе обаятельною, наиболѣе соблазнительною для самаго грубаго организма являлась древность. Съ притязаніями нѣмецкихъ реформаторовъ, требовавшихъ только признаніи разума въ религіозной сферѣ, христіанство могло примириться путемъ уступокъ; съ сенсуализмомъ же древности у него не могло быть примиренія: христіанство должно было или искоренить его, или самоуничтожиться.

Молодой эпикуреецъ Антоніо Беккаделли, по мѣсту рожденія иначе называемый Панормитою, пошелъ по слѣдамъ Валлы. Ученіе, дидактически или полемически высказанное Валлою, онъ вооружилъ обаятельною прелестью поэзіи. Его "Гермафродитъ" – маленькая книжечка, оказавшаяся однакоже вліятельнѣе громаднѣхъ фоліантовъ другихъ гуманистовъ – съ невѣроятною быстротою распространился по Италіи, и скоро проникъ всюду, гдѣ только понимали по латыни. Эта книжечка заключала въ себѣ чудовищныя вещи. Здѣсь чарующимъ языкомъ поэзіи воспѣвались самые грубые и грязные пороки. Абсолютная эманципація плоти, отрицаніе не

только брака, но даже конкубината, противоестественная чувственность, педерастія, все это было воспѣто и прославлено молодымъ поэтомъ въ его маленькой книжечкѣ. Это былъ самый дерзкій и рѣшительный вызовъ христіанской морали. Христіанство давно уже отпраздновало свою побѣду надъ педерастіей, эту язву древняго міра, и вотъ Беккаделли снова вы-зываетъ ее къ жизни. Почва, на которую пало ученіе молодаго эпикурейца, была такъ хорошо приготовлена, что Беккаделли возбудилъ своимъ твореніемъ всеобщій энтузіазмъ. Шестидесяти-трехлѣтній Гварино, отецъ дюжины дѣтей, наслаждался дивной гармоніей "Гермафродита". Суровый Поджіо увлекся примѣромъ счастливаго сибарита, и на семидесятомъ году жизни написалъ свои "Фацетіи", мало чѣмъ уступавшія Гермафродиту. Епископъ Миланскій просилъ Беккаделли прислать ему свою славную книжечку. Король Сигизмундъ, бывъ въ 1433 году въ Сіенѣ, увѣнчалъ шаловливаго поэта лавровымъ вѣнкомъ. Кардиналъ Цезарини поймалъ разъ своего секретаря, какъ тотъ читалъ подъ столомъ запретна-

го "Гермафритита" – и все это вопреки духовной цензурѣ, предавшей проклятію всякаго, кто читаль эту чудовищную книгу[56].

Къ такимъ печальнымъ результатамъ вело слѣпое благоговѣніе передъ древностью, овладѣвшее умами Итальянцевъ XV вѣка. Легкость нравовъ, ведшая за собою паденіе семейнаго начала и всей внутренней стороны христіанства, проникла во всѣ классы общества. Гуманисты подали первый примѣръ. Со временъ императорскаго Рима, нигдѣ не встрѣчаемъ мы такой печальной картины разврата, какъ въ исторіи передовыхъ дѣятелей возрожденія. Развратъ ихъ былъ тѣмъ безобразнѣе, что онъ имѣлъ источникъ не въ греческомъ, а въ римскомъ сенсуализмѣ: это было не художественное, артистическое сладострастіе эллинизма, а грубая чувственность Мессалины. Заразительная язва съ быстротою эпидеміи сообщилась отъ гуманистовъ ихъ покровителямъ – государямъ и владѣтельнымъ князьямъ Италіи, и ихъ противникамъ – духовенству. Развратъ дома Эсте, среди котораго разыгралась чудовищная драма Паризины, превосходитъ описаніе. Сре-

ди духовенства, вездѣ, и особенно въ Италіи, позорившаго себя разгуломъ грубыхъ страстей, новое ученіе нашло для себя наиболѣе воздѣланную почву. Казалось, міръ готовъ былъ преобразиться; реакція противъ средневѣковыхъ преданій грозила Европѣ страшнымъ переворотомъ. вмѣсто католическаго аскетизма явилась необузданная чувственность, вмѣсто слѣпой вѣры – абсолютное безвѣріе. Аббатъ Тритгеймъ съ ужасомъ говорилъ о гуманистахъ: "на чудеса и подвиги святыхъ они смотрятъ какъ на бредъ, и ничего не считаютъ святымъ, о чемъ не говорится у философовъ; откровенія, ниспосылаемыя Богомъ благочестивымъ людямъ, называютъ бабьими сказками и с нами, священныя легенды принимаютъ за басни"[57]. Паганизмъ всюду или вытѣснялъ христіанство, или безобразно переплетался съ нимъ.

Трудно опредѣлить, къ какимъ результатамъ привело бы движеніе XV вѣка, если бѣ гуманистическія студіи, перенесенныя на другую почву, не нашли инаго исхода. Германія спасла Европу отъ необузданной реакціи, возникшей въ Италіи противъ

преданій средневѣковой эпохи. Серьезная, философская мысль нѣмецкаго народа не поддалась обаянію античнаго паганизма: она воспользовалась новыми средствами, которыми вооружила ее классическая мудрость, для иныхъ, болѣе высокихъ и нравственныхъ цѣлей.

II. Въ тѣсной связи съ появленіемъ новыхъ началъ въ религіозномъ и нравственномъ быту Италіи, стоитъ новое направленіе, принятое, съ конца XIV вѣка, ея умственною, и художественною жизнью. Въ той и другой сферѣ источникъ переворота коренится въ пробудившемся стремленіи къ собиранію и изученію памятниковъ классической древности.

Со времени паденія западной имперіи, въ Европѣ всегда можно было найти нѣсколько лицъ, знакомыхъ съ лучшими произведеніями древней литературы; всегда кто нибудь читаль Цицерона, Вергилія, Горация[58]; но число этихъ лицъ было до крайности ограничено. Драгоцѣнныя сокровища греческой литературы служили предметомъ безплоднаго изученія византійскихъ

ученыхъ; латинскіе памятники гнили въ стѣнахъ монастырей западной Европы, нерѣдко навлекая на себя проклятія духовной ценсуры. Но съ конца XIV вѣка, стеченіе многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ положило начало болѣе тѣсному знакомству новой Европы съ твореніями древности. Изъ Византійской имперіи, все болѣе и болѣе тѣснимой Турками, началась продолжительная эмиграція, прогрессивно усиливавшаяся въ теченіе всего XV столѣтія. Въ числѣ бѣжавшихъ изъ имперіи, находилось много людей ученыхъ, близко знакомыхъ съ памятниками классической мудрости и классическаго искусства. Оставляя свою родину въ добычу варварамъ, они заботились спасти по крайней мѣрѣ ея духовное богатство; суда, на которыхъ отъѣзжали они отъ береговъ имперіи, были нагружены грудями рукописей, наслѣдіемъ классической старины. Много драгоценныхъ памятниковъ погибло тогда въ морскихъ волнахъ жертвою бурь, съ которыми не въ силахъ было бороться тогдашнее мореходное искусство; но то, что успѣло спастись и найдти пріютъ подъ благословенны-

мъ небомъ Италіи, дало роскошный плодъ [59]. Впечатлительный, сангвиническій темпераментъ Итальянцевъ не устоялъ противъ чаръ античной цивилизаціи. Какое то благоговѣйное почитаніе древности овладѣло умами всѣхъ. Пробудилось стремленіе открывать и собирать уцѣлѣвшіе памятники греческой и римской литературы; отдаленныя, полныя трудностей и издержекъ путешествія предпринимались съ этою цѣлью. Огромнаго труда, кромѣ того, стоило гуманистамъ размножать списки открытыхъ ими сокровищъ, пока изобрѣтеніе книгопечатанія не освободило ихъ отъ этой тяжелой работы [60]. Результатомъ всѣхъ этихъ самоотверженныхъ усилій былъ колоссальный переворотъ, совершившійся въ области человѣческаго мышленія. Богатый капиталъ идей и знаній, бесплодно хранившійся до того времени въ стѣнахъ монастырскихъ, бібліотекъ вошелъ во всеобщій оборотъ. Подъ вліяніемъ быстрыхъ завоеваній, совершенныхъ въ сферѣ мысли, измѣнился весь порядокъ умственной жизни Италіи. Средневѣковая схоластика вдругъ оказалась мертвою и бесплодною въ

сознаніи гуманистовъ. Въ лицѣ Петрарки, передовые дѣятели возрожденія заявляютъ требованія, которыя должны были странно звучать для поколѣнія XIV вѣка. Петрарка предаеть посмѣянію всю систему знаній, связанныхъ схоластическимъ методомъ. По его мнѣнію, бесполезна и мертва всякая мудрость, не имѣющая прямого отношенія къ жизни. Онъ ставитъ ученыхъ схоластовъ ниже простыхъ гребцовъ или земледѣльцевъ, работающихъ руками. Цѣль науки, говоритъ онъ, — облагородить и возвысить челоѣческую, природу, сообщить ей искру божественнаго огня, направить ее по пути добродѣтели. «Я преданъ только той наукѣ, говорилъ Петрарка, которая дѣлаетъ меня лучшимъ; эта наука — добродѣтель и истина» [61]. Докторовъ философіи, занимавшихъ университетскія кафедры, Петрарка называлъ напыщенными глупцами, которые, препинаясь въ сферѣ отвлеченныхъ понятій, упускали изъ виду все живое и существенное. Его полемика съ схоластами получила скоро обширное значеніе, потому что отъ мелочей и частныхъ споръ не замедлилъ перейти къ

важному вопросу объ Аристотель и о всей средневѣковой философіи. Извѣстно, что Аристотель, передь которымъ благоговѣли средніе вѣка, которымъ благоговѣли средніе вѣка, до XV столѣтія столѣтія былъ знакомъ Европѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, а въ передѣлкѣ аравійскихъ и еврейскихъ ученыхъ. Въ этомъ искаженномъ видѣ, видѣ онъ возбуждалъ удивленіе средневѣковыхъ философовъ и служилъ точкою опоры всей средневѣковой схоластики. Петрарка никогда не читалъ Аристотеля въ подлинникѣ, но онъ зналъ, что этотъ подлинникъ разнится отъ арабской редакціи, и при помощи геніальнаго чутья, которымъ одарила его природа, онъ угадалъ истинный смыслъ греческаго мыслителя. Но вести полемику на основаніи одной догадки было неудобно, и потому Петрарка рѣшился противопоставить средневѣковому Аристотелю классическаго Платона, съ которымъ онъ былъ знакомъ по рассказамъ Боккаччіо[62]. Геніальный инстинктъ и здѣсь помогъ ему уразумѣть существенныя черты философіи Платона. Онъ противопоставилъ его нравственный, «боже-

ственный» идеализмъ сухой и без-жизненной діалектикѣ арабскаго Аристотеля, и возвѣстилъ, что философія есть ученіе о добродѣтели. Споръ, завязанный такимъ образомъ оцупью, почти наугадъ, скоро перешелъ въ болѣе опытныхъ руки. Въ XV вѣкѣ, когда итальянскіе университеты наполнили ученые Греки, бѣжавшіе изъ Константинополя, о Платонѣ нельзя уже было судить по догадкѣ, или по рассказамъ Боккаччіо, который далеко не такъ хорошо зналъ греческій языкъ, чтобъ вполнѣ понимать Платона. Тогда Платонъ былъ переведенъ на латинскій языкъ и объяснялся съ кафедръ; сознание прояснилось, чутье замѣнилось положительнымъ знаніемъ. Ученые эмигранты приняли въ свои руки полемику, робко возбужденную Петраркою. Сначала, споръ вели только Греки. «Въ долгой и упорной борьбѣ платониковъ съ аристотеликами, говоритъ Тирабоски, Итальянцы были простыми зрителями, и ни одинъ изъ нихъ не зналъ, за какую изъ двухъ партій слѣдовало ему сражаться.» [63] Борьба, между тѣмъ, велась съ ожесточеніемъ; аристотелики хотѣли, во что бы то ни стало, от-

стоять свою ветхую систему. Плетонъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ борцовъ платонической партіи, упрекалъ Аристотеля въ низкой зависти, руководившей его сужденіями о Платонѣ[64]; Теодоръ Гезе, послѣдователь Аристотеля, приписывалъ всѣ общественныя бѣдствія философіи Платона[65]. Если мы не ошибаемся, итальянскіе гуманисты тогда только приняли дѣятельное участіе въ спорѣ, иди, лучше сказать, тогда только рѣшительно стали на сторонѣ Платона, когда ясно обнаружилось, что полемика за философскія системы прикрывала собою борьбу старой схоластики съ новымъ научнымъ направлениемъ, бывшимъ непосредственнымъ результатомъ гуманистическихъ студій. Тогда восторженное поклоненіе Платону овладѣло всѣми. Козимо Медичи основалъ во Флоренціи академію, назначеніе которой было – изъяснять и распространять ученіе Платона. Члены этой академіи ежегодно торжественными обрядами праздновали день рожденія и смерти великаго философа[66]. «Платонъ, говоритъ Тирабоски, былъ въ нѣкоторомъ родѣ ихъ идеаломъ, единственнымъ предметомъ

ихъ помышленій, разговоровъ, трудовъ; и восторгъ, внушенный имъ философомъ, былъ таковъ, что побуждалъ ихъ писать о немъ нелѣпости, которыхъ теперь нельзя читать безъ смѣха»[67]. Самымъ дѣятельнымъ членомъ этой, первой въ Европѣ, платонической академіи, былъ Марсильи Фичино, монахъ августинскаго ордена св. Духа. Съ молодыхъ лѣтъ отданный подъ руководство Петраркѣ, онъ въ послѣдствіи измѣнилъ своему учителю: Петрарка старался воспитать въ немъ религіозное чувство и приготовить изъ него будущаго противника аверроистовъ; но Фичино остался равнодушнымъ къ религіи и церкви и сдѣлался самымъ ревностнымъ послѣдователемъ Аверроэса[68]. Онъ былъ душою новой академіи. Обладая высокими діалектическими способностями, онъ руководилъ бесѣдами членовъ, упрочилъ популярность Платона между дѣятелями возрожденной науки, и изгналъ изъ ихъ кружка послѣдніе остатки схоластическаго метода [69].

Изъ Флоренціи, процвѣтавшей подъ просвѣщеннымъ правленіемъ Лоренцо Меди-

чи, гуманистическія студіи быстро проникли въ другія страны Італіи. Георгій Трапезунтскій, родомъ изъ Крита, основаль высшее училище въ Римѣ, въ которомъ преподавались древніе языки и реторика. Тамъ же образовалась въ скоромъ времени, по образцу флорентинской, другая платоническая академія, въ числѣ членовъ которой находились самыя блестящія имена Італіи, И здѣсь, какъ во Флоренціи, господствовалъ тотъ же духъ, враждебный средневѣковымъ преданіямъ: авторитеты церковной и свѣтской схоластики подвергались осмѣянію, католицизмъ, папство, духовная іерархія служили предметомъ оскорбленій и насмѣшекъ [70]. Въ Мантуѣ, Витторино да Фельтре основаль училище для молодыхъ людей, на подобіе греческихъ гимназіумовъ, въ которомъ изученіе древнихъ языковъ и упражненія въ реторикѣ были со-единены съ уроками живописи, музыки, танцовъ и верховой ѣзды [71]. Знаменитые филологи того времени, Джіованни Мальпагино да Равенна, Гаспарино да Барцицца, Мануиль Хризолорасъ и мн. др. странствовали изъ города въ городъ, обу-

чая жаждавшее науки поколѣніе древнимъ языкамъ [72], и открывая ему такимъ образомъ путь къ самообразованію. То былъ блестящій подвижной университетъ, въ которомъ самыя благородныя силы Италіи получали первый закалъ гуманизма. То были энергическіе, самоотверженные, исполненные идеальныхъ стремленій люди – великое поколѣніе, котораго ни прежде, ни послѣ не видала Италія. Эти люди были проникнуты возвышенною преданностью наукѣ; они жили ея жизнью, ея интересами, и съ презрѣньемъ отзывались о молодежи старыхъ университетовъ, для которой наука была средствомъ къ достиженію матеріальныхъ благъ. Корыстолюбіе и зависть, позорящія гуманистовъ второй половины XV вѣка, были чужды этимъ первымъ, самоотверженнымъ дѣятелямъ возрожденія. Они были одушевлены высокимъ благоговѣніемъ къ античной цивилизаціи, потому что сознавали въ ней присутствіе великой возрождающей и созидющей силы. Ихъ страсть къ древнимъ языкамъ не заключала въ себѣ ничего школьнаго, буквоѣднаго: они смотрѣли на нихъ какъ на

необходимое средство къ знакомству съ древностью, какъ на единственный путь въ міръ классической цивилизаціи. Оттого то придавали они знанію древнихъ языковъ такое всеобъемлющее значеніе: въ ихъ глазахъ, это знаніе было орудіемъ великой реформы, передъ которымъ долженъ былъ сокрушиться весь средневѣковой порядокъ. Оттого то и противники ихъ, собратья нѣмецкихъ обскурантовъ, такъ сильно вооружались противъ все болѣе; и болѣе входившаго въ моду изученія классическихъ языковъ. Одно духовное лицо нищенскаго ордена говорило своей паствѣ: «изобрѣли какой то новый языкъ, который называютъ греческимъ; надо крѣпко его беречься, потому что онъ – отецъ всѣхъ ересей. Что до еврейскаго, то, братія моя, извѣстно, что всѣ изучившіе его тотчасъ превращаются въ жидовъ»[73]. Другой проповѣдникъ того же ордена говорилъ: «я вижу въ рукахъ у многихъ греческую книгу, которую называютъ Новымъ Заветомъ; но эта книга полна соблазна и яда»[74]. Старые схоласты, сидѣвшіе на университетскихъ кафедрахъ, и для которыхъ гуманизмъ былъ

вопросомъ о жизни и смерти, также недружелюбно относились къ возрожденному классицизму. Одинъ гуманистъ, слушавшій лекціи въ кельнскомъ университетѣ, говоритъ, что тамъ такъ любятъ древнихъ писателей, какъ жида свиное мясо[75]. Доктора оксфордскаго университета составили лигу противъ преподаванія греческаго языка. Члены этой почтенной лиги приняли на себя имя Троянь и не хотѣли оставить его, не смотря на желчные сарказмы, которыми преслѣдовалъ ихъ знаменитый Томасъ Моръ. Сорбоннскіе теологастры донесли парламенту, что религія неминуемо погибнетъ, если допущено будетъ въ университетахъ преподаваніе греческаго и еврейскаго языковъ[76]. Такъ далеко заходили обскуранты въ своей бессильной ярости противъ гуманистическаго движенія. И предчувствіе не обманывало ихъ на счетъ грозившей имъ опасности:

*"Ce grec, cet hebrieu, ce latin
Ont decouvert le pot aux roses" —*

какъ говорить Маро въ своихъ «Письмахъ пѣтуха къ ослу»[77].

III. То же направленіе, стремившееся стать въ разрѣзъ съ преданіями средневѣковой эпохи, обнаружилось и въ искусствѣ временъ возрожденія. Источникъ переворота въ этой области, какъ и въ области науки, заключался въ ближайшемъ знакомствѣ съ классическою древностью. Пробудившаяся страсть открывать и изучать памятники древне-греческаго и римскаго искусства не замедлила повести за собою стремленіе подражать этимъ художественнымъ произведеніямъ античной пластики. Старинные образцы средневѣковаго искусства, лишены всякаго художественнаго достоинства и носившіе на себѣ слѣды бѣднаго, неразвитаго вкуса и безсильной по своимъ средствамъ техники, потеряли всякое значеніе для поколѣнія, знакомаго съ художественными образцами древности. Въ XIII вѣкѣ, произведенія какого нибудь Гвидо Сиенскаго или Чимабуэ возбуждали восторгъ современниковъ; но передъ исполненными дивной прелести созданіями классическаго генія, сохранившимися въ памятни-

кахъ античной скульптуры, они блѣднѣли и казались лишенными дыханія жизни. Между тѣмъ, знакомство съ этими классическими памятниками очищало вкусъ, возвышало цѣли искусства; съ тѣмъ вмѣстѣ, совершенствовалась и усиливалась въ своихъ средствахъ техника. Произведенія Джіотто, ученика Чимабуэ, представляютъ уже значительный шагъ впередъ въ живописи. Вазари говоритъ о немъ, что онъ внесъ жизнь и движеніе въ мертвое средневѣковое искусство: "Вмѣсто грубыхъ, очерчивающихъ кругомъ весь образъ контуровъ, окаменѣлыхъ глазъ, вывороченныхъ рукъ и ногъ, и всѣхъ недостатковъ, происходящихъ отъ совершеннаго отсутствія тѣни, фигуры Джіотто имѣютъ гораздо лучшее положеніе, въ лицахъ ихъ больше жизни и свободы, складки падаютъ у него естественнѣе, и даже встрѣчаются попытки къ перспективному изображенію членовъ. Кромѣ всѣхъ этихъ улучшеній, Джіотто первый пытался изобразить въ своихъ картинахъ игру страстей на человѣческомъ лицѣ. Если онъ не пошелъ далѣе, то это должно приписать препятствіямъ, затруднявшимъ

совершенствованіе искусства, и недостатку хорошихъ образцовъ"[78]. Оба эти затрудненія – несовершенство техники и отсутствіе образцовъ, которые могли бы очистить вкусъ художниковъ и вдохновить ихъ, устранялись мало по малу съ теченіемъ времени. Въ эту эпоху напряженія всѣхъ силъ Италіи, каждое новое имя въ искусствѣ означало какое нибудь смѣлое завоеваніе. Мазаччіо ввелъ въ живопись изученіе природы и дѣйствительной жизни, слѣдовательно опрокинулъ всю средневѣковую теорію искусства; Паоло Уччелло сообщилъ своимъ произведеніямъ идеальную глубину Фона, на которой основывается тайна эффекта, производимаго живописью; онъ открылъ также законъ перспективы, такъ обяательно дѣйствующей на глазъ. Антоніо Поллайuolo внесъ въ пластику изученіе анатоміи человѣческаго тѣла, игру мускуловъ. Андреа да Кастанья изобрѣлъ способъ приготовлять краски на маслѣ, что быстро подвинуло впередъ живописную технику[79].

Это постепенное совершенствованіе техники, вмѣстѣ съ расширеніемъ задачъ и сред-

ствъ искусства, скоро привело къ такому пышному расцвѣту пластики, такому разностороннему развитію всѣхъ видовъ и отраслей ея, передъ которымъ должны были поблѣднѣть даже классическія воспоминанія. Сочетаніе античной граціи и пластической роскоши формъ съ христіанскимъ идеализмомъ среднихъ вѣковъ дало искусству время возрожденія богатство внутренняго содержанія, которымъ далеко не въ той мѣрѣ были надѣлены произведенія древней пластики. Въ лицѣ своихъ величайшихъ представителей, Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Тиціана и Рафаэля, живопись временъ возрожденія возвысилась до недосягаемаго совершенства; она рѣшила великую задачу новаго искусства – влить христіанскій идеализмъ въ классическую пластику, облечь средневѣковыя стремленія въ роскошныя античныя формы. Задача эта рѣшена была не безъ борьбы, не безъ увлеченій: многіе художники, воспламенныя слѣпымъ энтузіазмомъ къ древности, захотѣли вовсе отрѣшиться отъ преданій христіанства, отъ идеальныхъ образовъ средневѣковой жизни, отъ всего того,

что въ послѣдствіи было названо романтизмомъ; они хотѣли погрузиться до дна въ ослѣпляющую ослѣпляющую роскошь колорита, волшебную игру тѣней и полутѣней; хотѣли превзойти древнихъ въ художественномъ сенсуализмѣ. Но та же среда художниковъ времени возрожденія воспитала, въ лицѣ Рафаэля, генія, произведенія котораго представляютъ дивное сочетаніе христіанскихъ идей съ античною граціей формъ и роскошью колорита; его "Мадонна" и "Преображеніе", лучшіе перлы новой живописи, служатъ разгадкою великой задачи, о которой мы говорили – задачи примиренія античныхъ идеаловъ съ идеалами христіанства.

То же направленіе, тѣ же стремленія встрѣчаемъ мы и въ архитектурѣ времени возрожденія. Торжеству классическаго идеала въ этой области искусства не мало содѣйствовало то обстоятельство, что готическій стиль никогда не проникалъ въ Италію во всей своей величавой суровости: средневѣковыя итальянскія зодчіе держались смѣшаннаго стиля, въ которомъ античная круглая линія сочеталась съ прямолинейны-

ми готическими очертаніями[80]. Въ эпоху возрожденія, греко-римскій стиль окончательно вытѣсняетъ готическій и проникаетъ даже въ церковную архитектуру, такъ точно, какъ языческая живопись проникла въ иконопись.

IV. Намъ остается еще разсмотрѣть, какъ относились итальянскіе гуманисты временъ возрожденія къ государству и свѣтской власти, т. е. какъ отразились идеи древняго міра въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ. Для этого намъ надо обратиться далеко назадъ, къ эпохѣ возвышенія папской власти.

Извѣстно, что въ первыя пять столѣтій, непосредственно слѣдовавшія за паденіемъ западной римской имперіи, папство вовсе не имѣло того универсальнаго, космополитическаго характера, какимъ отличалось оно, начиная съ XI вѣка. Въ этотъ пятисотлѣтній періодъ, папскую власть одушевляли совершенно иныя стремленія хотя, въ то же время, она не разъ громко заявляла тѣ неограниченныя притязанія, поддержаніе которыхъ въ послѣдствіи сдѣлалось ея традиціонной политикой. Источникъ первоначальныхъ

тенденцій папства коренится въ событіяхъ, сопровождавшихъ паденіе западной римской имперіи, т. е. въ явленіяхъ той эпохи, когда развѣнчанная Италія должна была съ собственными скудными средствами противостоять наплыву новыхъ народовъ и новыхъ юридическихъ понятій. Въ этой коллизіи, на сторонѣ Италіи были только великія историческія воспоминанія, на сторонѣ враговъ ея была физическая сила; такимъ образомъ, исходъ борьбы можно было предсказать заранѣе. Но мы видимъ, что съ теченіемъ времени классическія воспоминанія Италіи всплыли на верхъ и западный міръ сомкнулся въ двѣ, преемственно следовавшія одна за другою, имперіи – сначала Франкскую, потомъ Германскую. Въ обоихъ этихъ явленіяхъ средневѣковой исторіи, Италія принимала только страдательное участіе: правда, безъ Италіи стала немислима имперія, но имперія была не въ Италіи. Великая страна, заключавшая когда то весь цивилизованный міръ въ своихъ предѣлахъ, теперь была не болѣе, какъ провинціей Германіи. Если принять въ соображеніе, какъ живучи были у итальян-

скої нації єя великія класическія преданія, какъ самолюбива была эта нація, которая даже въ XVI столѣтіи называла своихъ заальпійскихъ сосѣдей варварами почти въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляли это слово Геродотъ или Тацитъ, то не трудно будетъ понять, до какой степени тяготило Итальянцевъ X вѣка сознаніе ихъ политическаго ничтожества. Они чувствовали потребность возвратити свое прежнее міровое значеніе, а для этой цѣли имъ надо было, централизовавшись сначала у себя дома, сосредоточити потомъ въ этомъ центрѣ интересы всего западнаго міра. И вотъ, обнаруживается въ Италіи патріотическое движеніе, стремившееся стать во враждебное отношеніе къ императорской традиціи, и найдти точку опоры въ другомъ, вполнѣ національномъ учрежденіи, въ папствѣ. Папство было именно тѣмъ вполнѣ итальянскимъ, туземнымъ учрежденіемъ, которое могло сосредоточити въ себѣ разрозненныя силы полуострова и стать въ оппозицію къ другому учрежденію, хотя и выросшему на итальянской почвѣ, но воплотившему въ себѣ интересы другой на-

родности, къ императорской власти. Этимъ значеніемъ, которымъ національное честолюбіе Итальянцевъ окружило папскую власть, въ извѣстной мѣрѣ объясняется, по нашему мнѣнію, то упорное, почти систематическое противодѣйствіе притязаніямъ императоровъ, какое постоянно обнаруживала не только римская курія, а вся итальянская нація. Но такое положеніе дѣлъ не могло быть продолжительнымъ. Папство могло служить національнымъ знаменемъ Италіи только до тѣхъ поръ, пока оно было абсолютнымъ, всѣми признаннымъ авторитетомъ, пока его окружалъ ореолъ величія и славы, пока въ немъ сосредоточивались интересы всего христіанскаго міра. Какъ скоро оно упало съ той высоты, на какую возвели его Григорій VII и Иннокентій III, оно должно было утратить обаяніе, приковывавшее къ нему умы итальянскихъ патріотовъ. Такъ именно и случилось, когда, со временъ Бонифація VIII, началось нисходящее движеніе папства. Папы сдѣлались вассалами французскихъ королей, поносили другъ друга бранью и анаемами, подчинились авторитету вселен-

скихъ соборовъ, тѣхъ соборовъ, на которыхъ національная гордость итальянцевъ была сильно оскорблена. Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобъ лишить папство суевѣрнаго уваженія Европы и въ особенности того великаго національнаго значенія, какое имѣло оно въ глазахъ итальянцевъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ Италіи могла образоваться сильная гибеллинская партія, достаточно обнаруживаетъ, какъ не велико было въ то время довѣріе итальянцевъ къ своему національному учрежденію: гибеллинизмъ на итальянской почвѣ представляетъ, прежде всего, отрицаніе тѣхъ надеждъ и упованій, которыя Италія возлагала на папство во время его величія и блеска.

Въ такомъ фазисѣ своего развитія находилась вѣчно-живая, никогда не умиравшая идея національнаго единства итальянцевъ, когда и ученіе памятниковъ классической древности открыло передъ ними новый міръ. Чтеніе Фукидида, Ксенофонта, Ливія, открыло передъ ними картину государственнаго быта, мало сходнаго съ тѣмъ, среди котораго они жили. Въ особенности римскіе историки

должны были оказать сильное влияние на восприимчивое воображение Итальянцевъ, Древній Римъ, величественно выступающій изъ рассказовъ Ливія, его республиканскія формы, суровый, гордый патріотизмъ его гражданъ, обаятельно дѣйствовали на такихъ людей, какъ Петрарка и Коло ди Ріенцо. Связанные чувствомъ дружбы, основанномъ на родствѣ стремленій и взаимномъ уваженіи, эти люди шли рука объ руку къ осуществленію классическихъ идей, навѣянныхъ чтеніемъ Ливія; ихъ дѣятельность такъ неразрывно связана, что трудно рѣшить, была ли революція Коло ди Ріенцо осуществленіемъ идей Петрарки, или, напротивъ, республиканскія мечты Петрарки были возбуждены дѣятельностью Ріенцо. Въ ихъ личномъ характерѣ было много общаго, хотя и нельзя сказать, чтобъ они во всемъ походили другъ на друга. Петрарка былъ поэтъ и отчасти идеологъ, которому природа отказала въ большомъ практическомъ смыслѣ и большой энергіи къ дѣлу. Ріенцо былъ по преимуществу человекъ дѣла, страстная и безпкойная натура, созданная для заговоровъ и

революцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ способенъ увлекаться великими идеалами, былъ проникнутъ восторженною любовью къ древности. Живя въ Римѣ, онъ съ увлеченіемъ перечитывалъ Ливія, Саллюстія, Валерія Максима, и скоро воображеніе его воспламенилось ихъ рассказами. Образъ древняго міра въ величественной красотѣ возникъ въ его представленіи. Онъ задумалъ обширный политическій переворотъ, и благодаря анархіи, господствовавшей въ Римѣ, благодаря вліянію, какое доставилъ ему дружественный союзъ съ Петраркою, привелъ его въ исполненіе. Средневѣковой Римъ облекся въ классическія формы; столица папъ преобразовалась въ республику; древній форумъ наполнился народомъ, тѣснимымъ передъ трибуной Ріенцо. Но обманъ продолжался не долго: Римъ отрезвился, минутная вспышка погасла, и Ріенцо поплатился жизнью за свою классическую комедію[81]. Впрочемъ, трагическая развязка дѣла, въ которомъ Петрарка принималъ самое непосредственное участіе, не поколебала его гордаго республиканскаго духа: онъ сохранилъ на всю жизнь свои

юношескія стремленія, свое благоговѣніе предъ древнимъ государственнымъ бытомъ, его широкою политическою жизнью. Недовѣрчиво и строго относился онъ къ поколѣнію, среди котораго поставила его судьба; онъ весь уносился въ прошлое, онъ жилъ среди Рима временъ Катона и Сціпіона, и сожалѣлъ о ихъ недостойныхъ потомкахъ, для которыхъ слово «свобода» утратило всякій смыслъ, всякое очарованіе. Въ энергическихъ выраженіяхъ призывалъ онъ Римлянъ оглянуться на свое великое прошлое и почерпнуть въ немъ урокъ для настоящаго. «Если хотя капля древней крови течетъ въ вашихъ жилахъ, страшитесь утратить завоеванную свободу», писалъ онъ къ римскимъ гражданамъ, когда Ріенцо успѣлъ на нѣкоторое время утвердить среди нихъ республиканскія формы[82]. Но республика пала, и отъ классическихъ мечтаній Петрарки и Коло ди Ріенцо осталось только продолжительное броженіе въ Римѣ, долгое время бывшее источникомъ смуть и безпорядковъ.

Несравненно важнѣе по своимъ послѣдствіямъ былъ переворотъ, произведен-

ный въ политическихъ идеяхъ Италіи и всей Европы твореніями Макиавелли. Мы указывали уже на историческое значеніе Макиавелли, какъ дѣятеля возрожденія. Значеніе это заключается въ томъ, что онъ призвалъ къ жизни государственную идею, управлявшую классическимъ міромъ и забытую въ средніе вѣка, что на мѣсто павшаго духовнаго авторитета онъ далъ человѣчеству другой авторитетъ — политическій, національный, государственный. Въ этомъ, по нашему разумѣнію, заключается главная историческая заслуга Макиавелли, и она, а не его парадоксальная теорія свѣтской власти, изложенная въ извѣстной книгѣ его: "Il Principe", должна была по настоящему упрочить его имя въ исторіи. Макиавелли былъ государственный дѣятель, съ головы до ногъ. Его литературные труды, его общественное служеніе, даже его честная, домашняя жизнь, все въ немъ было посвящено государственнымъ цѣлямъ. "Рѣдко, говоритъ Блунчли, можно встрѣтить человѣка, который бы такъ всецѣло и исключительно былъ преданъ государству, какъ Макиавелли. Какъ вода для рыбъ и воздухъ

для птицъ суть единственныя стихіи, среди которыхъ они могутъ существовать, такъ Макіавелли могъ жить только среди государства. Онъ – государственный человекъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ чувствуетъ себя призваннымъ играть политическую роль, и не можетъ жить внѣ политики. Его дарованія, его помыслы, его склонности посвящены государству. Онъ страстно любитъ государство, и готовъ пожертвовать ему всѣми своими силами. Онъ жертвуетъ ему своимъ спокойствіемъ, своимъ состояніемъ, своими друзьями, самимъ собою, даже своею честью и совѣстью. Выше политической дѣятельности онъ ничего не знаетъ и ни къ чему такъ не стремится; политическія науки стоятъ для него на второмъ планѣ. Онъ съ большею охотою пишетъ реляцію о посольствѣ, отъ которой онъ ожидаетъ непосредственнаго дѣйствія, нежели рѣчь о какомъ нибудь политическомъ вопросѣ. Четырнадцать лѣтъ (1498–1512), въ теченіе которыхъ онъ, какъ секретарь флорентинской республики, принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ, были счастливѣйшими въ его жиз-

ни, хотя многое шло тогда противно его желаніямъ, и хотя онъ занималь мѣсто, слишкомъ скромное для его необыкновенныхъ способностей. Ему было въ высшей степени больно, когда онъ, въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ (онъ род. 1469), въ слѣдствіе государственнаго переворота и возвышенія Лоренцо Медичи, былъ отставленъ отъ своей должности и принужденъ жить частнымъ человѣкомъ. Онъ не могъ перенести этой вынужденной праздности. Какъ трогательны его жалобы, которыя онъ обращалъ къ своему другу Веттори. Какъ страдаетъ онъ, оттого что для него закрыта политическая дѣятельность, какъ бесплодно и бѣдно кажется ему все, что онъ дѣлаетъ! Онъ едва находитъ, чѣмъ убить время. Ему опротивѣла ловля птицъ, которой онъ издавна любилъ заниматься; чтеніе поэтовъ, прелести природы развлекаютъ его только на короткое время; печально проводить онъ послѣобѣденные часы за картами и трик-тракомъ, въ обществѣ трактирщика, мясника, мельника и кирпичника. Зато вечеромъ онъ весь сосредоточивается. Онъ снимаетъ свою всегдашнюю наряд-

ную одежду и надѣваетъ платье государственнаго челоѵка. Онъ уединяется къ себѣ въ кабинетъ, ведетъ таинственную бесѣду съ государственными людьми прежнихъ временъ, задаетъ себѣ политическія проблемы и упражняется въ ихъ рѣшеніи. Если онъ не можетъ заниматься дѣйствительными дѣлами, то занимается по крайней мѣрѣ вымышленными. Политическими науками онъ занимается только по нуждѣ; въ нихъ ищетъ онъ только исхода для внутреннихъ стремленій, которыя лучше желалъ бы обнаружить въ политической дѣятельности"[83].

Въ связи съ тѣмъ вліяніемъ, какое необходимо должна была оказать на современниковъ государственная идея, такъ рѣзко высказывавшаяся и въ литературныхъ трудахъ, и въ практической дѣятельности Макиавелли, находятся его патріотическія стремленія, также оказавшіяся не безъ вліянія на западную Европу. Съ этой стороны, политическая дѣятельность Макиавелли является въ самой непосредственной связи съ предшествовавшей исторіей Италіи. Мы старались уже указать, какъ къ концу среднихъ вѣковъ, пап-

ская власть, служившая до того времени національнымъ знаменемъ Италіи, потеряла кредитъ въ глазахъ итальянскихъ патріотовъ, и какъ въ слѣдъ за тѣмъ Петрарка и Коло ди Ріенцо пытались найдти выходъ изъ тяготившаго ихъ порядка вещей въ возвращеніи къ государственному и политическому быту классической старины. Теперь, въ лицѣ Макіавелли, патріотическія стремленія Италіи находятъ другой исходъ. Макіавелли точно также, какъ и его предшественники, скорбитъ о политическомъ ничтожествѣ своей родины, о ея національной разрозненности, разорванности, объ отсутствіи между отдѣльными частями ея единой централизующей связи; но онъ указываетъ другой путь къ достиженію политическаго могущества и единства Италіи. Убѣдясь, что папство не въ силахъ выполнить этой великой задачи, онъ обращается къ свѣтской власти, но не къ чужеземной, не къ императорской, какъ это дѣлали гибеллины, а къ такой власти, которая возросла бы на итальянской почвѣ и дѣйствовала бы итальянскими силами, Онъ ищетъ кругомъ себя

итальянскаго государя, который, тѣмъ или другимъ путемъ, честно или безчестно, могъ бы настолько возвыситься надъ другими владѣтельными домами Италіи, чтобъ въ его лицѣ осуществилась идея итальянскаго единства. Такого государя находить онъ въ Цезарѣ Борджіа. Сынъ Александра VI, порочный, хитрый, мстительный, жестокій, одержимый безграничнымъ честолюбіемъ и одаренный замѣчательною силою воли. Цезарь Борджіа, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могъ бы съ успѣхомъ выполнить задачу, которой такъ сочувствовалъ Макіавелли. Этимъ объясняются дружественныя отношенія, въ которыхъ находился великій флорентинецъ къ Цезарю Борджіа. Онъ видѣлъ въ немъ государя, который могъ силою и коварствомъ сосредоточить въ своихъ рукахъ господство надъ Италіей и вырвать ее изъ рукъ чужеземцевъ [84]. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что планъ, начертанный честолюбіемъ Цезаря Борджіа и патриотизмомъ Макіавелли, не могъ быть приведенъ въ исполненіе; но этотъ планъ все таки имѣетъ великое значеніе, потому что

здѣсь смѣло заявленъ принципъ національности, которому, по видимому, предстоитъ высокая роль въ исторіи. Съ другой стороны, патріотическія стремленія Макиавелли имѣютъ для насъ тотъ же смыслъ, какъ и классическія мечты Петрарки, и республиканскіе планы Коло ди Ріенцо: это не болѣе, какъ разнообразныя проявленія все той же живучей патріотической идеи, которая не умирала въ продолженіе столѣтій, и которая служитъ мотивомъ современнаго итальянскаго движенія.

Въ этихъ краткихъ очеркахъ, мы разсмотрѣли общую картину итальянскаго гуманизма, какъ важнѣйшаго явленія эпохи возрожденія. Въ дальнѣйшемъ мы постараемся съ другихъ сторонъ обозрѣть внутреннее состояніе Италіи конца XV и начала XVI вѣка и указать, въ чемъ и насколько отразилось вліяніе его на Францію. Но для этого намъ надо обратиться къ Карлу VIII, котораго мы оставили на границахъ Италіи.

* * *

Грозныя знаменія возвѣстили Италіи нашествіе варваровъ. Говорили, что въ тем-

ную ночь, среди страшныхъ ударовъ грома и ослѣпительнаго блеска молніи, зошли надъ Апуліей три солнца, окруженныя черными тучами; что масса вооруженныхъ всадниковъ, появилась въ воздухѣ надъ Ареццо; эти всадники сидѣли на коняхъ колоссальнаго роста, и отъ нихъ долеталъ страшный громъ барабановъ и трубъ; что многіе благочестивые люди видѣли, какъ потъ выступалъ на образахъ и статуяхъ святыхъ[85]. Этимъ сверхъестественнымъ явленіямъ природы какъ нельзя болѣе вторила вдохновенная рѣчь Савонаролы:

"О Италія! о Римъ! восклицалъ проповѣдникъ. Я призову людей, которые сотрутъ васъ съ лица земли. Они придутъ, голодные и ярые, какъ львы. За ними вслѣдъ я призову чуму, отъ которой никто не убѣжитъ. Смерть будетъ повсюду. Дома будутъ полны мертвыми, и могильщики начнутъ ходить по улицамъ съ крикомъ: выносите мертвыхъ! Горы тѣль будутъ повсюду, тѣлами завалятъ рвы и рѣки. По улицамъ ничего не будетъ слышно, кромѣ крика; мертвыхъ! У кого есть мертвые, выносите за ворота! Выйдутъ за во-

рота семьи, и отдавая трупы, скажутъ; вотъ мой сынъ, мой братъ, мой мужъ. Мало останется живыхъ, травою заростуть улицы, лѣсами покроются дороги, и варвары наводнятъ Италію... О Римъ, покайся! Покайтесь Венеція, Миланъ!"[86]

Эти страшныя знаменія, эти рѣчи, эти стоны, наполняли ужасомъ сердца Итальянцевъ, и они съ сомнѣніемъ и страхомъ измѣряли силы приближавшагося врага. Численность французскаго войска, осенью 1494 г. вступившаго въ предѣлы Италіи подъ личнымъ предводительствомъ Карла VIII, простиралось, приблизительно, до 60.000 ч[87]. За исключеніемъ Швейцарцевъ, шедшихъ въ авангардѣ, оно состояло исключительно изъ Французовъ, издавна славившихся своею личною храбростью, преданностью королю, патриотизмомъ и честолубіемъ. Оно не было, подобно итальянскимъ войскамъ, наберено изъ подданныхъ различныхъ государствъ, раздѣленныхъ между собою взаимными антипатіями; оно повиновалось одному государю, шло подъ однимъ знаменемъ, сражалось за одни интересы[88]. Главную силу

его составляла артиллерія, въ которой Франція не имѣла тогда соперниковъ. Карла VIII сопровождали 1000 мортиръ (grosses bombardes), 1200, тяжелыхъ ружей на лафетахъ (тогда еще не были извѣстны ручныя ружья), 200 опытныхъ артиллеристовъ, 600 плотниковъ и саперовъ, 300 литейщиковъ, болѣе 8000 упряжныхъ лошадей[89]. Огромный багажъ, навьюченный на муловъ, слѣдовалъ за арміей[90]. Французскіе артиллеристы славились своимъ искусствомъ и опытностью; громъ французскихъ выстрѣловъ былъ такъ силенъ, что оглушалъ большихъ рыбъ, плававшихъ въ окрестныхъ рѣкахъ[91]. Къ большимъ французскимъ мортирамъ были припряжены лошади, между тѣмъ какъ Итальянцы перевозили свои орудія на волахъ вслѣдствіе чего ихъ артиллерія не всегда могла поспѣвать за арміей. Французы такъ быстро строили батареи, залпы слѣдовали у нихъ за залпами такъ часто, что они, по словамъ Гвиччардини, въ нѣсколько часовъ совершали то, на что Итальянцамъ требовалось нѣсколько дней[92].

Это превосходство французскихъ войскъ

надъ итальянскими уравнивалось до нѣкоторой степени недостаткомъ въ денежныхъ средствахъ, который терпѣлъ Карль VIII. Нужда въ деньгахъ была такъ настоятельна для молодаго завоевателя, что онъ, прибывъ въ Туринъ, долженъ былъ заложить за 12.000 дукатовъ брильянты герцогини Савойской, и потомъ за такую же сумму денегъ заложилъ драгоцѣнности маркизы Монферратской[93]. «Пріятно видѣть, замѣчаетъ по этому поводу наивный комментаторъ Коммина, какъ государыни закладывали для короля свои драгоцѣнности; но прибѣгая къ займамъ, Карль VIII начиналъ тѣмъ, чѣмъ другіе оканчиваютъ, и онъ продолжалъ просить денегъ изъ дому въ домъ – обстоятельство, роковое для его предпріятія»[94]. Въ Асти Людовикъ Сфорца, прибывшій туда на встрѣчу Карлу VIII, еще разъ снабдилъ его деньгами [95]. Эта предупредительная готовность, съ какою владѣтельные лица полуострова жертвовали своимъ достояніемъ для чужеземнаго завоевателя, указываетъ уже, какою смертельною язвою пораженъ былъ политическій организмъ Италіи. Великая страна заключала

въ своихъ нѣдрахъ богатый запасъ политическихъ силъ; но эти силы были убиты, парализованы отсутствіемъ національнаго единства. Разнородныя, большія и малыя, государства Италіи, были разъединены взаимными антипатіями, и для своихъ частныхъ интересовъ жертвовали благомъ цѣлаго полуострова. Если мы взглянемъ на взаимныя отношенія итальянскихъ государей передъ походомъ Карла VIII, то увидимъ путаницу мелкихъ интригъ, личныхъ симпатій и антипатій, частныхъ, разрозненныхъ стремленій, среди которыхъ исчезаетъ идея національнаго единства. Въ семьѣ итальянскихъ государей, всѣ во враждѣ другъ съ другомъ. Людовикъ Сфорца ненавидитъ Фердинанда Неаполитанскаго; Людовика поддерживаетъ въ немъ эту ненависть; оба они, кромѣ того, ненавидятъ Джіованни Галеаццо, и жену его Изабеллу, внуку короля Неаполитанскаго; Неаполитанскій домъ, въ свою очередь, оплачиваетъ Сфорцамъ тою же монетою. Внутри миланскаго герцогства та же вражда, то же разъединеніе: народъ ненавидитъ Сфорцу за его тиранію и любитъ Галеаццо; Га-

леаццо ненавидитъ Сфорцу и равнодушенъ къ народу; Сфорца ненавидитъ и Галеаццо, и народъ. Во Флоренціи, Петръ Медичи держитъ сторону Неаполя, а народъ, волнуемый проповѣдями Савонаролы, сочувствуетъ Карлу VIII. Флоренція угнетаетъ Пизу; Пиза ненавидитъ Флоренцію и съ упованіемъ смотритъ на французское знамя. Папа находится во враждѣ со всей Италіей, и въ собственномъ семействѣ его братъ ненавидитъ брата, сынъ замышляетъ гибель отца. Подъ стѣнами Рима кипитъ кровавая борьба между Колонна, Орсини и Вителли. Венеція, по видимому, еще въ мирѣ со всѣми; но, не обнажая оружія, она выжидаетъ, пока сосѣди, истощенные взаимной борьбой, сами попадутъ въ лапы льва св. Марка. Подобныя же отношенія существуютъ и между мелкими владѣльцами Италіи. Такимъ образомъ, на пространствѣ всего полуострова, кипитъ междоусобная вражда, открытая и тайная, между государями съ одной, и между государями и подданными съ другой стороны. Подъ радужной оболочкой цивилизаціи, впервые такъ роскошно расцвѣтшей на почвѣ новой Европы, гноятся

смертельные язвы. порожденные политической разрозненностью и деспотизмомъ. Отсутствие національнаго единства, недостатокъ гражданскаго чувства и политической честности, какъ неизбѣжное слѣдствіе деспотизма, мертвятъ Италію. Это оборотная сторона медали, которую мы показали въ предшествовавшихъ очеркахъ. Это то больное, истерзанное сердце Италіи, къ которому, по выраженію Муратори, варвары припали сосать кровь[96]. Ему ли было противостоятъ первымъ, грознымъ ударами, обрушившимся на него изъ за Альпъ?

Между тѣмъ Карлъ VIII, оправившись отъ болѣзни, поразившей его въ Асти, продолжалъ свой по-ходъ. Въ какомъ то непонятномъ самозабвеніи, словно торжествуя и радуясь, встрѣчали его итальянцы. "Весь походъ его, говоритъ анонимный авторъ одной анекдотической хроники Карла VIII, былъ непрерывнымъ триумфомъ, торжествомъ, отпразднованнымъ со всѣми удовольствіями, какія только вообразить можно. Не нашлось ни одного замка, ни одного города, въ которомъ не былъ бы сдѣланъ ему блистательный пріемъ,

точно среди полного мира. Всюду были празднества, столы, разставленные по дорогамъ и на улицахъ, концерты, стихи, спектакли и тысячи любезностей, такъ что можно было сказать, что онъ шелъ на завоеваніе королевства при звукахъ флейтъ, ступая по муравъ и по цвѣтамъ. Дамы особенно выставляли на показъ все, что у нихъ было дорогаго и красиваго, и заявляли ему на тысячу способовъ удовольствіе его видѣть. Въ Quiers самыя красивыя дамы, окруживъ Карла VIII и поя вокругъ Него разныя рондо и баллады, надѣли на него вѣнокъ изъ фіалокъ и цѣловали его" [97]. Войска Карла VIII пользовались вездѣ удобнымъ помѣщеніемъ и довольствомъ, частію благодаря трусливой услужливости Итальянцевъ, частію вслѣдствіе благоразумной распорядительности Луи Вальто, главнаго французскаго квартирмейстера (*grand marechal-des-logis*)[98]. Въ Піаченцѣ прискакалъ къ Карлу VIII курьеръ съ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ герцога Миланскаго[99]. Такимъ образомъ совершилась развязка кровавой драмы, издавна подготовлявшаяся въ семействѣ Сфорцы. Много было причинъ, та-

къ трагически рѣшившихъ судьбу злополучнаго герцога. Главная вина его заключалась въ томъ, что онъ, какъ наслѣдный владѣтель Милана, служилъ препятствіемъ къ достиженію честолюбивыхъ плановъ Сфорцы. Людовикъ Сфорца, по необыкновенной смуглости лица прозванный Моромъ (черный), съ 1419 года незаконно захватившій власть въ свои руки, не могъ быть спокоенъ, пока живъ былъ его племянникъ, Джіованни Галеаццо, законный герцогъ Миланскій. Къ этому присоединились также и другія личныя отношенія его къ племяннику. Джіованни былъ женатъ на Изабеллѣ, внукѣ Фердинанда Неаполитанскаго. Когда Людовикъ въ первый разъ увидѣлъ невесту своего племянника, въ немъ вспыхнула бѣшеная страсть къ ней. Рассказываютъ, что онъ прибѣгнулъ къ чарамъ, которыя должны были сдѣлать для новобрачныхъ недоступнымъ супружеское счастье. Въ это время, онъ старался соблазнить Изабеллу, но гордая внука Фердинанда отвѣчала презрѣніемъ на его мольбы. Тогда неистовая ярость вытѣснила изъ сердца Людовика прежнюю любовь, и

онъ поклялся извести весь родъ Фердинанда Неаполитанскаго[100]. Въ этомъ рѣшеніи поддерживала Сфорцу же-на его, женщина честолюбивая и тщеславная, которая желала видѣть на головѣ мужа королевскую корону, и не могла простить Изабеллѣ страстной любви, возбужденной ею когда то въ сердцѣ Людовика[101]. Самъ Людовикъ Моръ, по свидѣтельству современниковъ, былъ человекъ хитрый и вѣроломный, не любившій рисковать опасностями, но не разбиравшій средствъ, если предстояла какаянибудь вѣрная пожива[102]. Долго не рѣшался онъ употребить насиліе противъ Джіованни Галеаццо, выжидая минуты, когда можно будетъ отдѣлаться отъ него безъ всякаго риска. Готовясь къ рѣшительному удару, онъ искалъ поддержки у иностранныхъ дворовъ, и заключилъ сдѣлку съ Максимилианомъ, въ слѣдствіе которой послѣдній призналъ его герцогомъ миланскимъ[103]; Гвиччардини прибавляетъ, что Максимилианъ, до смерти Галеаццо, считалъ нужнымъ таить отъ всѣхъ этотъ безчестный трактатъ. Изабелла, супруга герцога, жен-

щина необыкновеннаго ума и характера, нѣсколько разъ обращалась къ своему отцу и дѣду, умоляя ихъ поставить ее въ безопасность отъ преступныхъ замысловъ Сфорцы [104]; но это только еще болѣе раздражало миланскаго узурпатора. Всего тягостнѣе было для Людовика видѣть открытое нерасположеніе къ себѣ народа, ненавидѣвшаго его за корыстолюбіе и тираннію:[105] онъ естественно долженъ былъ бояться, чтобъ народная симпатія, обращенная на Джіованни, не повела къ опасному для него государственному перевороту. Среди такихъ условій, всеобщее замѣшательство, произведенное въ Италіи походомъ Карла VIII, должно было только ускорить развязку семейной драмы, давно уже задуманную Людовикомъ Моромъ. Онъ не долго медлилъ: въ октябрѣ 1494 Джіованни Галеаццо погибъ жертвою отравы. Вѣсть объ этой печальной катастрофѣ поразила ужасомъ Карла VIII. Если вѣрить Гвиччардини[106], употребленіе яду было еще неизвѣстно за Альпами. Такимъ образомъ Французы, при первомъ знакомствѣ съ Италіей, получили урокъ изъ хит-

рой науки макиавелизма, которую потомъ съ такимъ успѣхомъ старалась акклиматизировать во Франціи Катерина Медичи. Въ умѣ Карла VIII родились серьезныя опасенія за свою жизнь, за исходъ своего предвзятаго, многіе, видя вѣроломство и жестокость Итальянцевъ, стали отчаяваться въ успехѣ[107]. Но легкомысленное честолюбіе Карла VIII, поддерживаемое, по всей вѣроятности, настояніями Людовика Мора, скоро разсѣяло опасенія, и Карль устремился далѣе во глубину полуострова.

Дорога въ Римъ, куда направился Карль VIII, шла черезъ Тоскану, главный городъ которой, Флоренція, въ XV вѣкѣ былъ средоточіемъ гуманистическаго движенія. Если вѣрить Макиавелли[108], Флоренція обязана своимъ происхожденіемъ древнеримскому городу Фіезоли, отличавшемуся выгоднымъ для торговли мѣстоположеніемъ, и потому быстро расширявшимъ свои предѣлы и свое населеніе. Около 1010 года Флоренція, отдохнувшая отъ многократныхъ вторженій варваровъ, начинаетъ пріобрѣтать самостоятельность[109]; съ этого же времени ведетъ

начало продолжительная борьба партій, которая нѣсколько разъ готова была потопить Флоренцію въ крови ея гражданъ. Демократической партіи удалось наконецъ одержать верхъ надъ аристократической, и во Флоренціи утвердились республиканскія формы правленія. Каждый Флорентинскій гражданинъ имѣлъ право на участіе въ дѣлахъ правленія, хотя и во Флоренціи, какъ вездѣ, богатые и знатныя фамиліи имѣли перевѣсъ надъ простыми горожанами[110]. Въ концѣ XIV столѣтія возвысилась во Флоренціи фамилія Медичи, которой суждено было играть важную роль въ исторіи Тосканы и всей Италіи. Джіованни Медичи, его сынъ Козимо, и внукъ послѣдняго Лоренцо представляютъ самыя блистательныя имена итальянской исторіи временъ возрожденія. Джіованни пріобрѣлъ несмѣтныя богатства счастливыми коммерческими операціями и достигъ высшихъ служебныхъ почестей во Флоренціи; онъ до самой смерти пользовался безграничною любовью и уваженіемъ гражданъ. Сынъ его Козимо, счастливо слѣдуя политикѣ отца, придалъ новый блескъ своему дому щедрымъ

покровительствомъ наукъ и искусству. Онъ взлѣлялъ дѣтство итальянскаго гуманизма, судьбы котораго остались тѣсно связанными съ судьбами дома Медичи. Внукъ Козимо, Лоренцо, еще съ большимъ успѣхомъ слѣдовалъ политикѣ своего дѣда. Время, въ которое онъ стоялъ во главѣ флорентинской республики, совпадаетъ съ самой блестящей эпохой итальянской исторіи. То было время расцвѣта классическихъ студій, когда знакомство съ древностью начинало уже фактически обнаруживаться во всѣхъ сферахъ итальянской жизни, когда идеи, почерпнутыя изъ изученія древняго быта, начали утилизироваться и создали удобства жизни, роскошь и великолѣпіе. Покровительствуя этому новому движенію, Лоренцо Медичи понималъ, что для процвѣтанія наукъ, искусствъ и спокойной общественной жизни, необходимо, чтобъ все кругомъ было мирно и безмятежно, чтобъ глубокая тишина царствовала на землѣ. Поэтому, всѣ политическія стремленія его клонились въ одну сторону — къ поддержанію всеобщаго мира въ Италіи, къ умиротворенію закоренѣлыхъ династическихъ и народныхъ

антипатій на полуостровѣ[111]. Великому Лоренцо Медичи была по плечу такая задача: пока онъ стоялъ во главѣ флорентинской республики, пока на него были обращены взоры всего полуострова, Италія наслаждалась глубокимъ миромъ и могла спокойно развивать свои духовныя силы, давно уже пришедшія въ напряженіе; но съ 1492 года, года смерти Лоренцо, положеніе дѣль измѣнилось. Геніальному, любезному, одаренному высокимъ дипломатическимъ тактомъ Лоренцо наслѣдовалъ сынъ его, бездарный, капризный, упрямый Петръ Медичи. Мѣсто искусной, основанной на дипломатіи, политики Лоренцо, заступило раздражительное своеволіе Петра. Лоренцо умѣлъ царствовать надъ Флоренціей, не оскорбляя народной гордости, не враждуя открыто съ республиканскими наклонностями гражданъ; Петръ захотѣлъ дѣйствовать, какъ наслѣдный государь, самовластно, деспотически и притомъ капризно. Несмотря на явную симпатію, какую обнаруживалъ флорентинскій народъ къ Французамъ, Петръ открыто принялъ сторону Неаполя и началъ военныя приготовленія

[112]. Съ своими ничтожными средствами, парализованными, кромѣ того, неудовольствіемъ народа, онъ надѣялся противостоятъ стремительному шествію Карла VIII. Но обстоятельства приняли вскорѣ такой оборотъ, что Петръ Медичи долженъ былъ убѣдиться въ неисполнимости своихъ надеждъ: во Флоренціи разыгралась странная, невѣроятная драма, историческій смыслъ которой легко можно разгадать, но подробности и ходъ которой навсегда останутся самыми причудливыми эпизодами исторіи. Въ стѣнахъ Флоренціи, столицы итальянскаго гуманизма, раздался голосъ человѣка, предававшаго анаѳемѣ и гуманизмъ, и науку, и искусство, и все движеніе эпохи возрожденія; и Флоренція, сначала изумленная, потомъ очарованная, не побилла камнями, не предала осмѣянію дерзкаго пророка: она увлеклась его восторженною рѣчью, она рыдала и стонала вмѣстѣ съ нимъ, она отреклась отъ своего прошлаго, отъ себя самой; и когда, послѣ нѣсколькихъ годовъ увлеченія, пришло время отрезвиться, она ополчилась на своего пророка во имя того самаго принципа, кото-

рый управлялъ всею его дѣятельностью: во имя оскорбленнаго католицизма.

Въ обзорѣ гуманистическаго движенія XV вѣка мы имѣли уже случай указать, какъ враждебно относилось это движеніе къ средневѣковому религіозному быту. Соблазнительная жизнь, примѣръ которой подали гуманисты, заразительно дѣйствовала на всѣ классы итальянскаго общества. Призывъ эпохи: "жить и наслаждаться жизнью", сдѣлался девизомъ cadaго; всѣми овладѣло стремленіе къ достиженію матеріальныхъ благъ, къ артистическому наслажденію дарами природы, культъ Эпикура возрождался въ жизни, въ то время какъ Платонъ и Аристотель возрождались въ наукѣ. Особенно во Флоренціи, этомъ центрѣ гуманизма, порча нравовъ повела къ самымъ безотраднѣмъ явленіямъ. Брюто въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ состояніе флорентинскаго общества того времени: "Флорентинцы, употребляя всѣ усилія, чтобъ жить въ нѣгѣ и лѣни, пренебрегали завѣтомъ отцовъ и съ нестерпимой наглостью пролагали себѣ дорогу къ самымъ грубымъ и отвратительнымъ поро-

камь. Отцы ихъ своими трудами, заботами и добродѣтелями возвеличили отечество; они же, напротивъ, утративъ всякій стыдъ, ничѣмъ не дорожили. Они предались игрѣ, вину и самымъ грязнымъ наслажденіямъ. Не было такого порока, такого преступленія, которое не пятнало бы ихъ. Всеобщее презрѣніе къ закону и правосудію освобождало ихъ отъ страха наказанія. Храбрость замѣнилась у нихъ дерзостью и наглостью, вѣжливость – преступной угодливостью, любезность – болтовней и злословіемъ. Все дѣлалось медленно, вяло и беспорядочно рабами низости и лѣни [113].

Таково было безотрадное состояніе флорентинскаго общества, утопавшаго въ грубой чувственности, празднаго, корыстолюбиваго, эгоистическаго. Къ нему то обратился Савонарола съ достиженію матеріальныхъ благъ, къ артистическому наслаженію дарами природы; культъ своимъ грознымъ обличеніемъ.

"Флоренція, восклицалъ онъ, что ты сдѣлала? Если хочешь, я скажу тебѣ. Ты переполнилась беззаконіемъ, готовься къ великой карѣ. Господи! ты свидѣтель, что я силюсь

поддержатъ эту падающую развалину; но слово мое безсильно для этого, а больше что могу я? Возстань ты, Господи! Развѣ ты не видишь, что мы становимся позоромъ міра? Сколько разъ я призывалъ тебя! Сколько было слезъ! сколько молитвъ! Гдѣ твое Провидѣніе? гдѣ твоя благодать? гдѣ твое правосудіе? Прости же на насъ всемогущую руку твою! Что до меня, то я не въ силахъ больше ничего сдѣлать; я не нахожу даже словъ, чтобы говорить. Мнѣ остается только плакать и заливать слезами на этой каѳедрѣ. Сжался, сжался Господи!"[114].

Такъ плакалъ и молился вдохновенный проповѣдникъ, и его отрывистая, нервическая рѣчь, полная угрозъ и заклинаній, наполняла ужасомъ сердца Флорентинцевъ. Стыдъ, раскаяніе, страхъ суда Божьяго овладѣли ими. Совершилась странная метаморфоза. Столица Медичи, веселая вѣтрена, скептическая, развратная, превратилась въ монастырь. Пиры, карнавалы, затихли; богатство и пышность скрылись; предметы роскоши, перлы возрожденнаго искусства, запылали на кострахъ. Надъ блистательной

Флоренціей, этимъ Парижемъ XV вѣка, воцарился суровый монахъ, и съ кафедры св. Марка раздалась его грозная проповѣдь:

"О прелаты, опоры церкви! взываль обличитель; о владыки! взгляните на этого священника, который проходит мимо насъ раздушенный, завитой, разряженный. Войдите въ домъ его: вы найдете тамъ столько же серебра, какъ у вельможи"; всюду ковры, бархатъ и подушки. А сколько у него собакъ, муловъ, лошадей и прислуги! Такимъ ли пышнымъ вельможамъ растворять двери церкви Божьей? Алчность ихъ ненасытна. Посмотрите: въ церквахъ все дѣлается за деньги. Корыстолюбіе звонитъ въ колокола, колокола сзываютъ деньги, хлѣбъ и свѣчи. Изъ за денегъ, ради плебеиды, священники ходятъ служить вечерни и обѣдни. Они не любятъ служить утреню, въ которую не раздается плебеиды. Они продаютъ бенефиціи, торгуютъ таинствами, обрядами погребенія и вѣнчанія. Они ничего не дѣлаютъ безъ денегъ. О, какъ великъ развратъ ихъ! Цѣлые дни они бѣгаютъ по кумушкамъ, да болтаютъ съ любовницами. Не позволяйте дѣтямъ вашимъ

оставаться наединѣ съ ними... Сколько разъ въ числѣ пѣвчихъ видѣли переодѣтыхъ женщинъ, которыя подѣ видомъ мальчиковъ прислуживали въ алтаряхъ".

"Вотъ идетъ эта овца, эта женщина, этотъ ребенокъ, заблудшійся въ грѣхахъ. Христосъ потерялъ ее. Еслибъ добрый пастырь нашель ее, онъ возвратилъ бы ее Христу. Худой же пастырь обольщаетъ ее, оправдываетъ, говоритъ ей: я знаю, я вѣрю, что нельзя уберечься отъ грѣха и цѣлый вѣкъ прожить благочестиво. Такъ мало по малу онъ привяжетъ къ себѣ овцу и заставитъ ее забыть Христа. Братъ, не берись за эти струны! Я никого не называю, и хочу сказать только правду. Худой пастырь прельщаетъ бѣдную овечку и до того кружитъ ей голову, что она становится безъ ума отъ него, а онъ доитъ ее и торгуетъ ея молокомъ. Всѣ города Италіи полны такихъ ужасовъ. Еслибъ вы знали все то, что я знаю! Отвратительныя вещи! Страшныя вещи! Вы содрогнулись бы! Когда я думаю обо всемъ этомъ, о той жизни, которую ведутъ священники, я не могу удержаться отъ слезъ"[115].

И вся Флоренція плакала вмѣстѣ съ Саво-

наролюю... Она увѣровала въ вдохновеннаго пророка, грозныя предсказанія котораго сбывались передъ глазами цѣлаго свѣта. Она пошла за нимъ, она отдалась въ его руки, когда онъ спасъ ее своимъ заступничествомъ отъ хищности французскихъ войскъ, Съ этимъ новымъ авторитетомъ въ силахъ ли былъ бороться Петръ Медичи, бездарный и нелюбимый народомъ? При первомъ появленіи Карла VIII на границахъ Тосканы, имъ овладѣло малодушіе и нерѣшительность. Сначала, онъ предпринялъ нѣкоторыя военныя приготовленія и возвысилъ подати и налоги, но видя, что эти мѣры только усиливаютъ народное негодованіе, онъ рѣшился прибѣгнуть къ переговорамъ[116]. Тайно бѣжавъ изъ Флоренціи, явился онъ съ немногочисленной свитой передъ французскимъ лагеремъ, и заключилъ съ Карломъ VIII постыдныя условія. Сарзана, Пиза, Либрафатта, Ливорно и Піетра-Санта были выданы Французамъ; кромѣ того, Петръ Медичи обязался снабдить Карла 200,000 дукатовъ.[117]

Едва достигла Флоренціи вѣсть объ этомъ малодушномъ договорѣ, какъ въ городѣ вне-

запно вспыхнула революція, Набать ударилъ тревогу, и негодующая толпа съ грозными криками ринулась ко дворцу Медичи. Подъ градомъ камней, сопровождаемый угрозами озлобленной черни, Петръ едва могъ пробраться въ свой великолѣпный палаццо. Между тѣмъ, распространившіеся слухи о приближеніи Карла VIII и о томъ, что Петръ приготовлялся подавить возстаніе вооруженною силою, увеличивали волненіе. Братъ Петра, кардиналъ Джіованни Медичи (впослѣдствіи папа Левъ X), скакалъ по улицамъ, крича *Palle, palle!* (девизъ дома Медичи) и бросая въ народъ деньгами; но озлобленная толпа преслѣдовала его бранью и угрозами. Петръ и его братья, Джіованни и Джуліано, были объявлены мятежниками и измѣнниками; народъ жегъ и грабилъ ихъ дворцы. Тогда Медичи, видя себя не въ силахъ бороться съ революціей, рѣшили оставить Флоренцію, и всѣ трое бѣжали въ Болонью[118].

Въ одинъ день съ революціей во Флоренціи, случилось въ Тосканѣ другое происшествіе, бывшее источникомъ продол-

жителей смуть въ Италиі. Пизанцы, подпавшіе подъ власть Флорентинцевъ и жестоко угнетаемые ими, давно уже мечтали возвратить себѣ независимость и освободиться изъ подъ ига своихъ притѣснителей. Походъ Карла VIII представлялъ имъ къ тому удобный случай. Когда, 9 ноября, король шель къ обѣднѣ, многочисленная толпа народа окружила его съ громкими криками "свобода! свобода"! Мущины и женщины, со слезами на глазахъ, умоляли его освободить ихъ отъ ига Флорентинцевъ. Король, тронутый ихъ мольбами, и не вполнѣ сознавая всю важность такого поступка, обѣщаль даровать имъ свободу[119]. Услышавъ это, Пизанцы предались шумной радости: флорентійскіе гербы была сброшены со всѣхъ публичныхъ зданій, народъ бросился преслѣдовать ненавистныхъ флорентинскихъ чиновниковъ, которымъ удалось спастись только благодаря заступничеству Карла VIII[120].

17 ноября 1494 года, Карль VIII торжественно вступилъ во Флоренцію. Знатнѣйшіе граждане несли надъ его головою золотой балдахинъ, передъ нимъ несли ключи отъ город-

скихъ воротъ. Онъ въѣхалъ верхомъ, съ копьемъ въ рукѣ, какъ завоеватель; народъ всюду привѣтствовалъ его радостными криками[121]. На дверяхъ храмовъ и другихъ публичныхъ зданій вездѣ красовалась надпись: *Rex, pax et restauratio libertatis*[122]. Такой торжественный пріемъ вскружилъ голову Карлу VIII: онъ предложилъ Флорентинцамъ условія, отнимавшія у нихъ всякую тѣнь политической самостоятельности. Но какъ ни страшно было флорентинскимъ гражданамъ расположившееся въ стѣнахъ ихъ города многочисленное и хорошо вооруженное французское войско, они не хотѣли слышать о зависимости. Когда Карль VIII, въ засѣданіи флорентинской синьоріи, напрасно истощивъ всѣ увѣщанія, грозилъ затрубить въ трубы, «мы ударимъ въ набатъ!» воскликнулъ депутатъ Петръ Каппони, и разорвалъ въ клочки договорный актъ, предложенный Карломъ[123]. Устрашенный этимъ смѣлымъ поступкомъ, Карль VIII быстро умѣрилъ свои требованія. Условія, заключенныя имъ наконецъ съ синьоріей, признавали Флоренцію другомъ и союзницею Франціи, и подтвержда-

ли занятіе французскимъ гарнизономъ Пизы и Ливорно до окончанія неаполитанской кампаніи[124].

Съ этихъ поръ, быстрые успѣхи Карла VIII начинаютъ сильно беспокоить итальянскихъ государей. Раздѣленные взаимною враждою, ослѣпленные личными, временными интересами, они сначала съ безпечностью слѣдили за движеніемъ французскихъ войскъ и допустили чужеземнаго завоевателя проникнуть во глубину полуострова; но теперь, когда успѣхъ всюду слѣдовалъ за французскими орлами, когда итальянскіе города одинъ за другимъ подпадали, хотя и временно, подъ власть иностранцевъ, когда обнаружилось во всемъ объемѣ безграничное честолюбіе Карла VIII – теперь итальянскіе государи стали раскаиваться въ своей опрометчивости, и со страхомъ слѣдить за побѣднымъ шествіемъ Карла[125]. Въ особенности Людовикъ Моръ, хитрый и проницательный дипломатъ, былъ сильно встревоженъ успѣхами Французовъ; онъ первый понялъ, въ какую громадную ошибку впалъ онъ, призвавъ въ предѣлы Италіи честолюбиваго завоевателя, и принялъ

ся вести дѣятельныя интриги противъ своего союзника. Обстоятельства благопріятствовали ему: быстрые успѣхи и худо скрываемые честолюбивые замыслы Карла встревожили короля испанскаго, который боялся за Сицилію и Сардинію, и короля римскаго Максимилиана, который не безъ основанія опасался, чтобы Карль VIII не принудилъ папу вѣнчать его императорскою короною. Всѣ трое, Людовикъ Моръ, Максимилианъ и Фердинандъ Католическій, король испанскій, движимые одинаковыми побужденіями, рѣшились совокупными усиліями остановить успѣхи Французовъ въ Италіи. Театромъ переговоровъ избрана была Венеція. Туда съѣхались посланники трехъ договаривавшихся сторонъ и составили планъ лиги между Испаніей, имперіей, Миланомъ и Венеціей. Этотъ планъ начертанъ былъ передъ глазами Коммина, французскаго посланника въ Венеціи, который однакоже не сумѣлъ воспользоваться своимъ открытіемъ, и успокоенный простымъ увѣреніемъ, что союзъ заключается не противъ Карла VIII, а противъ Турокъ, ожидалъ

сложна руки окончанія переговоровъ[126]. Къ какимъ результатамъ привела эта первая международная лига, въ которой коренится источникъ идеи политическаго равновѣсія, мы увидимъ ниже. Между тѣмъ Карль VIII подвигался все далѣе на югъ полуострова. Пришло время встревожиться и задуматься папѣ, во владѣнія котораго вступалъ уже французскій авангардъ. На папскомъ престолѣ возсѣдалъ въ то время Александръ VI изъ дома Борджіа, со временъ Валтассара Коссы самый порочный изъ римскихъ первосвященниковъ. «Онъ былъ, говоритъ Гвиччардини, зараженъ пороками, которыхъ не могли искупить всѣ его достоинства. Онъ былъ одаренъ рѣдкими способностями и проницательностью: блисталъ въ совѣтахъ и, обладая искусствомъ вліять на умы посредствомъ убѣжденія, умѣлъ вести дѣла съ изумительною ловкостью и быстротою. Но эти качества были помрачены порочными нравами: лживый, безстыдный, хитрый, вѣроломный, безбожный, одержимый ненасытною алчностью, пожираемый честолюбіемъ, онъ былъ жестокъ выше варварства (*crudelia; piu che barbara*)

и думаль только о возвышеніи своихъ незаконныхъ дѣтей, ради которыхъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать»[127].

Вступленіе на папскій престолъ Александра VI, приключившееся въ одинъ годъ со смертью Лоренцо Медичи, распространило панической страхъ между Итальянцами, хорошо знавшими характеръ новаго первосвященника. Принимая эту вѣсть, Фердинандъ неаполитанскій прослезился и пророчески предсказаль, что избраніе Александра VI нарушитъ покой не только Италіи, но всего христіанскаго міра[128]. Дѣйствительно, съ 1492 года начинается для Италіи рядъ бѣдствій, разрушившихъ ея такъ недавно и такъ пышно расцвѣтшее благосостояніе, и въ которыхъ Александръ VI принималъ зловѣщее участіе. Миръ, поддерживаемый до того времени стараніями Лоренцо Медичи, встрѣтилъ злѣйшаго врага себѣ въ Александрѣ VI. Новый папа, корыстолюбивый интриганъ, заботившійся только о земныхъ стяжаніяхъ и о возвышеніи своихъ nepотовъ, которыхъ онъ не стыдился, открыто, называль своими дѣтьми, завязаль цѣлую сѣть интри-

гь, тяжело отозвавшихся на судьбахъ полуострова. Еще въ первый годъ своего первосвященства, Александръ VI разсорился съ неаполитанскимъ домою за то, что герцогъ калабрійскій Альфонсъ, по смерти Фердинанда (21 января 1491) вступившій на престолъ неаполитанскій, не согласился выдать свою дочь за одного изъ сыновей папы. Сверхъ того, Александръ VI боялся Альфонса, потому что тотъ имѣлъ на жалованьи Виргилія Орсино, сильнаго своей дружбой съ Петромъ Медичи и поддерживаемаго гвельфской партіей, и двухъ Колонна, Проспера и Фабриція, къ которымъ папа, какъ владѣтель Романьи, находился въ сузеренныхъ отношеніяхъ[129]. Среди такихъ условій Александръ VI легко сдался на увѣщанія Людовика Мора, убѣждавшаго его заключить съ нимъ лигу для взаимной обороны своихъ владѣній, косвеннымъ образомъ направленную противъ неаполитанскаго дома. Къ этой лигѣ, заключенной 21 апрѣля 1493 года[130], приступила также Венеція, находившаяся въ то время въ зенитѣ своего могущества. Но Александръ VI, будучи дальновиднѣе своихъ союзниковъ, старался,

на сколько это было возможно, воздерживаться отъ участія въ предпріятіяхъ лиги; такъ напр. предвидя, къ какимъ опаснымъ результатамъ можетъ поведи походъ Карла VIII, онъ отказался присоединить свой голосъ къ посольству Людовика Мора, звавшаго французскаго короля въ Италію[131]. Такимъ образомъ, отношенія папы къ Карлу VIII были довольно неопредѣленны, и оба они не довѣряли другъ другу и боялись одинъ другаго. Карлу VIII, имѣвшему въ виду завоеваніе Неаполя, было очень важно обезпечить себя со стороны римскаго первосвященника и обезопасить свой тылъ; Александръ VI, въ свою очередь, недовѣрчиво и подозрительно смотря на завоевательные планы Карла, и опасаясь, чтобы воинственный король не утвердилъ навсегда своего вліянія въ Италіи, не безъ боязни ожидалъ появленія его въ Римѣ. По мѣрѣ приближенія Французовъ къ вѣчному городу, этотъ страхъ все усиливался. Напрасно Карль VIII отправилъ къ папѣ посольство съ увѣреніемъ, что онъ ни-чего не желаетъ, кромѣ свободнаго пропуска французскихъ войскъ черезъ владѣнія первосвя-

ценника; Александръ VI, оставленный безъ друзей, безъ союзниковъ, окруженный непріязненными вассалами и негодующимъ духовенствомъ, мучимый угрызеніями совѣсти и страхомъ за свою участь, при вступленіи Карла VIII въ Римъ бѣжалъ изъ города и заперся въ крѣпости св. Ангела[132].

Карль VIII вступилъ въ Римъ 31 декабря 1494 г. верхомъ на конѣ, въ полномъ вооруженіи[133], всюду встрѣчали его съ великими почестями. Кардиналы, находившіеся въ Римѣ, спѣшили посѣтить его и заявить ему о своемъ уваженіи. Самъ же Карль VIII, упоенный быстрыми успѣхами, держалъ себя со всѣми гордо и пренебрегалъ правилами римскаго этикета, къ великому огорченію Бурхарда, церемоніймейстера папскаго двора, оставившаго любопытную хронику Александра VI[134]. Французскіе солдаты также очень дурно заявили себя въ Римѣ: дневникъ Бурхарда наполненъ разказами о насиліяхъ и безчинствахъ, которыя совершались ими ежедневно въ вѣчномъ городѣ. Они силою врывались въ дома, выламывали двери и окна, выгоняли оттуда людей и скоть,

выбрасывали мебель, жгли дрова, пили и ѳли до пресыщенія, не платя денегъ[135]. Французскіе квартирмейстеры распоряжались въ Римѣ постоемъ, какъ въ завоеванномъ городѣ. «Однажды, рассказываетъ Бурхардъ, возвратившись къ себѣ послѣ обѣдни, я засталъ дома семерыхъ Французовъ которые, вопреки моему приказанію, но съ вѣдома и согласія Марка Себальда, начальника нашего квартала, вошли въ мой домъ съ восемью лошадьми и выгнали муловъ и ословъ, находившихся въ моихъ конюшняхъ, чтобъ поставить тамъ своихъ коней, которые стали ѳсть мое сѣно. Одинъ виконтъ завладѣлъ моей комнатою; другой офицеръ занялъ комнату Андрея Арбруина, медика, жившаго у меня уже нѣсколько лѣтъ; зала внизу, гдѣ помѣщались мои люди, и остальные комнаты были заняты людьми этихъ Французскихъ дворянъ»[136]. Подобныя сцены ежедневно во происходили всемъ городѣ. Солдаты бродили по улицамъ, грабя дома и убивая жителей; какъ мало обращали они вниманія на папу и его приближенныхъ, видно изъ того, что въ числѣ разграбленныхъ до-

мовъ находился домъ Розы Ваноццы, любовницы Александра VI, матери его пятерыхъ непотовъ[137]. Надо замѣтить, впрочемъ, что Карлъ VIII не оставался равнодушнымъ зрителемъ подобныхъ беспорядковъ: онъ приказалъ выставить на стѣнахъ города плакатъ, грозившій смертю всякому, кто силою ворвется въ чужой домъ, и учредилъ полицейскіе суды въ нѣсколькихъ кварталахъ[138].

Между тѣмъ папа, запершійся, какъ мы сказали, въ крѣпости св. Ангела, завязалъ переговоры съ Карломъ VIII. Послѣ ряда взаимныхъ уступокъ и интригъ со стороны Александра VI, договоръ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Папа уступалъ Карлу, впредь до окончанія неаполитанской кампаніи, Чивита-Веккію, Террачину и Сполето[139], объявлялъ амнистію кардиналамъ и баронамъ церковной области, принявшимъ сторону Французовъ, и обязывался даровать Карлу VIII инвеституру королевства неаполитанскаго[140]. Къ этимъ тремъ условіямъ присоединялось еще четвертое, которому приписывали тогда великую важность, но ко-

торое осталось безъ всякихъ послѣдствій. Условіе это заключалось въ выдачѣ Карлу VIII Зизима (иначе назыв. Жемъ и Зизимъ), брата Баязета II, царствовавшаго въ Константинополь по смерти Магомета II. Судьба этого Зизима представляетъ печальный эпизодъ въ исторіи переходнаго времени. Бывъ, при жизни Магомета II, султаномъ Караманіи, онъ хотѣлъ и по смерти его удержать за собою эти владѣнія; но, разбитый братомъ Баязетомъ, онъ принужденъ былъ отказаться отъ своихъ плановъ и бѣжать на островъ Родосъ. Пьеръ д'Обюссонъ, гроссмейстеръ іоаннитскихъ рыцарей, понимая всю выгоду, какую могъ извлечь его орденъ изъ царственного гостя, задержалъ его плѣнникомъ. Нѣсколько лѣтъ томился Зизимъ въ темницахъ ордена, перевозимый изъ замка въ замокъ, изъ города въ городъ, и возбуждая всюду любопытство и участіе. Баязеть II предлагалъ Карлу VIII, во владѣніяхъ котораго содержался въ послѣднее время Зизимъ, огромную сумму денегъ за выдачу злополучнаго плѣнника; но Карлъ отправилъ его въ Римъ, по настоятельной просьбѣ папы Иннокентія VIII[141]. Во

время неаполитанскаго похода, когда Карль VIII торжественно вступалъ въ Римъ, Александръ VI, спасаясь въ замкъ св. Ангела, захватилъ туда съ собою и Зизима; но Карль VIII, который смотрѣлъ на неаполитанскую кампанію только какъ на прологъ къ завоеванію Константинополя и Іерусалима, хорошо разсчиталъ, какую выгоду можетъ доставить ему обладаніе Зизимомъ въ этихъ предпріятіяхъ, и потому въ числѣ условій, предложенныхъ имъ папѣ, поставилъ на первомъ планѣ выдачу турецкаго принца. Злополучный Зизимъ не долго, впрочемъ, находился въ обладаніи Карла VIII: въ февралѣ 1495 года онъ умеръ жертвою отравы, въ которой голосъ современниковъ обвинялъ Александра VI[142].

Карль VIII находился еще въ Римѣ, когда достигла до него вѣсть о томъ, что Альфонсъ II, король неаполитанскій, отрекся отъ престола въ пользу своего сына Фердинанда[143]. Современники не говорятъ опредѣлительно, что было причиною отреченія, но догадаться о томъ не трудно. Продолженіе дѣлъ въ Неаполь, въ виду грознаго приближенія Францу-

зовъ, было такъ затруднительно, что Альфонсу II не оставалось никакой надежды сохранить за собою государство, уже отдѣленное отъ него народною ненавистью. Арагонскій домъ, при своихъ послѣднихъ представителяхъ, потерялъ всякій авторитетъ въ глазахъ неаполитанскаго населенія. Всѣ историки единогласно говорятъ о безразсудныхъ и жестокихъ дѣйствіяхъ Фердинанда I и Альфонса II. Комминъ представляетъ длинный списокъ жертвъ, погибшихъ мучительной смертью въ душныхъ темницахъ Неаполя. Люди безъ религіи, безъ совѣсти, безъ благоразумія, Фердинандъ и Альфонсъ не заботились сдерживать свои порочные инстинкты. Фердинанду недоступно было чувство состраданія даже въ отношеніи къ своимъ ближайшимъ родственникамъ и друзьямъ; мысль о благѣ народномъ не западала въ его голову. Корыстолюбіе его не знало границъ и побуждало его къ самымъ безчестнымъ поступкамъ. Богатыхъ подданныхъ онъ силою заставлялъ ссужать его деньгами, скупалъ по дешевой цѣнѣ жатвы и потомъ продавалъ хлѣбъ въ три дорога. Народъ заставляли силою по-

купать всѣ продукты у короля, и если кто пускалъ свой хлѣбъ въ продажу по болѣе умѣренной цѣнѣ, того тѣми же насильственными средствами принуждали прекратить торговлю. У зажиточныхъ вассаловъ отбирали скоть, и отправляли его пастись на чужія поля. Личность подданныхъ была также мало обеспечена, какъ и собственность. Альфонсъ II безъ суда, безъ законнаго предлога, заключалъ въ темницы и казнилъ смертью знатныхъ вельможъ, мстилъ дѣтямъ за проступки отцовъ, насилывалъ женщинъ [144]. Народъ, томившійся подъ гнетомъ невыносимой тираніи, платилъ за него правительству чувствомъ злобы и ненависти. Приближеніе Французовъ оживило его надеждою на лучшую участь: въ немъ воскресли воспоминанія о короляхъ Французской династіи, и эти воспоминанія, при сравненіи съ настоящимъ, принимали самый радостный колоритъ. Сочувствіе къ Франціи и ненависть къ настоящей династіи обнаружались съ такою угрожающею очевидностью, что Альфонсъ II потерялъ присутствіе духа и рѣшился бѣжать изъ Неаполя. «Развѣ не слы-

шите вы, какъ каждое дерево, каждый камень кричитъ: Франція! Франція!» – говорилъ онъ своей тещѣ, когда та медлила отъѣздомъ. Съ крайнею поспѣшностью, едва успѣвъ захватить съ собою часть казны и кое-какія драгоценности, бѣжалъ Альфонсъ II въ Сицилію, въ монастырь оливетанскаго ордена, и тамъ провелъ послѣдніе дни свои въ раскаяніи и религіозныхъ упражненіяхъ[145].

Сынъ Альфонса, Фердинандъ, немедленно занялъ упразднившійся престолъ. Въ званіи короля онъ объѣхалъ Неаполь, торжественно принялъ присягу, освободилъ вельможъ, безъ вины заточенныхъ его отцомъ, возвратилъ имъ конфискованныя имущества, даровалъ многія льготы народу и казнилъ смертию нѣсколько лицъ, заподозрѣнныхъ въ предательскихъ сношеніяхъ съ Французами[146]. Ободренный надеждою, что съ отреченіемъ Альфонса II затихла народная ненависть къ арагонской династіи, онъ немедленно занялся приготовленіями къ защитѣ королевства. На пути, по которому должны были слѣдовать Французы изъ Рима въ Неаполь, находился

сильно укрѣпленный городокъ Санъ-Жермано, хорошо приспособленный къ оборонѣ. Съ одного фланга защищали его болота, съ другой группа холмовъ, повелѣвавшая окрестностью; передъ нимъ протекала небольшая рѣчка, мѣстами глубокая, мѣстами представлявшая бродъ. Въ этой позиціи, служившей ключемъ къ королевству, расположился укрѣпленнымъ лагеремъ Фердинандъ. Собранныя имъ силы состояли изъ 6000 человекъ пѣхоты и пятидесяти кавалерійскихъ отрядовъ[147]. Какъ ни ничтожны были эти силы, но принимая въ соображеніе выгоды позиціи и начинавшееся уже на сѣверѣ полуострова грозное движеніе противъ Карла VIII, нельзя не предположить, что Фердинандъ имѣлъ возможность остановить наступательное шествіе Французовъ, и дать время членамъ лиги собраться съ силами для соединенной борьбы съ завоевателемъ. Но въ характерѣ молодого короля Неаполитанскаго не доставало личнаго мужества и энергіи. Узнавъ, что Карль VIII, 28 января 1495 года выступившій изъ Рима, приближается къ Санъ-Жермано, Фердинандъ покинулъ из-

бранную имъ позицію и бѣжалъ въ Капую [148]. Онъ отступалъ съ такою поспѣшностью и въ такомъ безпорядкѣ, что Французы, слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ, захватили часть его артиллеріи[149]. Въ Капуѣ пришла къ Фердинанду вѣсть, что въ Неаполѣ вспыхнуло возмущеніе. Испуганный король, передавъ начальство надъ войскомъ генералу Триульци, поспѣшилъ въ столицу; а Триульци въ тотъ же день сдалъ Капую Карлу VIII и перешелъ подъ его знамена. Такимъ образомъ, судьба королевства была рѣшена. Безъ войска, безъ денегъ, безъ союзниковъ, Фердинандъ не могъ долѣе оставаться въ Неаполѣ, которому грозило приближеніе непріятеля, въ которомъ кипѣло народное волненіе, и бѣжалъ въ Сицилію, къ своему отцу[150].

Съ удаленіемъ Фердинанда II, быстро покорилось Французамъ все королевство. Двѣ цитадели въ Неаполѣ, въ которыхъ заперлась часть гарнизона, сдались послѣ трехдневной канонады[151]. Карлъ принялъ присягу отъ бароновъ и совершилъ торжественный въѣздъ въ Неаполѣ. Одѣтый въ широкій пурпуровый плащъ, съ императорскимъ скипет-

ромъ и державой въ рукахъ, въ золотой коронѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями [152], король объѣхалъ улицы завоеванной столицы, сопровождаемый радостными восклицаніями толпы.

Но пока Карль VIII торжествовалъ быстрые успѣхи своего оружія, положеніе дѣлъ на сѣверѣ принимало грозный для него оборота. Непрерывный рядъ успѣховъ, сопровождавшихъ французское знамя, образумилъ наконецъ итальянскихъ государей. Честолюбивые замыслы Карла VIII, который не хотѣлъ вывести свои гарнизоны изъ уступленныхъ ему на время тосканскихъ и романскихъ городовъ; и отказался подъ разными предлогами дать Людовику Мору княжество тарентское, какъ это было обѣщано по предварительному договору, встревожили всѣхъ владѣтельныхъ князей въ Италіи. Священная лига, о которой мы упоминали выше, и къ которой присоединился папа Александръ VI, приступила наконецъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Карла VIII. Положено было, что Фердинандъ II, который началъ уже интриги въ Калабріи, воспользуется испанскимъ флотомъ для об-

ратнаго завоеванія королевства; что Венеціянцы будутъ содѣйствоватьъ ему при блокадѣ приморскихъ крѣпостей; что герцогъ Миланскій, для пресѣченія сообщеній Карла VIII съ Франціей, овладѣетъ городомъ Асти, въ которомъ стоялъ тогда съ малочисленнымъ гарнизономъ герцогъ Орлеанскій, будущій Людовикъ XII. Союзники предполагали, кромѣ того, снабдить деньгами короля Испанскаго и Максимилиана, которые обязывались за то внести войну въ предѣлы Франціи [153]. Вѣсть объ этихъ приготовленіяхъ смутила Карла VIII, который и безъ того чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи въ виду народнаго неудовольствія, открыто обнаружившагося по поводу его первыхъ распоряженій въ Неаполь. Карль VIII обманулъ ожиданія неаполитанскихъ бароновъ: они надѣялись получить отъ него большіе лены въ вознагражденіе за свою измѣну аррагонской династіи, и вмѣсто того увидѣли, что владѣнія ихъ конфискованы и розданы генераламъ и миньйонамъ Карла [154]. Французскіе солдаты, разсѣявшись по провинціямъ, производили всюду безчинства

и насилія, возбуждавшія народную ненависть. Самъ Карль VIII, пренебрегая мѣрами, необходимыми для упроченія его власти въ завоеванномъ королевствѣ, предавался развратнымъ увеселеніямъ[155]. Офицеры и солдаты молодого короля слѣдовали его примѣру: пользуясь слабостью Итальянокъ и заводя съ ними безпрерывныя интриги, они возбуждали чувство злобной ненависти въ неаполитанскомъ народѣ, чувство, которое готово было принять грозныя размѣры. Одинъ французскій хроникеръ рассказываетъ, что во время пребыванія Карла VIII въ Неаполѣ, какой-то итальянскій дворянинъ былъ казненъ за то, что убилъ французскаго пажа и сожралъ его сердце[156]: подобныя проявленія мести должны были служить грозными симптомами для Французовъ. Когда же критическое положеніе Карла VIII въ Неаполѣ усилилось, кромѣ того, вѣстью о намѣреніяхъ священной лиги, король рѣшился, не медля долѣе, вернуться обратно во Францію. Такъ какъ онъ оставлялъ въ Неаполѣ значительную часть своего войска, то очевидно, что онъ спѣшилъ во Францію толь-

ко для того, чтобы усилить свои средства и вновь возвратиться въ Италію; извѣстно по крайней мѣрѣ, что даже и тогда, когда ни одного французскаго воина не оставалось уже въ Неаполѣ, Карль VIII не терялъ надежды вторично завоевать разъ утраченное королевство.

Оставивъ часть войска въ Неаполѣ и главныхъ крѣпостяхъ королевства и передавъ управленіе завоеванной провинціей Гильберту Монпансье[157], Карль VIII, съ остальнымъ войскомъ, выступилъ изъ Неаполя. Но еще за нѣсколько дней до выступленія французовъ, Фердинандъ II, подкрѣпленный испанскими вспомогательными войсками, прибывшими къ нему въ Сицилію, высадился въ Калабріи. Городъ Реджіо немедленно сдался ему; значительная часть населенія приняла его сторону. Въ то же время Венеціянцы высадили въ Апуліи значительный десантъ, подъ предводительствомъ Антоніо Гримани[158]. Кромѣ иностранныхъ вспомогательныхъ войскъ, подъ знаменами Фердинанда стояло до 6, 000 неаполитанскаго ополченія. Съ этими силами рѣшился онъ отвоевать у Французовъ свое ко-

ролевство. Борьба велась съ перемѣнными успѣхомъ. Фердинандъ овладѣль Реджіо и сосѣдними крѣпостями, вслѣдствіе чего почти половина, королевства поднялась на его защиту; но вскорѣ Французы, подъ предводительствомъ д'Обиньи, нанесли жестокое пораженіе соединенному неаполитано-испанскому войску, предводимому самимъ Фердинандомъ и Гонзальвомъ Кордуанскимъ. Самъ король, подъ которымъ въ пылу битвы убита была лошадь, спасся только благодаря преданности одного пажы, по-жертвовавшаго ради него собственной жизнью. Съ поля битвы Фердинандъ бѣжалъ въ Пальму, крѣпость на берегу моря, а оттуда немедленно переправился въ Сицилію. Тамъ снарядилъ онъ значительный флотъ и подошелъ съ нимъ къ Неаполитанской гавани. Монпансье, утраченный приближеніемъ Фердинанда и враждебнымъ расположеніемъ умовъ въ городѣ, поспѣшилъ вы-вести французскія войска изъ Неаполя. Тогда Фердинандъ II высадился на берегъ и торжественно вступилъ въ свою столицу (7 іюля 1495). Жители всюду встрѣчали его съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Дамы

усыпали цвѣтами дорогу, по которой шелъ король, и самая знатнѣйшія изъ нихъ спѣшили обнять его и отереть потъ съ его лица[159]. Французы, потерявъ Неаполь, держались еще нѣкоторое время въ Кастельнуово, сильно укрѣпленномъ замкѣ, находившемся въ незначительномъ разстояніи отъ столицы; но скоро, доведенные до истощенія недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ и деморализованные неудачнымъ покушеніемъ овладѣть Неаполемъ, принуждены были выйдти изъ крѣпости. Монпансье выступилъ изъ Кастельнуово съ 2500 ч. войска и удалился въ Салерно, а оттуда въ укрѣпленный городъ Ателлу. Здѣсь осадилъ его Гонзальво Кордуанскій и принудилъ къ капитуляціи. Французскій гарнизонъ былъ отведенъ плѣннымъ въ Неаполь, а оттуда на островъ Прочиду, гдѣ голодъ, чума и болѣзни истребили болѣе двухъ третей его. Въ числѣ погибшихъ такимъ образомъ находился и самъ Монпансье. Одинъ д'Обиньи, который нѣкоторое время счастливо боролся съ Фердинандомъ въ Калабріи, успѣлъ отвезти свое изнуренное войско во Францію[160]. Такъ быст-

ро потеряли Французы быстро завоеванное ими королевство Неаполитанское.

Между тѣмъ Карль VIII, выступившій, какъ мы уже видѣли, изъ Неаполя, медленно возвращался во Францію. Онъ шелъ тою же дорогою, по которой, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, съ надеждою и упованіемъ стремился къ выполненію своихъ честолюбивыхъ плановъ. Но теперь шествіе его было далеко не такъ торжественно. Своеволіе и буйство Французовъ научило Итальянцевъ ненавидѣть ихъ, а печальный исходъ предпріятія служилъ темою для насмѣшекъ. "Французы пришли на завоеваніе Неаполя съ мѣломъ въ рукахъ, чтобъ отмѣчать квартиры подъ постой", говорили Итальянцы, намекая на легкомысліе и самоувѣренность Карла VIII [161]. Впрочемъ, страхъ французскаго оружія, и еще болѣе боязнь честолюбивыхъ замысловъ Карла, продолжали еще сильно дѣйствовать на умы итальянскихъ государей. Папа поспѣшилъ удалиться въ Орвье-то при приближеніи Карла VIII; Флоренція выслала ему на встрѣчу Савонаролу, ходатайствовать о возвращеніи крѣпостей, занятыхъ француз-

скими гарнизонами; Пиза ходатайствовала передъ нимъ о возвращеніи ей свободы, угрожаемой корыстолюбіемъ Флорентинцевъ. Карлъ VIII вель себя также, какъ и вначалѣ предпріятія: держалъ себя гордо съ итальянскими государями, безопасно выслушивалъ донесенія своихъ пословъ и предавался легкомысленнымъ увеселеніямъ. Не смотря на то, что, въ виду грозныхъ приготовленій, совершавшихся на сѣверѣ Италіи, каждый замедленный шагъ могъ служить гибелью для Французовъ, Карлъ VIII пробылъ безъ нужды нѣсколько дней въ Сиенѣ, гдѣ задержала его красота тамошнихъ женщинъ и роскошные праздники[162], Сюда прибылъ къ нему Филиппъ Комминъ, бывшій посломъ въ Венеціи, и сообщилъ ему о положеніи дѣлъ въ Ломбардіи. Доставленныя имъ свѣдѣнія должны были сильно встревожить Карла VIII. Члены священной лиги принимали дѣятельныя мѣры для того, чтобы воспрепятствовать Французскому войску возвратиться въ отечество. Людовикъ Моръ, душа лиги, приводилъ къ концу свои обширныя военныя приготовленія. Въ собственныхъ

владѣніяхъ онъ собралъ многочисленное, хорошо вооруженное войско и снарядилъ четырнадцать судовъ для защиты Генуи; кромѣ того, онъ послалъ вербовать для себя въ Германіи 2000 ландскнехтовъ, которыхъ предназначалъ для взятія Асти, защищаемаго герцогомъ Орлеанскимъ[163]. Но силы Людовика Мора составляли только четвертую часть тѣхъ, которыя собраны были Венеціанцами[164]. Богатая республика не щадила денегъ для предпріятій лиги, которыми она такъ сочувствовала. Она вооружила, кромѣ морской эскадры, значительное пѣхотное войско, и призвала подъ свои знамена 2000 страдіотовъ, легкихъ албанскихъ наѣздниковъ, на долго оставившихъ память по себѣ въ Италіи[165]. Таковы были силы союзниковъ, въ іюль 1495 сосредоточившіяся въ пармскомъ округѣ, на берегахъ рѣки Таро, и рѣшившіяся пресѣчь здѣсь отступление Французской арміи.

4 іюля рано утромъ французскій авангардъ, предводимый маршаломъ Жіе, спустился съ отлогости Аппенинъ и завялъ позицію въ Форново[166]. Это было не-боль-

шое мѣстечко, похожее на деревню[167] защищенное съ одной стороны горами, съ другой горнымъ потокомъ Таро, впадающимъ въ рѣку По. Итальянцы, которые еще прежде Французовъ прибыли въ Форново, не рѣшились занять этой позиціи, потому что она представляла мало выгодъ для генеральной битвы, и стали лагеремъ въ 3 миляхъ оттуда, въ долину гіяруольскаго аббатства; но маршалъ Жіе, имѣя передъ собою многочисленнаго непріятеля, по необходимости долженъ былъ остановиться въ Форново и ждать здѣсь прибытія главнаго войска[168]. Союзники могли бы безъ труда истребить малочисленный авангардъ, запертый въ этомъ узкомъ де-филеѣ, но не имѣя точныхъ свѣдѣній о числѣ непріятеля и не зная, какъ далеко опередилъ авангардъ главную армію, не рѣшились произвести нападеніе. Маршалъ Жіе, съ своей стороны, понимая опасность своего положенія, старался выиграть время переговорами, и выслалъ впередъ, для рекогносцировки, небольшой отрядъ кавалеріи; но Итальянцы, наблюдавшіе за движеніями непріятеля, выслали на встрѣчу эскадронъ

страдіотовъ, которые обратили въ бѣгство Французовъ и унесли съ собою нѣсколько отрубленныхъ непріятельскихъ головъ, за которыя Венеціанцы уплатили имъ по дукату. Тогда маршалъ Жіе, не рискуя болѣе подвергать себя опасности, отступилъ назадъ на высоты, гдѣ съ чагу на часъ ожидалъ прибытія короля [169]. Карль VIII, между тѣмъ, былъ задержанъ въ своемъ пути трудностями, какія пришлось преодолѣвать на каждомъ шагу при перевозѣ артиллеріи чрезъ Аппенины. Къ счастью его, служившіе у него на жалованьи Швейцарцы нашли средство помочь затрудненію: взявшись за руки и обвязавшись толстыми канатами, они запряглись подъ орудія, и силою своихъ крѣпкихъ мышцъ въ одинъ день перевезли черезъ горы всю артиллерію [170]. Благодаря этому самоотверженному усердію нѣмецкихъ наемниковъ, въ полдень 5 іюля Карль VIII спускался уже съ аппенинскихъ высотъ въ плодородныя долины Ломбардіи. Взорамъ его представилось жавшееся у подошвы горы мѣстечко Форново, и за нимъ обширная, цвѣтущая поляна, перерѣзанная рѣчкой Таро, за которою былъ

раскинуть лагерь союзниковъ[171]. Приготовляясь къ большимъ битвамъ, Итальянцы имѣли обыкновеніе располагаться укрѣпленнымъ лагеремъ, который они раскидывали всегда такъ широко, чтобы палатки и ретраншементы не стѣсняли свободы военныхъ дѣйствій: они бились въ самомъ лагерѣ, или непосредственно передъ лагеремъ, который, такимъ образомъ, служилъ имъ вмѣстѣ и крѣпостью и бивуакомъ. Въ гіаруольской долині, ихъ лагерь былъ особенно обширенъ, потому что союзники сосредоточили здѣсь силы, какихъ давно уже не видала Италія. Подъ знаменами лиги стояло до 35.000 чел. войска, четыре пятыхъ котораго вооружено было на счетъ Венеціи[172]. Лагерь былъ сильно укрѣпленъ. Главное начальство надъ союзными войсками вручено было Франциску Гонзаго, маркизу мантуанскому; арьергардомъ предводительствовалъ Мельхіоръ Тревизано, членъ венеціанскаго сената; графъ Гаяццо начальствовалъ надъ войсками герцога Миланскаго[173]. Видъ этого обширнаго лагеря, который, повидимому, вмѣщаль въ себѣ гораздо болѣе войска, чѣмъ сколько

дѣйствительно въ немъ находилось, смутиль французовъ. Ихъ малочисленному[174], изнуренному трудными переходами войску, предстояло бороться съ непріятелемъ, далеко превышавшимъ его въ силахъ, находившимся у себя дома, среди полного изобилія припасовъ, и занимавшимъ несравненно болѣе выгодную позицію. Французы и не подозрѣвая, что они внушали непріятелю чувство страха еще въ большей степени. Итальянцы были поражены и уstraшены отвагою Французовъ, рѣшившихся, по видимому, оружіемъ проложить себѣ дорогу. До послѣдней минуты они надѣялись, что Карль VIII обойдетъ ихъ лагерь окольнымъ путемъ, или отправится въ отечество моремъ; теперь же, при видѣ грозной рѣшимости, которую обнаруживали Французы, они упали духомъ[175]. Когда въ ихъ лагерьъ явились Французскіе парламентары, посланные маршаломъ Жіе съ требованіемъ свободнаго пропуска для короля и его арміи и обѣщаніемъ не начинать враждебныхъ дѣйствій, союзники открыли совѣщанія. Людовикъ Моръ и венеціанскій посланникъ, которые, въ случаѣ пораженія,

болѣе всѣхъ должны были опасаться мщенія Французовъ, изъявили согласіе принять предложенія маршала; но посланникъ короля испанскаго, который ничего не терялъ, еслибы союзники были разбиты, и очень много выигрывалъ, еслибы разбитъ былъ Карлъ VIII, успѣлъ настоять на томъ, чтобы отданъ былъ приказъ готовиться къ битвѣ[176].

Всю ночь съ 5 на 6 іюля шелъ проливной дождь, сопровождаемый громомъ и молніей, и вода высоко поднялась въ рѣкѣ Таро[177]. На утро, съ разсвѣтомъ дня. Французы построились къ битвѣ. Начальство надъ авангардомъ удержалъ за собою маршалъ Жіе. Карлъ VIII, рассчитывая, что авангарду придется выдержать самый стремительный натискъ непріятели, отдалъ въ распоряженіе Жіе цвѣтъ своего войска; подъ его знамена стали 3000 Швейцарцевъ, 350 французскихъ копейщиковъ, 300 стрѣлковъ и болѣе половины всей Французской пѣхоты. Центромъ арміи предводительствовалъ самъ король. Въ мемуарахъ Коммина есть интересное описаніе наружности и убранства Карла въ день битвы; мы приводимъ его буквально, во всей его на-

ивной безтолковости. «Я нашелъ короля въ полномъ вооруженіи, верхомъ на конѣ, лучшемъ изъ всѣхъ, какія я когда нибудь видѣлъ, и эта лошадь называлась Савойя, и многіе говорили, что то была бресчанская лошадь, подаренная Карломъ, герцогомъ Савойскимъ. Она была вороная, съ однимъ глазомъ, — посредственная (?) лошадь, но очень рослая для того, кто сидѣлъ на ней. И казалось, что этотъ, юный человекъ (т. е. Карль VIII) выглядѣлъ совсѣмъ не такимъ, какимъ дѣлала его его натура, ростъ и сложеніе: ибо онъ былъ очень робокъ, и остался такимъ и сегодня. Онъ былъ воспитанъ въ большомъ страхѣ, и среди маленькихъ людей, а на этой лошади казался онъ большимъ, и имѣлъ хорошій видъ, и хорошій цвѣтъ лица, и смѣлое слово, и казалось (я припоминаю это), что братъ Іеронимъ (т. е. Савонарола), говорилъ мнѣ правду, когда сказалъ, что Богъ направитъ его своею десницею, и что онъ будетъ имѣть много дѣла на пути, но что честь его останется съ нимъ»[178]. При королѣ находился его совѣтникъ, Тремуиль, который долженъ былъ изъ за кулисъ управлять битвою.

Аррьергардомъ начальствоваль Жанъ де Фуа, отецъ знаменитаго Гастона. За аррьергардомъ находился богатый багажъ, оставленный безъ всякаго прикрытія – обстоятельство, даровавшее Французамъ побѣду[179].

Битва началась стычкою легкой кавалеріи и залпами съ обѣихъ сторонъ. Когда Французскій авангардъ, предводимый маршаломъ Жіе, приблизился къ непріятельскому лагерю, Гонзаго, взявъ съ собою 600 рыцарей, подкрѣпленныхъ отрядомъ страдіотовъ, и 5000 пѣхоты, переправился черезъ рѣчку, намѣреваясь атаковать центръ Французской арміи. Въ то же время онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы венеціанская кавалерія атаковала Французовъ съ Фланга, и далъ приказаніе страдіотамъ овладѣть непріятельскимъ багажемъ[180]. Въ одно время съ атакой Гонзаго, направленной противъ главнаго центра Французской арміи, графъ Гаяццо, предводительствуя 400 миланскихъ рыцарей, перешелъ р. Таро навстрѣчу маршала Жіе. Аннибалъ Бентивольйо съ 200 всадниковъ остался на томъ берегу, чтобъ по первому востребованію явиться на помощь

графу Гаяццо. Въ самомъ лагерѣ оставленъ былъ небольшой резервъ въ 200 всадниковъ и 1000 ч. пѣхоты, подъ командою Медъхюра Тревизано[181].

Переправа черезъ рѣчку Таро, вода въ которой высоко поднялась вслѣдствіе проливнаго дождя, шедшаго всю ночь, значительно разстроила ряды Итальянцевъ. Не смотря на то, Гонзаго съ отчаянною храбростью напалъ на центръ Французской арміи, къ которому Карлъ VIII успѣлъ уже примкнуть арьергардъ. Французы съ изумительною стойкостью выдержали первый натискъ непріятеля. Король бился въ первыхъ рядахъ съ необычайнымъ мужествомъ; онъ носился передъ непріятелями на своемъ горячемъ конѣ, который, по словамъ Гвиччардини, такъ метался и прыгалъ подъ сѣдокомъ, что избавлялъ его отъ труда отпаривать удары, наносимые непріателемъ. Король, сопровождаемый малочисленной свитой, носился передъ рядами, поспѣвая туда, гдѣ слабѣли Французы, гдѣ стремительнѣе напиралъ непріятель, и развозя всюду летучія приказанія. Кстати замѣтимъ здѣсь, что форновская битва ни ма-

ло не походила на тѣ, къ которымъ издавна привыкли въ Италіи. Въ прежнихъ битвахъ Итальянцы никогда не вводили въ дѣло разомъ всей арміи: одинъ батальонъ смѣнялся у нихъ другимъ по очереди, такъ что сраженіе длилось съ утра до ночи, и чаще всего оставалось нерѣшеннымъ. Теперь же, при первомъ столкновеніи, всѣ силы сражающихся разомъ введены были въ дѣло, и рукопашный бой завязался всюду послѣ перваго выстрѣла. Итальянцы, ободряемые примѣромъ Гонзаго, бились съ упорнымъ мужествомъ; даже лошади, по словамъ Гвиччардини, пришли въ ожесточеніе и дрались зубами и копытами. Французы, стойко выдержавъ первый натискъ непріятели, начинали колебаться. Самъ король, увлекаемый отвагою, съ немногими спутниками отъѣхалъ далеко отъ своего войска и былъ окруженъ непріателемъ. Съ отчаяннымъ мужествомъ отбивался онъ отъ многочисленныхъ враговъ, ежеминутно подвергаясь опасности потерять жизнь или свободу; только во-время подоспѣвшая помощь спасла его[182].

Между тѣмъ страдіоты, которымъ поруче-

но было завладѣть французскимъ багажемъ, съ успѣхомъ выполнили свое дѣло. Перебивъ находившуюся при багажѣ малочисленную прислугу, они предались грабежу, и нагрузившись всѣмъ, что было поцѣннѣе, съ торжествомъ возвращались въ свой лагерь. Это обстоятельство было роковымъ для Итальянцевъ. Кавалерійскіе полки, посланные Гонзаго атаковать флангъ французской арміи, видя какъ страдіоты, обремененные богатой добычей, переправлялись обратно черезъ Таро, почувствовали жажду грабежа, и забывъ свое назначеніе, бросились на багажъ. Скоро ихъ примѣромъ увлеклись войска, вступившія уже въ дѣло. Итальянскіе отряды одинъ за другимъ оставляли поле битвы и бѣжали принять участіе въ грабежѣ. Видя это, Французы ободрились и отважно ударили на союзниковъ. Черезъ нѣсколько минутъ, смятые однимъ натискомъ Итальянцы въ безпорядкѣ отступили за рѣку. Французы съ яростью преслѣдовали ихъ, не давая никому пощады. Напрасно Гонзаго силился остановить бѣгущихъ, или по крайней мѣрѣ сохранить порядокъ въ отступленіи: объятые паниче-

скимъ страхомъ, Итальянцы бѣжали безъ оглядки[183].

Между тѣмъ маршалъ Жіе, предводительствуя авангардомъ, такъ стремительно напалъ на шедшаго противъ него графа Гаяццо, что Итальянцы не выдержали натиска и обратились въ беспорядочное бѣгство. Преслѣдуемые по пятамъ непріателемъ, они отступили, за рѣку Таро и соединились съ бѣжавшею туда же арміею Гонзаго. Союзнымъ генераламъ удалось привести ихъ въ нѣкоторый порядокъ и ввести въ лагерь; но возобновить битвы они не рѣшились, Французы намѣревались сна-чала преслѣдовать Итальявцевъ за рѣкой, но крайнее утомленіе, какое чувствовали они послѣ этой жаркой битвы, заставило ихъ отмѣнить намѣреніе. Карль VIII отвелъ свои войска за милю отъ поля битвы и расположился лагеремъ, чтобы послѣ небольшого отдыха продолжать свой путь во Францію[184].

Если вѣрить свидѣтельству современниковъ, потеря со стороны Французовъ была самая незначительная, и не простиралась далѣе 200 челов. Что касается до Итальянцевъ, то

они потеряли въ этой несчастной битвѣ, продолжавшейся не болѣе часу, до трехъ съ половиною тысячъ. Такая огромная разница въ числѣ убитыхъ съ обѣихъ сторонъ, достаточно показываетъ, какъ далеко превосходили Французы Итальянцевъ въ военномъ искусствѣ, особенно если принять въ соображеніе, что артиллерія, составлявшая главную силу Французскаго войска, на этотъ разъ почти не участвовала въ дѣлѣ[185].

Битва при Форново была послѣднимъ замѣчательнымъ дѣломъ Карла VIII въ Италіи. Преслѣдуемый по пятамъ непріателемъ и дорогою цѣною покупая перемиріе, среди постоянныхъ трудностей и неудачъ, онъ прошелъ Ломбардію и Піемонтъ. и въ октябрѣ 1495 года возвратился во Францію. Только четвертая часть его войска[186] увидала опять свое отечество.

* * *

Мы изложили въ общихъ чертахъ исторію итальянскаго похода Карла VIII, составляющаго прологъ Французско-итальянскихъ войнъ, одного изъ важнѣйшихъ явленій переходнаго времени. Мы обозрѣли передъ тѣмъ

внутреннее состояніе Франціи, возрожденной реформою Людовика XI, и представили очеркъ великаго гуманистическаго движенія, охватившаго Италію въ концѣ XIV вѣка и долженствовавшаго скоро проникнуть отсюда до крайнихъ предѣловъ европейскаго міра. Мы сопоставили, такимъ образомъ, бытъ страны, едва начинавшей выступать изъ тѣсныхъ рамокъ средневѣковой жизни, съ бытомъ Италіи, которая вся, всѣми сторонами своего существованія, принадлежала новому времени, вѣку возрожденія. Понятно, что столкновеніе двухъ народностей, стоявшихъ на столь различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, не могло остаться безъ сильнаго вліянія на ту изъ нихъ, которая стояла назади по своему духовному развитію. Французы прошли съ Карломъ VIII вдоль всю Италію; ихъ наблюденію представилась обширная страна, охваченная сильнымъ умственно-художественнымъ движеніемъ, которое въ то время успѣло уже выступить изъ области чистыхъ идей и начинало вліять на жизнь и всачиваться во всѣ поры народнаго организма. Въ концѣ XV вѣка, наука и искусство

возрожденія существовали уже не въ формѣ юношескихъ, мало-сознанныхъ стремленій, не въ формѣ туманнаго чаянія античныхъ идеаловъ, какъ это было во время Данте и Петрарки, а въ формѣ положительнаго знанія и свободнаго творчества. Ученые XV вѣка изъ сферы гаданій и предчувствій перешли къ сознательной научной дѣятельности. Одни, какъ Помпоннацій, предались чистому отрицанію; другіе, какъ Пико де Мирандоль, изучивши все, стремились создать изъ этого богатаго матеріала нѣчто органически стройное. Искусство временъ возрожденія, хотя и не достигшее еще полной зрѣлости, успѣло уже выяснить свой идеаль и свои задачи. Древность была не только угадана и открыта, но и утилизирована современной жизнью. Ея духъ, ея смыслъ, ея геній были постигнуты художниками XV вѣка и воплощены въ ихъ великихъ произведеніяхъ. Взорамъ варваровъ, наводнившихъ въ 1494 году Италію, возрожденіе предстало во всеоружіи. Оно обнажило передъ ними богатство и глубину своихъ идей, и обольстительную прелесть формъ, въ которыя онѣ воплощались. Товари-

щи Карла VIII съ неподдѣльнымъ восторгомъ описываютъ роскошь и великолѣпіе итальянскихъ домовъ, въ особенности ихъ загородныхъ виллъ[187]. Ихъ не-избалованный глазъ, привыкшій къ суровой просторе среднихъ вѣковъ, былъ пораженъ пышной, изнѣженной обстановкой итальянской жизни. Вотъ какъ описываетъ Мишле итальянскую виллу времянь возрожденія:

"Эти виллы были восхитительны по смѣси искусства съ природой, по своему сельско-хозяйственному характеру, который любятъ Итальянцы. Наши замки, чисто военные, въ своей феодальной спѣси, казалось, презирали, удаляли отъ себя поле и земледѣльческій трудъ, держались подальше отъ земли рабовъ. Благородно-скучные, они, для прогулки своей пленной владѣтельницы, представляли только надобѣдающую террасу, безъ вида, безъ тѣни, гдѣ росла кое-какая желтая, печальная трава. Напротивъ того, виллы итальянскія, на-стоящіе музеи и далеко превосходившія эти замки относительно искусства, были украшены садоводствомъ и свободно раскидывались вокругъ парками и разнообразною

культурою. Охраняемая при входѣ нѣмымъ народомъ изъ альбаstra и порфира, окруженная портиками съ миленькими окнами, эти очаровательныя жилища скрывали внутри не только ослѣпительную роскошь тканей, прекрасныхъ шелковъ, венеціанскихъ разно-цвѣтныхъ хрусталей, но и всякихъ изящныхъ предметовъ удовольствія и пользы, въ которыхъ было предусмотрено все: здѣсь были разные погреба, изысканныя кухни, аптеки, глубокія пуховыя постели, даже фландрскіе ковры, на которые, при пробужденіи, могла опуститься маленькая голая ножка, защищенная ими отъ холоднаго мрамора".

"Здѣсь были воздушныя террасы, висячіе сады и самые разнообразныя виды. Какъ разъ возлѣ идиллія сельскаго хозяйства: олень и корова, подходящіе вечеромъ безбоязненно къ брызжущимъ водамъ мраморныхъ фонтановъ; вдали — на валѣ пасущіяся стада, сѣнокосъ или сборъ винограда, виргиліевская жизнь мирныхъ трудовъ. И все это было окаймлено, въ спокойной дали, мраморными апенинами, или альпами, покрыты-ми

вѣчнымъ снѣгомъ".

"Зима ничего не отнимаетъ у этихъ пейзажей. Даже запущенность и руины придаютъ имъ новую прелесть. Въ садахъ, гдѣ прекращается культура, въ большихъ виноградникахъ, оставленныхъ на свободѣ, сильныя растенія какъ будто радуются отсутствію человѣка. Они становятся хозяевами жилища, овладѣваютъ колоннадами, цѣпляются за мраморныя обломки и ласкаютъ одинокія статуи. Все это очень дико и вмѣстѣ очень пріятно, исполнено сладостно-суроваго характера, *soave auslero*;— все это не возбуждаетъ недовѣрія, но слишкомъ могущественно дѣйствуетъ на душу, усыпляя ее, убаюкивая любовью и пустыми грезами"[188].

Понятно само собою, что вліяніе итальянской культуры на французскую, слѣды котораго, какъ мы убѣдимся, очевидны, не было результатомъ одного по-хода Карла VIII: оно было слѣдствіемъ цѣлаго ряда французско-итальянскихъ войнъ, приведшаго Италію въ продолжительное столкновеніе не только съ Франціей, но съ выходцами почти всей Европы. Излагая походъ Карла VIII, мы имѣли

въ виду представить очеркъ внутренняго состоянія Италіи конца XV вѣка в общую характеристику французско-итальянскихъ войнъ, главныя черты которыхъ остаются почти неизмѣнными при Людовикѣ XII и Францискѣ I; излагать же исторію всѣхъ итальянскихъ войнъ этого періода мы не видимъ надобности, и не находимъ даже возможности, по недостатку собраннаго нами матеріала. Въ заключеніе нашего труда, мы обозначимъ только въ главныхъ признакахъ вліяніе, оказанное итальянскими войнами на внутреннее перерожденіе Франціи. Начнемъ съ искусствъ, такъ какъ въ этой области воздѣйствіе итальянской культуры оказывается наиболѣе осязательнымъ и плодотворнымъ.

Въ половинѣ XV вѣка, готическія формы средневѣковаго искусства повсюду, и особливо во Франціи, приходятъ въ упадокъ. Аксессуары, орнаменты поглощаютъ все вниманіе художниковъ и заставляютъ ихъ забыть основную идею стиля. "Въ первый періодъ искусства, говоритъ одинъ французскій писатель, главное преобладаетъ надъ побочнымъ;

орнаментовъ мало, и эта умѣренность сообщаетъ произведенію выраженіе величественной или меланхолической важности. Въ періодъ упадка, побочное преобладаетъ надъ главнымъ. Наклонность къ преувеличенію повреждаетъ существенныя формы стиля, декорація поглощаетъ, скрываетъ ихъ. Роскошь и кокетливость заступаютъ мѣсто болѣе высокихъ достоинствъ. Таковъ былъ ходъ готическаго искусства"[189]. Этотъ обезображенный стиль XIV вѣка, утратившій грандіозную величавость среднихъ вѣковъ, не могъ бороться съ итальянскимъ вліяніемъ. Античные идеалы, возродившіеся въ итальянскомъ искусствѣ, въ XV вѣкѣ начинаютъ проникать во Францію. При дворѣ, очарованномъ великолѣпіемъ итальянскихъ государей, пробуждается страсть къ постройкамъ, къ роскошной обстановкѣ, украшенной произведеніями живописи и ваянія. Комминъ съ увлеченіемъ рассказываетъ о великолѣпномъ зданіи, постройку котораго предпринялъ Карль VIII по возвращеніи изъ Италіи. Такого зданія, говоритъ лѣтописецъ, не строили уже лѣтъ сто, въ немъ должно бы-

ло совмѣститься все, что король видѣлъ прекраснаго въ чужихъ краяхъ. Для украшенія этого чуда архитектуры были призваны лучшіе художники изъ Неаполя, живописцы, ваятели, декораторы; король рѣшился не щадить никакихъ издержекъ[190]. Впрочемъ, не смотря на непосредственное вліяніе итальянскаго возрожденія, готическій стиль во Франціи, какъ и вездѣ, не сразу уступилъ новымъ формамъ. Постройки Карла VIII и Людовика XII принадлежатъ къ смѣшанному стилю, въ которомъ прямолинейный, готическій остовъ зданій украшался античными аксессуарами и орнаментами[191]. Только со временъ Франциска I, итальянскій стиль получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ національнымъ, особливо въ королевскихъ и частныхъ постройкахъ. Пьеръ Леско, Жанъ Бюльянъ и Филибертъ Делормъ, лучшіе французскіе зодчіе XVI вѣка, своими великолѣпными созданіями утвердили чисто-итальянскій стиль во Франціи. Первый построилъ западный фасадъ Лувра; второй выполнилъ великолѣпный Экуэнскій замокъ коннетабля Монморанси, замокъ, въ которо-

мъ не было уже ничего средневѣковаго. Этотъ домъ, этотъ великолѣпный палаццо былъ устроенъ для свиданій принцевъ королевской фамиліи съ придворными Фаворитками; тамъ, между прочимъ, Діана де Пуатье овладѣла сердцемъ Генриха II. Архитектура замка, расположеніе комнатъ и убранство ихъ совершенно соотвѣтствовали такому назначенію. Все здѣсь дышало сладострастіемъ и чувственностью, все было направлено къ возбужденію похоти. Краска выступала на лицѣ беззастѣнливаго Рабле, когда онъ разсматривалъ картины, украшавшія; этотъ роскошный дворецъ Монморанси[192]. Въ томъ же направленіи выполнялъ свои постройки Делормъ, замѣчательнѣйшее произведеніе котораго — Анэ, замокъ Діаны де Пуатье. Нельзя не упомянуть также о королевскомъ замкѣ Шамборъ, постройку котораго Францискъ предпринялъ скоро по возвращеніи изъ мадридскаго плѣна. Замокъ этотъ, сооруженіе котораго относится къ болѣе раннему времени, представляетъ, вмѣстѣ съ церковью св. Евстахія въ Парижѣ, совершеннѣйшій образе-

ць того смѣшаннаго антично-готическаго
стиля, который характеризуетъ Француз-
ское зодчество начала XVI вѣка. Высокая
средневѣковая крыша, окруженная
великолѣпной группой башенъ, надъ которы-
ми господствуетъ одна центральная, коло-
кольни и трубы въ видѣ восточныхъ минаре-
товъ – это гармоническое сочетаніе герман-
скихъ и арабскихъ формъ придаетъ наружно-
му виду замка средневѣковый характеръ. Но
его готическій остовъ всюду италянизиро-
ванъ. Античные орнаменты смягчаютъ суро-
вость средневѣковаго контура. Всюду пестрое,
причудливое, разнообразное смѣшеніе.
Расположеніе комнатъ, внутренняя
конструкція зданія совершенно новая. Шам-
боръ внутри не похожъ ни на Феодальный за-
мокъ, ни на итальянскій палаццо. Въ немъ
нѣтъ тѣсноты, грубости, воинственной обста-
новки; по нѣтъ также длинныхъ необитаемы-
хъ залъ съ амфиладами, нѣтъ безконечныхъ
колоннадъ, отличающихъ итальянскія по-
стройки. Это огромный монастырь съ длин-
ными рядами келій, лѣстницъ и переходовъ.
Удобство жизни, причудливыя условія ком-

форта здѣсь на первомъ планѣ. На всемъ замѣтны слѣды личнаго характера короля. Комнаты расположены такимъ образомъ, какъ это казалось удобнѣе Франциску. Они не соединены одна съ другою, онѣ независимы. каждая представляетъ отдѣльное помѣщеніе. Все приспособлено такимъ образомъ, чтобы можно было жить и ходить въ этомъ замкѣ среди многочисленнаго и населенія и, въ случаѣ нужды, не быть никѣмъ видимымъ. Всюду сказываются временныя потребности короля, который любилъ жить среди шумнаго общества, и въ то же время былъ влюбленъ, слѣдовательно нуждался въ уединеніи[193]. «Королю, говоритъ Мишле, нуженъ былъ замокъ – не укрѣпленный замокъ старыхъ временъ, сжатый и сдавленный какъ солдатъ въ своихъ латахъ; не мрачная и негостеприимная башня, откуда владѣтельница, по своей прихоти, изгоняетъ дамъ, общество, всякую прелесть жизни. Нѣтъ, нуженъ былъ не столько замокъ, сколько большой монастырь, который, при своихъ башняхъ и Феодальной наружности, скрывалъ бы и вмѣщалъ въ себѣ множество ком-

натъ, прелестные кабинеты, таинственные кельи. Такова идея шамборскаго Замка»[194]. "Планъ этого блистательнаго сооруженія, продолжаетъ Мишле, былъ сдѣланъ однимъ умнымъ архитекторомъ въ Блуа, который былъ вдохновленъ геніемъ дворовъ и, можетъ быть, руководился указаніями господина, царственнаго аббата будущаго монастыря. Никакія издержки не казались великими для дѣла столь полезнаго и необходимаго. Среди общественныхъ бѣдствій, среди крайнихъ финансовыхъ затрудненій, надъ этимъ замкомъ работали 1800 человекъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Фаворитки этого царствованія, южная брюнетка и сѣверная блондинка, мадамъ де Шатобріанъ и мадамъ д'Этампъ – торжественно фигурируютъ тамъ въ видѣ каріатидъ Вензель Франциска I красуется вездѣ съ начальною буквою имени Діаны, Д. поставленною неизвѣстно кѣмъ – отцомъ или сыномъ.

"Это назидательное убѣжище занимало всѣ мысли короля. Онъ безпрестанно приѣзжалъ изъ Тура, изъ Блуа, смотрѣть на воздвигаемое зданіе. Дѣла Европы отошли да-

леко на задній планъ. Изъ Блуа, гдѣ находилось казначейство, деньги, естественнымъ образомъ, шли прямо въ Шамборъ, на постройки, на издержки двора. Иногда нѣкоторая часть ихъ употребляема была на дѣла, на итальянскую войну, но въ маломъ количествѣ, неохотно и всегда слишкомъ поздно"[195]. Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ, вмѣстѣ съ итальянизацией готическаго стиля, мы видимъ во французскомъ зодчествѣ новое направленіе, стремившееся создать удобства жизни, комфортъ, изящную и покойную обстановку. Жилище, сдѣлавшееся болѣе безопаснымъ отъ вторженія грубой силы, получило новое значеніе для домохозяина. Въ немъ искали уже не одного убѣжища отъ хищнаго врага – оно стало пріютомъ спокойной семейной жизни.

Царствованіе Франциска I совпадаетъ съ самымъ блистательнымъ періодомъ французскаго возрожденія. Не одна архитектура встрѣчала покровительство короля-художника. Живопись и ваяніе нашли пріютъ въ его роскошныхъ дворцахъ. Онъ былъ влюбленъ въ Италію, которая стоила ему столькихъ ра-

достей и столькихъ огорченій; онъ захотѣлъ перенести ее къ себѣ, въ свой Шамборъ, въ свое Фонтенбло. "Усталый отъ войнъ, разочарованный въ своихъ мечтахъ объ Италиі, король, говоритъ Мишле, создалъ для себя Италию Французскую. Онъ устроилъ галереи, роскошныя гульбища, удобныя и открытыя, ломбардскія виллы, которыхъ ему не суждено увидѣть опять"[196]. Онъ призвалъ къ себѣ итальянскихъ художниковъ, осыпалъ ихъ милостями королевская казна была открыта для Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Россо, Андреа дель Сарто. И они пользовались ею не даромъ: они перенесли Италию во Францію. «Леда» Микель Анджело, единственная масляная картина этого великаго художника, въ которой нѣга, сладострастіе и горделивая скромность были чудно сгармонированы, украсила Фонтенбло Франциска I и осталась тамъ, пока въ XVII вѣкѣ, одна лицемѣрная Фаворитка не приказала ее уничтожить. «Разграбленіе Рима въ 1527 г., паденіе Флоренціи въ 1532 – (слова Мишле) были въ нѣкоторомъ смыслѣ эпою разсѣянiя итальянцевъ по землѣ. Централизація была

уничтожена. Итальянскія искусства разбре-
лись на всѣ четыре стороны. Джуліо Романо
отправился въ Мантую, построилъ тамъ вил-
лу съ дворцомъ, съ живописью рухнувшего
міра, съ изображеніемъ борьбы гигантовъ
противъ боговъ. Другіе художники удалились
въ глубину сѣвера, и вдохновясь его варвар-
скимъ геніемъ, построили Кремль для госу-
дарства Ивана Грознаго. Нѣкоторые явились
во Францію, и здѣсь, въ матеріалѣ самомъ
непокорномъ, въ песчаникѣ Фонтенбло, они
находятъ неожиданные эффекты, страннымъ
образомъ соотвѣтствовавшіе таинственному
характеру пейзажа, темной и мрачной за-
гадкѣ политики королей. Отсюда – эти
Меркуріи, эти страшныя хари „Овального
двора“, отсюда эти изумительныя Атланты,
которые стерегутъ купальни на дворѣ „Бѣлой
лошади“, люди-утесы, которые въ теченіе 300
лѣтъ все еще ищутъ для себя формы и души,
свидѣтельствуя по крайней мѣрѣ, что въ
камень есть грѣза бытія и стремленіе осуще-
ствить ее»[197]. Фонтенбло, наводненный
итальянскими художниками, преобразился
въ какой то заколдованный, волшебный

мірокъ, наполненный чудесами искусства, Россо создалъ тамъ свою Фантастическую галерею, этотъ странный художническій фарсъ, причудливый, капризный, какъ король, для котораго онъ былъ сыгранъ. Здѣсь все набросано, накидано, здѣсь ничего нельзя разобрать. Идиллія и сатира, трагедія и комедія, антики и жанръ – все сгруппировано здѣсь въ какомъ то фантастическомъ хаосѣ. Жрецы, весталки, герои, атлеты, нимфы, французскія дѣвушки съ рѣзкимъ національнымъ типомъ, дѣти, животныя – всѣ эти разнохарактерныя Фигуры тѣснятъ на стѣнахъ, поражая своимъ разнообразіемъ и причудливой группировкой. Старый и новый свѣтъ глядятъ здѣсь со стѣнъ другъ на друга. Здѣсь есть странныя, невиданныя животныя, только что вывезенныя изъ Америки и Индіи. Здѣсь есть индюшка, необычайная птица, о которой до тѣхъ поръ не имѣли понятія въ Европѣ здѣсь есть слонъ, красующійся въ великолѣпномъ нарядѣ султанши все возбуждаетъ любопытство и удивленіе Франциска[198]. Плодотворный духъ, повѣявшій во Францію изъ Италіи, пробудилъ въ народѣ художественную твор-

ческую силу. Рядомъ съ именами великихъ Итальянцевъ, въ эпоху Франциска I мы встрѣчаемъ уже, въ списокѣ художниковъ, два-три французскія имена. Въ Фонтенблоскомъ дворцѣ есть небольшая комната, бывшая любимымъ мѣсто пребываніемъ Франциска. Эту комнату отдѣлывалъ Жанъ Гужонъ, молодой Французъ, самородокъ. Архитектура и убранство ея принадлежатъ къ тому же направленію, какъ и галерея Россо, но въ ней нѣтъ такого разнообразія, такой тѣсноты и давки изображеній. Она также въ фантастическомъ родѣ, но въ ней дано больше мѣста простотѣ и гармоніи. Все убранство ея заключается въ каріатидахъ, причудливыхъ, стройныхъ, граціозныхъ каріатидахъ, составленныхъ изъ группъ высокихъ нимфъ, необыкновенно легкихъ и миловидныхъ [199].

Таково было быстрое развитіе пластическихъ искусствъ во Франціи, результатъ близкаго знакомства съ Италіей. Что касается до литературы, то и въ этой области обнаружилась не менѣе существенная реформа. Французскій языкъ, неуклюжій, тяжелый, темный въ мемуарахъ Коммина, въ

произведеніяхъ Рабле является до того гибкимъ и правильнымъ, что канцлеръ Пойе нашель возможнымъ ввести его въ судопроизводство, гдѣ до того времени царила средневѣковая латынь[200]. Вотъ какъ опредѣляетъ Мишле значеніе услуги, оказанной Рабле Французскому языку: «Христофоръ Колумбъ открыль новый свѣтъ, имѣя пятьдесятъ лѣтъ отроду, Рабле былъ почти въ тѣхъ же лѣтахъ, когда открыль свой новый свѣтъ. Новизна содержанія высказалась въ новизнѣ Формы. Французскій языкъ явился въ величіи, котораго онъ не имѣлъ ни прежде, ни послѣ того. Совершенно справедливо говорятъ, что Рабле оказалъ французскому языку такую же услугу, какъ Дантъ итальянскому. Онъ употребилъ въ дѣло и сплавилъ вмѣстѣ всѣ нарѣчія, элементы всѣхъ временъ и всѣхъ провинцій, которые представляли ему средніе вѣка, прибавивъ еще множество техническихъ терминовъ, взятыхъ изъ области наукъ и искусствъ. Другой не сѣумѣлъ бы справиться съ такимъ безконечнымъ разнообразіемъ, но Рабле сгармонироваль все. Знаніе языковъ, какъ древнихъ (въ осо-

бенности греческаго), такъ и новѣйшихъ, помогло ему совладѣть съ языкомъ французскимъ, охвативъ его во всей его цѣлости»[201]. Что касается до содержанія произведеній Рабле, то здѣсь также всюду сказывается идея возрожденія – близость къ природѣ, возвращеніе къ естественному быту. Но это естественное состояніе, по понятіямъ Рабле, очень далеко отъ первобытной дикости, воспѣтой Ж. Ж. Руссо. Рабле до того возвышаетъ науку, что дѣлаетъ ее, въ лицѣ Гаргантюа, героемъ эпопеи. Онъ воспѣваетъ новый міръ – міръ открытій, міръ возрожденія, обломки средневѣковаго быта преданы имъ поруганію. Новое прославлено, старое оскорблено, унижено. Лирической гимнъ и сатира идутъ у него рука объ руку. Это пѣснь возрожденія, эпопея переходнаго времени, гражданскій эпосъ.

Изъ всего, что мы нашли возможнымъ сказать о развитіи изящныхъ искусствъ во Франціи, перенесенныхъ сюда съ итальянской почвы, очевидно, что это развитіе, какъ слѣдствіе королевской инициативы, тотчасъ приняло придворный характеръ и должно

было привести къ результатамъ, благопріятнымъ усиленію королевской власти. Мы видѣли, что всѣ замѣчательнѣйшія произведенія архитектуры, скульптуры и живописи, украсившія Францію XVI вѣка, были созданы по волѣ и при личномъ участіи королей. Шамборъ, Фонтенебло, галерея Россо, каріатиды Гужона, замки Діаны де Пуатье и Монморанси, все это было предназначено для того, чтобы окружить болѣе пышной обстановкой короля и его дворъ, и придать, такимъ образомъ, новый блескъ и новый авторитетъ монархическому началу. Пока въ народѣ не возникаетъ протестъ противъ всепоглощающей роскоши двора, до тѣхъ поръ эта роскошь, ото великолѣпіе, служатъ для государей источникомъ силы и вліянія. 1789-й годъ далеко отстоялъ еще отъ Франціи XVI вѣка. Въ эту эпоху, пышная придворная обстановка, итальянскій этикетъ, итальянскіе дворцы возбуждали въ массахъ только чувство благоговѣнія и восторга. Народъ боялся Франциска I и уважалъ его, не смотря на то, что этотъ король очень мало заботился о благѣ подданныхъ, и что его частная жизнь была

соблазномъ для всей Европы. Массы были ослѣплены подавляющимъ великолѣпиемъ его двора. Никогда король, съ своими приближенными, не стоялъ такъ высоко надъ прочими. Все, что было въ государствѣ великолѣпнаго, изящнаго, умнаго, стремилось во дворець. Не только образовательныя искусства, даже поэзія и литература приняли придворный характеръ. У каждаго изъ послѣднихъ Валуа, былъ свой поэтъ: у Франциска I Маро; у Генриха II Сень-Желе; у Карла IX Ронсаръ; у Генриха III Депортъ. "Ничто не могло сравниться съ блескомъ и шумомъ этого двора (говоритъ Мянъе), введенными Францискомъ I, который привлекъ къ нему цвѣтъ французской аристократіи, воспитывая здѣсь молодыхъ дворянъ изъ всѣхъ провинцій, въ качествѣ пажей[202], и украсивъ его почти двумястами дамъ и дѣвицъ, принадлежавшимъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства." Вся эта толпа придворныхъ безпрестанно переселялась то на берега Сены въ роскошные дворцы Фонтенбло и Сень-Жермена, частью выстроенные вновь, частію передѣланные Францискомъ I; то въ увели-

ченныя имѣ замки Блуа и Амбуаза на берега Луары, гдѣ проводили время предки его. Подражая отцовскому примѣру, Генрихъ II удержалъ то же великолѣпіе и при своемъ дворѣ, которымъ съ дѣятельностью и увлеченіемъ руководила ловкая итальянка Катерина Медичи. Она привыкла къ этому при Францискѣ I. принявшемъ ее въ «маленькій отрядъ своихъ дамъ фаворитокъ», съ которыми онъ ѣздилъ охотиться за оленями и нерѣдко проводилъ время одинъ въ своихъ увеселительныхъ домахъ. Но по большей части мужчины смѣшивались съ обществомъ дамъ почти непрерывно. Королева и ея дамы присутствовали на всѣхъ играхъ и увеселеніяхъ Генриха II и его придворныхъ, сопровождали его на охоту; король также съ своей свитой приводилъ по нѣскольку часовъ утромъ и цѣлые вечера на половинѣ Катерины Медичи. «Тамъ, говоритъ Брантомъ, всегда находилась толпа земныхъ богинь, одна прекраснѣе другой: каждый вельможа, каждый придворный говорилъ съ тою, которая ему нравилась больше всѣхъ, между тѣмъ какъ король съ своими приближенными бесѣдовалъ съ королевою,

или занималъ разговоромъ свою сестру, королеву дофину (Марію Стюартъ) и другихъ принцессъ». Имѣя официальныхъ фаворитокъ, короли хотѣли, чтобъ и подданные тоже имѣли ихъ. «И тѣхъ, кто этого не дѣлалъ, говоритъ Брантомъ, считали фатами и глупцами». Францискъ I взялъ себѣ въ фаворитки сначала графиню Шатобріанъ, а потомъ герцогиню д'Этампъ; Генрихъ II былъ также рыцарски-страстнымъ поклонникомъ жены великаго сенешаля Нормандіи, Діаны де Пуатье. Но кромѣ этихъ извѣстныхъ всѣмъ фаворитокъ, были и другія. Францискъ I, прославившійся своею безнравственностью, отличался тѣмъ, что самъ любилъ просвѣщать дамъ, поступавшихъ къ его двору. Его товарищемъ въ этихъ подвигахъ вольнодумства и разврата былъ дядя Маріи Стюартъ, богатый и разгульный кардиналъ Лотарингскій[203]. Таковъ былъ дворъ, изъ жизни котораго Брантомъ заимствовалъ большую часть безнравственныхъ примѣровъ, приведенныхъ имъ въ своихъ «Свѣтскихъ женщинахъ». Объ испорченности этого двора можно судить даже изъ

стихотворенія, которое духовникъ Генриха II, поэтъ Меленъ де Сень-Желе, посвятилъ одной изъ красавицъ двора:

*Si da parli de celle voulez etre,
Par qui Venus de la cour est bannie,
Moi, de son fils ambassadeur et pere,
Savoir vous fais, qu'il vous
excommunie.
Mais si voulez a leur foy etre unio,
Meltre vous faut le coeur en leur
puissance,
Pour repondant a velre obeissance.
Car on leur dit qu'en vous, mes
demoiselles,
Sans gage sur y a peu ile fiance,
Et que d'amour n'avez ren que les
ailes"[204].*

(Т. е. если вы хотите принадлежать къ той партіи, которая изгнала придворную Венеру, то я, посланникъ и жрецъ ея сына, объявляю вамъ, что вы отлучены имъ. Но если вы хотите быть съ ними за одно, то вы должны предать свое сердце въ ихъ власть, порукою вашего повиновенія. Потому что, говорятъ, на васъ, мои дѣвушки, безъ вѣрнаго залога положиться нельзя, и что отъ Амура вы не имѣете

ничего, кромѣ крыльевъ).

Здѣсь мы встрѣчаемся съ другимъ явленіемъ, также точно бывшимъ результатомъ французско-итальянскихъ войнъ и оказавшимъ гибельное вліяніе на ходъ Французской цивилизаціи. Мы нѣсколько разъ имѣли уже случай говорить о глубокой испорченности нравовъ въ Италіи, которая, будучи отчасти слѣдствіемъ знакомства съ языческою древностью, поддерживаемая сангвиническимъ темпераментомъ народа и продолжительной анархіей въ политической и общественной средѣ, шла здѣсь рука объ руку съ побѣдоноснымъ движеніемъ разума. Мы видѣли пышность и великолѣпіе итальянскихъ дворовъ, прообразъ "просвѣщеннаго деспотизма" XVIII вѣка, видѣли рѣзкіе примѣры безнравственности, позорившіе всѣ классы итальянскаго общества; понятно само собою, что эти соблазнительные примѣры не могли остаться безъ вліянія на Французовъ въ ихъ долговременномъ пребываніи въ Италіи. Французы, во главѣ которыхъ, при первомъ столкновеніи съ Итальянцами, стоялъ легкомысленный и развратный Карль VIII,

увлеклись заразительнымъ примѣромъ своихъ враговъ: они предались сладострастью съ необузданностью, изумлявшею самихъ Итальянцевъ. "Примѣръ государя говоритъ Роско, совратилъ всѣхъ его придворныхъ. Развратъ дошелъ до неистовства. Никто не слушалъ голоса религіи и нравственности; и рука провидѣнія, почти видимо для всѣхъ, наказала эту необузданность постыдной и жестокой болѣзью. Итальянцы и Французы взаимно обвиняли другъ друга въ распространеніи этой заразы, и названія язвы – неаполитанская и французская, хорошо показываютъ, какъ обѣ націи старались навязать одна другой позоръ происхожденія болѣзни. Можно думать, что изъ всѣхъ по-слѣдствій похода Карла, VIII, это будетъ памятно долѣе всѣхъ[206]. Тѣ же явленія необузданнаго разврата сопровождали походы Людовика XII и Франциска I. Послѣдній не уступалъ Карлу VIII въ испорченности нравовъ. Мы упоминали уже о его интригахъ съ Діаною де Пуатье и графинею Шатобріанъ; Діана перешла по наслѣдству къ его сыну, Генриху II. Эти Фаворитки создали при французскомъ дворѣ новую, очень важ-

ную роль – официальных королевских метресъ, поглотивших значительную часть государственных доходов и не-рѣдко управлявших судьбою страны.

Переходя къ реформамъ въ политической и соціальной средѣ, бывшимъ болѣе или менѣе непосредственнымъ слѣдствіемъ француско-итальянскихъ войнъ, мы должны указать прежде всего на то, какъ эти войны нарушили національную изолированность, составлявшую одно изъ характеристическихъ отличій средневѣковаго государственнаго быта. Въ средніе вѣка, международныя сношенія, мирныя и враждебныя, на каждомъ шагу встрѣчали препятствія: имъ полагали преграду в естественные предѣлы страны, и разрозненность династическихъ интересовъ, и слабость центральной власти, которой были не по силамъ обширныя и отдаленныя предпріятія и скудость географическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Внѣшнія средневѣковыя войны носили или религіозный, или юридическій характеръ. Мотивомъ ихъ были или ненависть къ врагамъ вѣры, потребность защитить и просла-

вить свою религіозную святыню, или тяжба вслѣдствіе нарушенія феодальныхъ отношеній. Крестовые походы, борьба съ Маврами въ Испаніи, военныя предпріятія противъ еретиковъ, запечатлѣны религіознымъ характеромъ; война между составными частями франкской и германской имперіи имѣють характеръ тяжебный, какъ борьба за династическіе или сузеренные интересы. Единственная международная война средневѣковаго періода – стотридцатилѣтняя война Франціи съ Англіей также имѣеть свой источникъ въ феодальномъ нравѣ: это распря сузерена съ своимъ вассаломъ, случайно достигшемъ независимаго положенія. Французско-итальянскія войны были мотивированы совершенно иначе. Они были слѣдствіемъ завоевательной политики французскихъ королей, которые, обезсиливъ феодальную стихію, нашли въ своей обновленной власти средство для обширныхъ внѣшнихъ предпріятій. Здѣсь политика расширяеть свой кругозоръ, переступаеть предѣлы страны и входитъ въ область общеевропейской системы: государствъ. Положеніе сосѣднихъ, и даже отдален-

ныхъ державъ входитъ въ соображеніе правительствъ. Въ борьбѣ принимаютъ участіе, кромѣ нѣсколькихъ итальянскихъ государствъ, Франція, Англія, Испанія, Германія, Швейцарія. Всѣ смотрятъ другъ на друга, слѣдятъ другъ за другомъ, и сознаютъ солидарность, связывающую ихъ въ одну систему. Эпоха крестовыхъ походовъ, междуособныхъ войнъ и династическихъ споровъ кончается; настаетъ эпоха общеевропейской политики, великихъ международныхъ войнъ и союзовъ. Дипломація, это дитя новаго времени, вступаетъ въ свои права на ряду съ мечемъ и пушкой.

Къ сожалѣнію, характеръ этой дипломаціи съ самаго начала парализируетъ ея силы и лишаетъ ее возможности принести всю ту пользу, которой человечество вправѣ было ожидать отъ нея. Макіавеллизмъ, растлившій политическую нравственность Итальянцевъ, простеръ свое пагубное вліяніе и за Альпы. Иностранная политика дворовъ, принимавшихъ участіе въ французско-итальянскихъ войнахъ, запечатлѣна отсутствіемъ прямоты и честности. Это цѣлая сѣть интригъ, уверто-

къ и уловокъ. Не говоря уже о томъ, что общее благо всюду приносится здѣсь въ жертву частнымъ интересамъ государства, въ дипломатическихъ сношеніяхъ европейскихъ дворовъ XVI вѣка мы безпрерывно встрѣчаемъ нарушеніе клятвъ и договоровъ, произвольное, казуистическое толкованіе обязательствъ, стремленіе провести, обмануть, перехитрить противника. "Старались, говорить Кортюмъ, то усиливать, то ослаблять другъ друга лигами и контръ-лигами, въ исполненіи обѣщаній и обязательствъ не знали ни нравственной гордости, ни твердой воли; собственная польза и выгода значили гораздо болѣе, чѣмъ добросовѣстность. Съ двусмысленностями и увертками толковали трактаты, или отдѣльные пункты ихъ, старались отгадать намѣренія противниковъ, и затѣмъ перехитрить ихъ. Кто съ особенною тонкостью и счастіемъ дѣлалъ это, тотъ пріобрѣталъ цѣну опытнаго и искуснаго государственнаго человека"[207].

Что касается собственно Франціи, то въ государственномъ быту ея вліяніе итальянскихъ войнъ, или, лучше сказать, итальян-

скаго возрожденія, со многихъ сторонъ отразилось благодѣтельно. Мы говорили уже о возвышеніи королевскаго авторитета, которое, усиливъ центральную власть, дало ей возможность съ большей энергіей и большими успѣхомъ трудиться надъ водвореніемъ порядка въ государствѣ. Еще о Карлѣ VIII говоритъ Комминъ, что по возвращеніи изъ Италіи онъ захотѣлъ править народомъ по волѣ Божіей, "и ввести порядокъ въ судопроизводство, и устроить дѣла церковныя, и устроить также финансы, такъ чтобы не взимать съ народа болѣе милльона-двухъ-сотъ-тысячъ франковъ въ видѣ подати[208], кромѣ доходовъ съ своихъ доменовъ. Самъ Карлъ VIII, по свидѣтельству Коммина, не хотѣлъ обращать государственной казны на свои расходы, а желалъ жить доходами съ собственныхъ помѣстьевъ. «Онъ усиленно старался, продолжаетъ лѣтописецъ, уничтожить злоупотребленія бенедиктинскаго ордена, и другихъ духовныхъ корпорацій. Онъ приближалъ къ себѣ хорошихъ людей изъ духовенства, и бесѣдовалъ съ ними. Онъ имѣлъ доброе желаніе, чтобы каждый епи-

скопъ имѣлъ, если можно, одно епископство, если не былъ кардиналомъ; кардиналы же чтобы имѣли по два»[209]. Особенно на благосостояніе низшихъ классовъ и преимущественно земледѣльческихъ, обращали вниманіе Карль VIII и его ближайшіе преемники. Въ началѣ нашего труда мы имѣли случай говорить о бѣдственномъ положеніи французскихъ крестьянъ въ половинѣ XV вѣка. Оно было слѣдствіемъ продолжительной политической анархіи, обуревавшей Францію въ царствованіе Карла VI и Карла VII. Злоупотребленія помѣщиковъ, фиска и королевскихъ чиновниковъ, разбои бродягъ, грабежи и своеволие солдатски, все это обрушилось тогда на крестьянское сословіе. Вслѣдствіе всего этого, крестьяне бѣгутъ съ полей, на которыхъ никакая охранительная власть не обезпечиваетъ за ними жатвы; голодъ, вызванный прекращеніемъ полевыхъ работъ, производитъ чуму; бѣдствій является столько, что на сеймѣ 1484 года ораторы считали рабство болѣе обезпеченнымъ состояніемъ, чѣмъ тогдашнее крестьянское. Ближайшимъ источникомъ всѣхъ этихъ

бѣдствій было ослабленіе центральной власти, безсильной для поддержанія порядка и справедливости въ государствѣ. Паденіе королевскаго авторитета допустило утвердиться въ селахъ лихоимству и ростовщичеству, которыя привели крестьянъ къ потерѣ собственности, а та, въ свою очередь — къ прекращенію земледѣльческихъ работъ. Затѣмъ наступили войны, внутреннія и внѣшнія, соединенныя съ опустошеніями солдатски. Какъ велико было необузданное и жестокое своеволіе солдатъ, видно изъ того, что въ королевскихъ указахъ того времени запрещалось между прочимъ; «грабить по дорогамъ, захватывать земледѣльцевъ и ихъ скоть, уничтожать хлѣбъ, вино и другіе припасы, портить ихъ, бросать въ колодези, косить хлѣбныя посева и рубить ихъ на солому, рубить плодовые деревья, жечь, дома и службы, рубить крыши и утварь на дрова» и т. д. Людовикъ XI старался возвысить земледѣліе, но его непрерывныя войны съ феодалами опустошали страну. Число поземельныхъ собственниковъ всюду быстро уменьшалось, даже въ Лангедокѣ, который находился въ

болѣе благопріятныхъ условіяхъ [210].

Это тягостное, безвыходное положеніе дѣль существенно измѣняется при Карль VIII и его преемникахъ. Война, перенесенная за предѣлы государства и сама въ себѣ находившаяся необходимыя денежныя средства, перестала опустошать Францію. Въ то же время, внутри страны совершалось преобразование всѣхъ вообще гражданскихъ и соціальныхъ формъ жизни. Феодалы, укрощенные политикой Людовика XI и вызванные изъ отечества внѣшними войнами, перестали тяготѣть надъ земледѣльческими классами. Легисты получаютъ большій вѣсъ, законы пріобрѣтаютъ болѣе силы и опредѣленности, весь государственный строй приводится къ большому порядку. Правительство обнаруживаетъ дѣятельную заботливость объ улучшеніи быта крестьянскаго сословія. Францискъ I, въ одномъ изъ своихъ ордонансовъ, поставляетъ спеціальною цѣлью правительства: "охраненіе, возвышеніе и защиту низшаго сословія, самаго слабого и униженнаго, и потому болѣе другихъ подверженнаго притѣсненіямъ и обидамъ, и естественно

болѣ другихъ нуждающагося въ охраненіи, поддержкѣ и защитѣ".

Благодаря дѣятельнымъ усиліямъ правительства, которымъ руководили такіа благородныя желанія и соображенія, благосостояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи высоко поднялось въ царствованіе Людовика XII и Франциска I. Народонаселеніе быстро увеличивалось; трудъ, повсюду вступивъ въ свои права, превратилъ дымящіеся пустыри въ веселыя, оживленныя селенія. Земледѣліе, бѣжавшее прежде съ плодородныхъ нѣкогда полей, теперь захватывало каждый клочекъ земли, удобный къ обработкѣ. Земли показалось мало – стали вырубать лѣса и сушить рѣки, такъ что понадобились строгія мѣры, чтобъ остановить чрезмѣрный разливъ агрокультуры, грозившій превратить всю Францію въ одну обширную пашню. Благосостояніе крестьянъ сильно возвысилось, и ростовщичество не грозило имъ болѣе нищетою. Въ это время крестьяне всѣхъ провинцій стремятся упрочить за собою поземельную собственность, и число независимыхъ крестьянскихъ участко-

въ возрастаетъ по всей Франціи[211].

Таковы, въ общихъ чертахъ, главнѣйшія преобразованія, внесенныя въ умственную, художественную, политическую и экономическую жизнь Франціи итальянскимъ вліяніемъ.

Въ заключеніе, повторимъ въ немногихъ словахъ содержаніе нашего труда. Въ половинѣ XV вѣка, въ Европѣ совершается важный политическій переворотъ. Основной принципъ средневѣковой эпохи – единство, всемірная централизація – уступаетъ мѣсто идеѣ національной самобытности, особенности. Развитие учреждений, обнимавшихъ своими притязаніями весь европейско-христіанскій міръ, останавливается. На обломкахъ императорской власти возвышается власть королевская, источникъ и сила которой коренятся въ элементъ народности, національной самобытности и особенности. Въ этомъ новомъ движеніи, инициативу и первенствующую роль принимаетъ на себя Франція. Людовикъ XI представляетъ первый примѣръ короля-централизатора, осторожно-хитраго и вмѣстѣ жестокаго собирателя своей земли.

Онъ задумалъ политически переродить Францію и на развалинахъ Феодализма устроить свое собственное хозяйство. Онъ устремился къ этой цѣли съ высокимъ практическимъ тактомъ, съ шагъ осторожною, выжидательною хитростью. Онъ истощилъ и привелъ въ трепеть дворянъ, конфисковалъ ихъ лены, смирилъ парламентъ, университетъ, духовенство. Такимъ образомъ, за шагомъ, онъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ въ странѣ, раздѣленной до того времени между Феодалными единицами. Франція возвысилась до цѣльнаго народнаго единства, сплотилась въ одну національность. Реакція противъ этого новаго порядка вещей, созданнаго Людовикомъ XI, обнаруживается тотчасъ по вступленіи на престолъ малолѣтняго Карла VIII; но умная правительница Анна Божья, сестра Карла VIII, побѣждаетъ реакцію, и первая десять лѣтъ своего регентства заботится о сохраненіи порядка вещей, въ которомъ оставилъ Францію Людовикъ XI. Но съ 1494 года, положеніе дѣлъ измѣняется. вмѣсто дальнѣйшаго развитія новыхъ началъ, положенныхъ Людовикомъ XI въ основаніе внут-

ренняго быта государства, Франція устремляется во внѣшнія предпріятія. Наступаетъ эпоха французско-итальянскихъ войнъ, которыя, будучи тѣсно связаны съ реформою Людовика XI, указываютъ начатому имъ движенію новый исходъ. Борьба монархическаго начала съ сословными и корпоративными стихіями, приведенная Людовикомъ XI къ исходу, благопріятному для центральной власти, прекращается. Побѣжденное въ этой борьбѣ феодальное начало перестаетъ быть значительнымъ факторомъ французской исторіи; остатокъ неугомонныхъ феодальныхъ силъ, пережившихъ критическую эпоху борьбы, находитъ исходъ въ итальянскихъ войнахъ. Цвѣтъ французскаго рыцарства падаетъ въ битвахъ; храбрый, великодушный Баярдъ, послѣдній представитель средневѣковыхъ витязей, истекаетъ кровью въ битвѣ при Романьяно. Короли, не тревожимые болѣе спокойными средневѣковыми стихіями, направляютъ свою дѣятельность въ другую сторону. Очарованные пышнымъ цвѣтомъ итальянской культуры ослѣпленные идеей свѣтскаго абсолютизма, такъ широко и разнообразно

развившейся на итальянской почвѣ, они стремятся перенести въ предѣлы своего государства итальянскую цивилизацію временъ возрожденія. То, что коварствомъ, угрозою, грубою силою пріобрѣлъ Людовикъ XI, они стремятся сохранить за собою силою нравственнаго вліянія. Ставъ во главѣ цивилизующаго движенія, они пріобрѣтаютъ новый авторитетъ въ глазахъ народа: они являются передъ нимъ среди пышной придворной обстановки, окруженные всѣми тонкостями итальянскаго этикета. Что касается до итальянской цивилизаціи, которой предстояло имѣть такое сильное вліяніе на Францію, то главныя отличительныя черты ея были слѣдующія:

а) Въ религіозной сферѣ: вызывается къ жизни античный сенсуализмъ, проповѣдуется возвращеніе къ естественному, непосредственному быту. Христіанскій аскетизмъ предается порицанію, и ему противоплагаются требованія челоѵческой природы. Паганизмъ всюду или вытѣсняетъ христіанство, или безобразно переплетается съ нимъ.

б) Въ научной сферѣ: среднеѵковому Ари-

стотелю арабской редакціи противопологается сначала оригинальный, классическій Аристотель, а потомъ Платонъ. Схоластика пре-
дается осмѣянію, отъ науки требуется
содержанія и жизненности. Изученіе древни-
хъ языковъ почитается единственнымъ путе-
мъ въ міръ классической цивилизаціи.

с) Въ художественной сферѣ: вызываются
къ жизни античные идеалы. Техника быстро
совершенствуется. Задачею искусства полага-
ется воплощеніе средневѣковыхъ идеаловъ
въ античныхъ формахъ.

d) Въ политической сферѣ: вызывается къ
жизни государственная идея, забытая въ
средніе вѣка. Свѣтскій авторитетъ противопо-
лагается духовному. Національность возво-
дится въ принципъ.

Таковы были духъ и характеръ итальян-
ской цивилизаціи временъ возрожденія. Что
касается до политическаго состоянія Италіи
въ эту эпоху, то оно представляло мало отрад-
наго. Силы страны были парализованы
отсутствіемъ національнаго единства. Разно-
родныя, большія и малыя, государства Италіи,
были разъединены взаимными антипатіями,

и для своихъ частныхъ интересовъ жертвовали благомъ цѣлаго полуострова. Всюду въ Италіи кипитъ междуусобная борьба между государями съ одной, и между государями и подданными съ другой стороны. Подъ радужной оболочкой цивилизаціи гноятся смертельныя язвы, порожденныя политической разрозненностью и деспотизмомъ.

Карль VIII вступилъ въ Италію съ шестидесяти-тысячнымъ войскомъ, безъ труда завоевалъ Неаполь, но, не будучи въ силахъ удержать его за собою, предпринялъ обратный путь во Францію. Итальянцы, составившіе лигу противъ Карла VIII, хотѣли задержать его, но послѣдній, разбивъ ихъ при Форново, оружіемъ проложилъ себѣ путь въ отечество.

Это было началомъ французско-итальянскихъ войнъ.

Исторія этихъ войнъ сопоставляетъ бытъ страны, едва начинавшей выступать изъ тѣсныхъ рамокъ средневѣковой жизни, съ бытомъ Италіи, которая вся, всѣми сторонами своего существованія, принадлежала новому времени, вѣку возрожденія. Понятно, что

столкноненіе двухъ народностей, стоявшихъ на столь различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, не могло остаться безъ сильнаго вліянія на ту изъ нихъ, которая стояла назади по своему духовному развитію. Взорамъ варваровъ, наводнившихъ въ 1494 Италію, возрожденіе предстало во всеоружіи. Оно обнажило передъ ниши глубину и богатство своихъ идей, и обольстительную прелесть формъ, въ которыя онѣ воплощались. Вліяніе, воздѣйствіе, было неизбежно. Оно обнаружилось:

а) Въ художественной сферѣ: средневѣковое готическое искусство во Франціи, съ XV в. приходившее въ упадокъ, было италянизировано. Постройки Карла VIII и Людовика XII относятся еще къ смѣшанному стилю, въ которомъ готическій остовъ украшается античными орнаментами, но сооруженія Франциска I, за исключеніемъ Шамборскаго замка, принадлежатъ новому стилю. Эти зданія украшаются произведеніями скульптуры и живописи, созданными итальянскими художниками, или по ихъ образцамъ. Французскіе художники

подражаютъ Итальянцамъ.

б) Въ политической сферѣ: королевская власть, возвышенная реформою Людовика XI, возвышается еще болѣе среди роскошной и блистательной обстановки, бывшей результатомъ итальянскаго вліянія. Великолѣпіе двора, соединившееся вскорѣ съ испорченностью нравовъ, ослѣпляетъ, подавляетъ воображеніе массъ. Столкновение многихъ народностей во французско-итальянскихъ войнахъ расширяетъ кругозоръ европейской политики, которая создаетъ систему европейскихъ государствъ и идею политическаго равновѣсія. Раждается и пріобрѣтаетъ важное значеніе дипломатическое искусство.

Собственно во Франціи, возвышеніе центральной власти облегчаетъ водвореніе въ странѣ порядка и правосудія. Уровень народнаго благосостоянія возвышается, земледѣліе достигаетъ процвѣтанія, число крестьянъ-собственниковъ быстро увеличивается.

Примечания

Ссылки на источники, непоименованные в этомъ краткомъ обзорѣни, находятся ниже, в примѣчаніяхъ.

[^^^]

Songe du Vergier, I.I. ch. 36 (apud Laurent, La
Papaute et Empire, p. 316).

[^^^]

Germania, cap. 43 (apud Laurent. Ibid.).

[^^^]

4

Cp. Kortun, Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit.I. Isqq.

[^^^]

5

Cp. Kortun, Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit.I. Isqq.

[^^^]

Lenglet du Fresnoy, Preface aux Memoires de
Commines, 3 sqq.

[^^^]

Clement. I. 49.

[^^^]

Leber, Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen âge, 58, note. Анекдотическая бедность Карла VII выражается также в следующей народной пьсьнке, приводимой Клеманом (Jacques Coeur. I. 54):

*Un jour que la Hire et Poton
 Le (Charles VII) veindre veoir, pour
 festoymet
 N'avoit qu'un queue de mouton
 Et deux poulets tant seulement.
 Las! cela est bien aux rebours
 De ces viandes delicieuses
 En des mets qu'on a touts les jours
 En des tables plus comptueuses.*

[^^^]

Leber, 97. Clement, I. 93. Болѣ точныя цифры королевскихъ и государственныхъ доходовъ Франціи при Карле VII слѣдующія;

Доходы королевскихъ доменовъ 500,000 ливровъ.

Доходы фиска (преимуш. Taille). 1,800,000

—
Всего 2,300,000 ливр.

[^^^]

Lenglet du Fresnoy, 6.

[^^^]

Memoire d'un particulier touchant Charles VII,
etc. 194. (Помѣщено в «Archives curieuses de
l'histoire de France», 1-re serie, t. 1).

[^^^]

Доходы Фиска по всѣмъ статьямъ сильно возвысились въ царствованіе Людовика XI; такъ напр. одни доходы королевскихъ доменовъ возросли до 1 милл. тогдашнихъ франковъ. См. Leber, 58, note.

[^^^]

Cp.Kortum, I. 9-10.

[^^^]

Карлъ VIII родился въ 1470 г. Людовикъ XI умеръ въ 1483.

[^^^]

Forsemagne, Eclaircissements hystoriques sur quelques circonstances du voyage de Charles VIII en Italie, etc. (Помѣщено въ Memoires de l'Academie des Inscriptions, XVII. 539).

[^^^]

Roscoe, Vie et Pontificat de Leon X. I. 152.

[^^^]

Memoire d'un part. 165. Подозрительный Людовик XI такъ строго держалъ свою жену, что она могла говорить только с двумя-тремя довѣренными слугами, и не могла отлучаться изъ своего амбуазскаго замка, гдѣ Людовикъ XI, по выраженію одного анонимнаго хроникера, посѣщалъ ее только pour le de-sir d'avoir des enfants. Mem. d'un part. 165.

[^^^]

Mem. d'un part. 163–164. Roscoe, Leon X. I. 152.

[^^^]

Ibid. 164. Варѳоломей Коклесъ, знаменитый астрологъ и физиономистъ XV вѣка, слѣдующимъ образомъ описываетъ наружность Карла VIII: «Il avoit la teste grosse et le nez excessivement aquilin et grand, les levres assez plates, le menton rond avec une petite fosse, les yeux grands et sortants au dehors, le cor trop cour et non assez roide la poitrine et le dos assez larges, les flanes assez plein, et lo ventre assez charnu, le siege de bonne largenre, mais les cuisses et les jambes fort gresles, quoique binh longues». Mem. d'un part. 163–164.

[^^^]

Roscoe. I. 152.

[^^^]

Mem. d'un part. 184 et 192. Женщины имѣли вліяніе на самыя рѣшительныя событія царствованія Карла VIII. По свидѣтельству Mem. d'un part. (р. 184) придворные старались склонить Карла къ неаполитанскому походу чрезъ вліяніе его метрессъ. Намѣреваясь во второй разъ завоевать Неаполь, и темъ поправить первую неудачу Карль VIII прибылъ въ Ліонъ, гдѣ все было приготовлено къ походу, но отсюда неожиданно вернулся въ Туръ, чтобы повидаться съ одною жившею тамъ дѣвушкой; затемъ, походъ былъ отложенъ (ibid. 192). Сифилитическая язва, появившаяся в концѣ XV вѣка, избрала Карла VIII одною изъ первыхъ жертвъ своихъ (ibid. 185. Michelet. Renaissance, 236 et 492).

[^^^]

«Le Roy ne fut jamais que petit homme de corps et peu entendu, mais etait si bon, qu'il ne fut jamais possible de voir meilleure creature». Commynes, apud Roscoe, I. 152.

[^^^]

Карль VIII часто говорилъ: мечъ и копье – оружіе наступательное; латы и щитъ – оружіе оборонительное; но книги – то и другое вмѣстѣ (Mem. d'un part. 194). Въ этомъ взглядѣ на науку нельзя не распознать человека, посѣтившаго Италію во время ожесточенной полемики гуманистовъ. (Объ этой полемикѣ см. Voigt, die Wiederbelebung des classischen Alterthums, oder das erste Jahrhundert des Humanismus).

[^^^]

Michelet, Renaissance, 179 sqq.

[^^^]

Ibid. Большинство историковъ смотритъ на государственные чины 1484 г. какъ на всеобщую, и преимущественно народную, реакцію противъ политики Людовика XI; но Мишле очень вѣрно, какъ намъ кажется, замѣчаетъ, что это была только реакція аристократическая, т. е. реакція сословія, интересы котораго наиболѣе пострадали въ предшествовавшее царствованіе; народъ же едва ли могъ желать возвращенія ко временамъ Карла VII, о которыхъ вздыхали Феодалы. Единственнымъ обстоятельствомъ, могшимъ возбудить неудовольствіе народа противъ политики Людовика XI, было возвышеніе налоговъ, явившееся вслѣдствіе расширенія государственныхъ потребностей; но это обстоятельство не могло быть значительнымъ если принять во вниманіе, что Людовикъ XI, усиливая налоги, усиливалъ вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ ихъ взиманія, и возвышалъ матеріальное благосостояніе страны.

Mem d'un part. 166 sqq. Michelet, Renaissance,
181 sqq.

[^^^]

Всѣ бывшія въ нашемъ пользованіи лѣтописи о царствованіи Карла VIII начинаются приблизительно 1494 годомъ. Комминъ начинается 1484 г., но вслѣдъ за тѣмъ дѣлаетъ быстрый переходъ къ 1494 году; вообще, въ его мемуарахъ нѣтъ никакой связи между царствованіями Людовика XI и Карла VIII.

[^^^]

Mem. d'un part. 169. Странно, что ни одинъ историкъ не обратилъ вниманія на существованіе двухъ партій при дворѣ Карла VIII, между тѣмъ какъ на него ясно указываютъ Гвиччардини, Комминъ и Mem. d'un part. Оттого многія обстоятельства царствованія Карла VIII остаются у нихъ необъясненными; Мишле, напр. не можетъ понять, почему Комминъ и др. лѣтописцы такъ рѣзко отзываются о Брисонне и Векъ, тогда какъ ихъ дѣйствія обнаруживаютъ замѣтныя дарованія. По нашему мнѣнію, это объясняется очень просто: Комминъ принадлежалъ къ старой придворной партіи, а Брисонне и Векъ были любимцами Карла VIII и сторонниками неаполитанскаго похода. Впрочемъ, Комминъ самъ себя противорѣчитъ, говоря въ одномъ мѣстѣ, (р. 431) что Брисонне былъ человѣкъ очень свѣдуцій въ финансахъ, *homme riche et bien entendu en finance*, а черезъ нѣсколько страницъ (р. 439) отзываясь о немъ и о Векъ, какъ о людяхъ ни къ чему неспособныхъ: *deux hommes de petit estat, et qui de nulle chose*

n'avoient eu experience.

[^^^]

Guicciardini, Histoire des guerres d'Italie, I. 29.

[^^^]

Mem. d'un part, 164.

[^^^]

Ibid. 184. Guicciardini I. 22.

[^^^]

Foncemagne, 512 sqq. Guicciardini I. 22.

[^^^]

Foncemagne, 549.

[^^^]

Ibid. 542.

[^^^]

Ibid. 543–544. Фонсманъ говоритъ, что онъ видѣлъ въ рукописи еще два памфлета, изъ которыхъ одинъ, принадлежащій Гилльйому изъ Бордо, и появившійся въ 1494 году, заключалъ въ себѣ слѣдующее пророчество о Карлѣ VIII:

*Il fera de si grant batailles,
 Qu'il subjuguera les Ytailles (Naples),
 Ce fait, d'llec (d'ici) il s'en ira,
 Et passera dela (au-dela) mer...
 Entrera puis dedans la Grece,
 Ou, par sa vaillant proesse (prouesse)
 Sera nomme Ie Roy des Grecs...
 En Jerusalem entrera
 Et mont Olivet montera...*

(p. 545).

[^^^]

Commins, 431. Guicciardini I. 23–27.

[^^^]

Комминъ прибавляетъ, что послы Людовика Сфорцы старались при этомъ дѣйствовать также на любимцевъ Карла VIII, генерала Брисонне и Стефанфа Веска (р. 431).

[^^^]

Commines, 439. Guicciardini I. 27 sqq. Michelet, Renaissance, 184.

[^^^]

Commines, 440. Guicciardini, I. 30.

[^^^]

Guiscardini I. 30. Гвиччардини прибавляетъ, что въ этомъ договорѣ со стороны Франціи принимали участіе только Брисонне и Вексъ. Нѣкоторое время его отъ всѣхъ таили.

[^^^]

Карль VIII обязывался вносить въ генуэзскій банкъ 14 т. дукатовъ каждые четыре мѣсяца, что составляло въ годъ 42 %. Commines, 440.

[^^^]

Foncemagne, 547.

[^^^]

Guicciardini I. 2.

[^^^]

Voigt, Wiederbelebung des classischen
Alterthums, 65.

[^^^]

Ibid, 57.

[^^^]

Michaud, Histoire des croisades, III. 553, 359.

[^^^]

Voigt, 105.

[^^^]

Ibid. 165.

[^^^]

АНТОНИНЪ см. Voigt, 194.

[^^^]

Voigt, 63.

[^^^]

Laurent, la Reforme, 386, note.

[^^^]

Фойгтъ приводитъ характеристическій анекдотъ о томъ слѣпомъ благоговѣніи, какое питалъ Альфонсъ I къ самымъ посредственнымъ изъ гуманистовъ. Однажды, когда Манетти, бездарный и напыщенный ригоръ, читалъ передъ Альфонсомъ одну изъ своихъ рѣчей, муха сѣла на носъ престарѣлаго короля — и какъ она ни беспокоила его, онъ рѣшился согнать ее не прежде, какъ по окончаніи чтенія.

[^^^]

Voigt, 223–227.

[^^^]

Ibid. 227–230.

[^^^]

Laurent, Reforme, 396.

[^^^]

Voigt, 4.

[^^^]

О Византійскихъ Грекахъ въ Италиі см. Voigt, и Vilemain: *Eludes d'histoire moderne*, гдѣ помѣщена его историческая повѣсть *Lastaris*, мало впрочемъ замѣчательная.

[^^^]

См. Voigt, кн. 2 и Roscoe, Leben Lorenzo de Medici, извлечение Spielhagen'a.

[^^^]

Voigt, 38–40.

[^^^]

Ibid. 45–49.

[^^^]

Tiraboschi, Storia della letteratura italiana, VI.
544.

[^^^]

Voigt, 346.

[^^^]

Tiraboschi VI. 341: «ne alcuna publica calamita
ch'ei non attribuicca alia platonica filosofia».

[^^^]

Ibid. VI. 544, Roscoe, Lorenzo de' Medici, 84 sqq.

[^^^]

Tiraboschi VI. 544–545: «e il lor trasporto per
esso giunse a tal segno, che li condusse sino a
soriver pazzie che non si posson leggere senza
risa».

[^^^]

Voigt, 114–115.

[^^^]

Roscoe, Lorenzo de' Medici, 18–19. Voigt, 114.

[^^^]

Voigt, 481.

[^^^]

Ibid. 252.

[^^^]

Ibid. 126–131.

[^^^]

Laurent, Reforme, 391.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Ibid. 392.

[^^^]

Ibid. 393–394.

[^^^]

Marot, 2 epitre du coq a l'ane, ap. Laurent,
Reforme, 391.

[^^^]

Vasari, ap. Roscoe, Lorenzo de' Medici, 178 sqq.

[^^^]

Roscoe, Lorenzo de'Medici 179–181.

[^^^]

Lubke, Geschichte der, Architektur, 508.

[^^^]

Voigt, 31–34, 76 sqq.

[^^^]

Ibid. 36 sqq. 60 sqq.

[^^^]

Bluntschli, Deutsches Staatswörterbuch, VI.
512–513.

[^^^]

Патріотическими стремленіями Макиавелли объясняется, между прочимъ, и его теорія свѣтской власти, изложенная въ II Principe. Цезарь Борджіа служитъ какъ бы олицетвореніемъ того идеала, который начерталъ Макиавелли въ этой книгѣ.

[^^^]

Guicciardini, I. 67.

[^^^]

Статья г. Эссена о Савонаролѣ (по Villari),
помѣщенная въ Библиотекѣ для чтенія за
1860 г. стр. 15 sqq. N 9.

[^^^]

Michelet, Renaissance, 174. Въ сказаніяхъ современниковъ эта цифра различно измѣняется, смотря по тому, берутъ ли они численность французскаго войска до перехода черезъ Альпы, или послѣ перехода.

[^^^]

Guicciardini I. 76 sqq.

[^^^]

Mem. d'un part. 188.

[^^^]

Desrey, Relation de l'entreprise du voyage du roy Charles VIII etc (помѣщено въ Archives curieuses de l'histoire de France, 1-re Serie I. 1, p. 205.

[^^^]

Mem. d'un part. 189. Guicciardini I. 75.

[^^^]

Guicciardini I. 75.

[^^^]

Commines 440. Guicciardini I. 68.

[^^^]

Commines, 440, note.

[^^^]

Guicciardini I. 74.

[^^^]

Библ. для чт. 1860. N 9. Савонарола, стр. 1.

[^^^]

Mem. d'un part. 185–186. Тотъ же авторъ говорить, что итальянскія дамы вообще были необыкновенно благосклонны къ Французамъ; за что сильно злобились ихъ мужья и братья. Ib. 185.

[^^^]

Ib. 185. Desrey, 205.

[^^^]

Desrey, 217. Roscoe, Vie de Leon X, I, 189.

[^^^]

Mem. d'un part. 184–185.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Commines, 431. Guicciardini во МНОГИХЪ
МѢСТАХЪ.

[^^^]

Guicciardini I. 40.

[^^^]

Ibid I. 14.

[^^^]

Commines, 430. Guicciardini I. 14.

[^^^]

Guicciardini I. 82.

[^^^]

Commines, 449.

[^^^]

Machiavelli, Le islorie fiorentine, 4 edizione, I. II.
66.

[^^^]

Roscoe, Leben Lorenzo de'Medici, 2.

[^^^]

Ibid. 3–4.

[^^^]

Guicciardini I. 2. Лоренцо особенно заботился примирить Людовика Мора съ неаполитанскимъ домомъ, какъ бы предвидя, что эта вражда послужить источникомъ продолжительныхъ бѣдствій для Италіи. Ibid. I. 6.

[^^^]

Guicciardini I. 53. 85.

[^^^]

Библ. для чт. 1860. N 9, стр. 3.

[^^^]

Ibid. 1–4.

[^^^]

Ibid. 12–13.

[^^^]

Roscoe, Leon X. I. 195.

[^^^]

Ibid.I 1 185. Leo, Geschichte der Italienischen Staaten, V. 81 sqq. Guicciardini I. 87.

[^^^]

Guicciardini I. 90. Leo V. 82 sqq. Roscoe, Leon X. I. 197 sqq. Библ. для Чит. 1860. N 9. 17. Commynes, 454 sqq.

[^^^]

Leo V. 83. Roscoe, Leon X, I 200 Guicciardini I. 91 sqq. Commines, 453. По справедливому замѣчанію Коммина, Карль VIII не имѣлъ никакого права такъ самовластно распоряжаться отношеніями Пизанцевъ къ Флорентинцамъ, потому что Пиза была уступлена ему только до окончанія военныхъ дѣйствій.

[^^^]

Ibid. ibid. ibid.

[^^^]

Commines, 457. Библ. для чт. 1860. N 9. 18
Guicciardini I. 95 sqq. Mem. d'un part. 186.

[^^^]

Burchard, Diarium, 233 (Помѣщ. въ Archives curieuses de l'histoire de France, 1-re serie, I. 1.).

[^^^]

Guicciaridini I. 97.

[^^^]

Ibid. I. 98.

[^^^]

Ibid. I. 99. Commines, 485.

[^^^]

Commines, 486 sqq. Образъ дѣйствія Коммина во время пребыванія его въ Венеціи въ качествѣ посланника всего лучше опредѣляетъ, какъ далеко опередили тогда итальянцы французовъ въ, дипломатическомъ искусствѣ. Комминъ является здѣсь честнымъ добрякомъ довольно ограниченнаго ума, совершенно растерявшимся среди интригъ, которыя опутали его соотечественники Макиавелли. Онъ простодушно вѣритъ всѣмъ на слово, дѣйствуетъ безъ такта, горячится и важничаетъ, и заботится прежде всего о поддержаніи достоинства своего короля.

[^^^]

Guicciardini I. 7.

[^^^]

Roscoe. Leon X. I. 141.

[^^^]

Cuicciardini I. 15. Roscoe, Leon X. I. 149,

[^^^]

Guicciardini I. 16.

[^^^]

Гвиччардини и многіе др. современные лѣтописцы, напротивъ, говорятъ положительно, что Александръ VI одобрялъ и возбуждалъ Карла VIII къ неаполитанскому походу; но Роско (Leon X, I. 167. note) подвергаетъ сомнѣнію достовѣрность этихъ свидѣтельствъ, и подкрѣпляетъ свое мнѣніе основаніями, заслуживающими полного вниманія.

[^^^]

Guicciardini I. 101 sqq.

[^^^]

Ibid I. 04.

[^^^]

Burchard, 270 sqq. Diarium Бурхарда, до сихъ поръ еще не изданный вполнѣ, представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ историческихъ памятниковъ конца XV и начала XVI вѣка Съ достовѣрностью сообщаемыхъ имъ свѣдѣній онъ соединяетъ дѣтскую наивность изложенія, которая рѣзко отличаетъ его отъ дипломатическихъ и полныхъ резонерства разсказовъ Гвиччардини и Макіавелли. Мы пользовались этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ въ отрывкахъ, находящихся въ Archives curieuses de l'histoire de France и въ приложеніяхъ къ Гордону (Vie du pape Alexandre VI) и Роско (Leon X).

[^^^]

Burchard, 272.

[^^^]

Ibid, 272 sqq.

[^^^]

Ibid. 274.

[^^^]

Ibid. 272. Foncemagne, 551 sqq.

[^^^]

Сполето, вопреки договору, не былъ данъ Французамъ.

[^^^]

Guicciardini I. 105.

[^^^]

Michaud, Histoire des Croisades, IV. 34–40.

[^^^]

Ibid. IV. 46. Говорили, что Баязетъ обѣщаль папѣ большую сумму денегъ, если онъ избавить его отъ Зизима, опаснаго по своимъ притязаніямъ.

[^^^]

Burchard, 502.

[^^^]

Commines, 463 sqq. Guicciardini I. 25.

[^^^]

Commines, 467 sqq. Guicciardini I. 107–108.

[^^^]

Burchard, 302. Roscoe, Leon X, I. 229.

[^^^]

Roscoe I. 250. Commines, 469.

[^^^]

Commines 473. Roscoe, Leon X. I. 235.

[^^^]

Ibid. ibid.

[^^^]

Guicciardini I. 110–116.

[^^^]

Ibid. I. 134.

[^^^]

Mem. d'un part. p. 187. 188.

[^^^]

Guicciardini II. 141. Roscoe, Leon X, I. 245 sqq.

[^^^]

Roscoe, Leon X. I. 247.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Mem. d'un part. 185.

[^^^]

Commines, 495. Guicciardini II. 146. Andre de Vigne, Vergier d'honneur du roy Charles VIII. (Помѣщено въ Archives curieuses de l'histoire de France, 1-re serie, I. 1.) p. 364.

[^^^]

Guicciardini II. 146.

[^^^]

Ibid. II. 178–180.

[^^^]

Commines, 559. Roscoe, Leon X. I. 172–274.
Guicciardini II. 183. sqq.

[^^^]

Mem. d'un part. 197. Commines, 466.

[^^^]

Guicciardini II. 151. Soscoe, Leon X, I. 255.

[^^^]

Guicciardini II. 152 sqq.

[^^^]

Ibid. II. 159.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Desrey, 218.

[^^^]

Guicciardini II. 159.

[^^^]

Ibid. II. 160. Commines, 510.

[^^^]

Commines, 509: Guicciardini II. 159.

[^^^]

Commines, 513.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Guicciardini II. 159.

[^^^]

Въ точности нельзя опредѣлить, какъ далеко простиралась численность французскаго войска въ битвѣ при Форново. Andre de Vigne говорить, что въ этомъ кровавомъ сраженіи Французы бились одинъ противъ десяти (Verg'er d'honneur, 387); Mem. d'un part. (191) даетъ пропорцію одного противъ шести. Самымъ невыгоднымъ для Французовъ обстоятельствомъ было здѣсь то, что въ этой битвѣ почти не участвовала ихъ артиллерія, составлявшая главную силу Карла VIII. (Michelet, Renaissance, 226. Guicciardini 11. 172.)

[^^^]

Guicciardini II. 160.

[^^^]

Ibid, 11, 161.

[^^^]

Commines, 517. Guicciardini II. 163.

[^^^]

Commines, 517.

[^^^]

Guicciardini I. 164. Commines, 522.

[^^^]

Guicciardini II. 165.

[^^^]

Ibid. II. 166. Commines, 519.

[^^^]

Commines, 524 sqq. Guicciardini II. 166. sqq.

[^^^]

Guicciardini, II. 169–170.

[^^^]

Ibid. II. 170 sqq. Commines 523 sqq.

[^^^]

Ibid. ibid, Michelet, Renaissance, 226.

[^^^]

Roscoe, Leon X. 1276.

[^^^]

Мишле, Реформа, гл. XII.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Moyen age et Renaissance, t. V. статья Lassus;
Architecture civile et religieuse.

[^^^]

Commines, 590.

[^^^]

Clement, Jacques Coeur II. 50–51.

[^^^]

Lubke, Geschichte der Architektur, 543. Мишле,
Реформа, гл. XXI. стр. 102.

[^^^]

Lubke, 543. Мишле, Реформа, гл. XIV.

[^^^]

Мишле, Реформа, гл. XIV.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Ibid. гл. XX.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Мишле, Реформа, гл. XX.

[^^^]

Ibid.

[^^^]

Ibid. XXII.

[^^^]

Ibid. гл. XX.

[^^^]

При Францискѣ I, также и при Генрихѣ II, такихъ пажей было около 130, изъ нихъ ежегодно до 50 чел. выходили въ пѣхоту, въ тяжёлую и лёгкую кавалерію. Брантомъ, т. 11, стр. 350 и 354. *Прим. Минье.*

[^^^]

Я слышалъ, что какъ только ко двору являлася какая нибудь красивая дѣвица или молодая дама, онъ тотчасъ же сближался съ нею, и чтобы склонить ее, обыкновенно говорилъ, что самъ хочетъ заняться ея образованіемъ. Прекрасный наставникъ!.. Тогда говорили также, что изъ числа состоявшихъ при дворѣ и поступавшихъ туда вновь дѣвицъ и дамъ почти вовсе не было такихъ, которыхъ не развратило бы или собственное корыстолюбіе, или щедрость кардинала и очень немногія, а можетъ быть и ни одна изъ нихъ не оставила этого двора с незапятнаннымъ именемъ".
Брант. Т. VII с. 540. *Прим. Минье.*

[^^^]

Минье; Исторія Маріи Стюартъ, ч. I. гл. I. стр. 16–18.

[^^^]

Roscoe, Leon X, 1. 277.

[^^^]

Korffim I. 230.

[^^^]

Людовикъ XII уменьшилъ эту цифру наполовину. См. Doniol, Histoire des classes rurales en France, 275.

[^^^]

Commines, 591.

[^^^]

Doniol, Histoire des classes rurales en France,
249–254.

[^^^]

Ibid. 271–281.

[^^^]